

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

М.С.СЕРГЕЕВ

**БЕРБЕРЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

2003

Научное издание

М.С.СЕРГЕЕВ
БЕРБЕРЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
М., 2003, 214 стр.

ISBN 5-89394-103-9

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-103-9

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ВВЕДЕНИЕ

Ряд государств Северной Африки, и прежде всего – Марокко и Алжир, сталкивающиеся в настоящее время в той или иной мере с проблемой исламизма, в среднесрочной перспективе рискуют получить еще одну проблему, связанную с быстрым ростом национального самосознания берберов и, как следствие, их возможной «балканизацией». К такому выводу приходит все больше политологов, анализирующих ситуацию с берберским вопросом в этих формально «арабских» странах. Что заставляет их делать подобное умозаключение?

Чтобы понять причины, вызвавшие возникновение берберской проблемы в ее современном виде, и вообще разобраться в ней, любому исследователю необходимо ответить на следующие вопросы: Кто такие берберы? Откуда взялись они в Северной Африке? Почему они, равно как и курды, не имеют ни своей государственности, ни даже автономии?

Амазиги или берберы считаются коренным населением Северной Африки. Само слово «амазиг» означает на берберском языке тамазиг «свободный человек». Имазигены (множественное число от амазиг) являя собой один из самых древних народов, проживающий в Северной Африке, по некоторым данным, уже 10 тысяч лет и имеющий богатейшую историю. Считается, что берберы (в дальнейшем по тексту во множественном числе – амазиги) первыми обосновались в этом субрегионе, поскольку исторических данных об их каких-либо предшественниках просто не имеется. Поэтому их считают автохтонным народом региона. Некоторые исследователи (Иддир Амара) называют берберов прямыми наследниками протосредиземноморского человека (82, 15.07.2001). Понятие земля «тамазга» относится к территориям, на которых исторически жили берберы – от Канарских островов вдоль южного берега Средиземного моря и до египетского оазиса Сива – на востоке, и до реки Нигер – на юге. Именно в этом регионе археологи находят многочисленные подтверждения жизни этого народа: наскальные рисунки, некрополи и другие.

Некоторые историки считают, что слово «берберы» было введено в оборот римлянами в отношении населявших Северную Африку народов в ходе завоевания этого региона. В зависимости от места проживания их называют «леквала» (Кабилия, Алжир), «иагара» (туареги Хоггарского нагорья), рифаи (горы Риф, Марокко).

Автору этих строк приходилось даже слышать из уст берберов красивую теорию о том, что берберы, т.е. варвары, имеют европейские корни и родственны германским народам. Кстати, само существование

этой теории привело к тому, что немало марокканских берберов в годы Второй мировой войны воевало на стороне фашистского вермахта.

Согласно другой версии, берберы имеют единые корни с народами, населявшими Иберийский полуостров. У них общая история задолго до попадания в зависимость от могущественного Рима. Многие историки и лингвисты в подтверждение этого вывода приводят лингвистическую схожесть берберского и иберо-кавказских языков.

Ряд исследователей сходится во мнении, что заселение западной части Северной Африки имело общую отправную точку – Западную Азию, но колонизация шла по двум направлениям. Первое – через северные средиземноморские районы Африки (более светлые племена), второе – через Западную Африку (темные племена). Отличительной особенностью заселения региона было отсутствие доминирования какой-либо группы племен (26, с.6).

По данным алжирской исследовательницы Малики Хашид, первые берберы появились в Северной Африке примерно 11 тысяч лет назад. После того, как они приручили лошадей и верблюдов, они сумели быстро занять весь регион. В Египте берберы основали XXII-ю и XXIII-ю династии. Во время Пунических войн берберы помогли Риму разбить Карфаген.

В целом большинство исследователей сходится во мнении, что в последние три тысячелетия до нашей эры берберы Северной Африки находились скорее под влиянием средиземноморской цивилизации, чем какой-либо из восточных или африканских. Они скорее были оседлыми, чем кочевыми, с преимущественным занятием скотоводством, и их главным занятием была работа на земле. Взаимодействие с финикийцами многое дало берберам в плане заимствования опыта торговли и устройства городов. Самым важным результатом этих связей стало появление к IV веку до н.э. на территории современного Марокко – в его северной части – сильных монархий. Позднее все они пали под ударами могущественного Рима.

История берберов начиная с X века до н.э. – это история непрерывных завоевательных войн против тамазиги. На эти земли, сменяя друг друга, нападали финикийцы, римляне, вандалы, византийцы, арабы, испанцы, итальянцы, турки и французы.

Берберский язык тамазиг существовал уже в период ранней античности. Он имеет свою оригинальную графику. Сохранившаяся среди туарегов и имеющая отчетливо выраженные геометрические формы графика языка (тафинаг) существовала уже 4 тыс. лет назад. В последнее время усилиями берберских культурно-просветительных организаций она возвращается в обиход и подкрепляет разговорные диалекты. Кроме того, все более широкое применение получает альтернативная графика, основанная на латинице. У тамазиг своя весьма сложная и запутанная история. Фактически утративший письменность и долгое время нигде не преподаваемый берберский язык дол-

гие столетия скрывался в своем главном пристанище – семье, передаваясь от поколения к поколению. Различают три основных устных диалекта берберского языка – зената, масмуда и санхаджа. С созданием моноязыковой (арабской) школы тамазигу вообще грозила перспектива исчезновения. Однако, ко всеобщему удивлению его противников, этого не произошло. Молодое поколение берберов в конце XX века востребовало тамазиг. Он получил своих поэтов и певцов, что во многом предопределило его быстрый успех. Тамазиг – это не археологическая реликвия, как пытаются представить дело его противники. Это – живой язык. Да, он далек от совершенства по существующим меркам в силу того, что долгое время находился под запретом, но берберский язык имеет все права на существование.

После завоевания Севера африканского континента арабами началась ассимиляция берберов, распространение среди них ислама, насаждение арабского языка, письменности и культуры, фальсификация берберской истории. Этот процесс был достаточно длительным. В частности, в 1830 г. около половины населения современного Алжира продолжали говорить на берберском языке (23, с.6). Устоять против арабского проникновения удалось, пожалуй, только туарегам. Во многом это случилось потому, что они укрылись в удаленных районах, оказавшихся недоступными для завоевателей (70, 10.1997). Ныне «берберская проблема» в той или иной степени характерна для всех без исключения стран региона.

Без какой-либо натяжки можно утверждать, что берберы играли и играют одну из важнейших ролей в истории стран Средиземноморского бассейна вообще и региона Северной Африки, в частности. Тем не менее, они непризнанны во всех без исключения странах компактного проживания. Центральные власти делали и делают все возможное, чтобы ассимилировать их, дабы иметь все основания называть свои страны арабскими. Долгое время берберы находились на второстепенных позициях в странах региона. Ситуация изменилась кардинальным образом лишь в 80-е годы, когда в Алжире, Марокко, Мали и Нигере возникли движения протестного характера, выступавшие за признание берберской самобытности.

В 90-е годы прошлого столетия в Нигере и Мали туарегское население этих стран было вынуждено с оружием в руках бороться за свое выживание.

В настоящее время численность берберов оценивается от 20 до 40 млн. человек. Последнюю цифру дает в своих оценках Всемирный конгресс амазигов – ВКА (5). Примерно 50% берберов проживает в Марокко, до 30 – в Алжире, остальные 20% распределены между Тунисом, Ливией, Египтом, Канарскими о-вами, Нигером и Мали. Места их наиболее компактного проживания находятся в горных районах Северной Африки: Риф, Атлас, Сус – Марокко; Джурджура, Бибан, Бабар, Шенуа и Орес – Алжир, Нефуза – Ливия, а также в пустынях.

Районы компактного проживания берберов отделены друг от друга огромными расстояниями, а также межгосударственными границами.

Бедность горных и пустынных территорий, на которые оказались вытесненными берберы иноземными завоевателями, многочисленные сегрегационные законы и действия, осуществленные в странах их пребывания, превратили регионы проживания амазигов в основные источники иммиграции. В настоящее время примерно 1,2 млн. берберов насчитывается только во Франции. Большинство из них имеет французское гражданство. Берберская иммиграция во Францию имеет достаточно старую историю. Первые переселенцы из Алжира прибыли туда еще в XIX веке. Значительные по численности берберские общины находятся в Бельгии (шлехи и рифаи), Голландии (рифай), Германии (рифай), США и Австралии. Иммиграция в две последние страны набрала обороты на рубеже 70–80-х годов прошлого столетия, причем туда выезжала преимущественно берберская интеллигенция. Везде в этих странах берберы быстро интегрировались в принимающие их общества и организовались в различные культурно-просветительские ассоциации. При этом большинство из них не потеряло связей со странами, откуда они вышли.

В Марокко при наличии просвещенной берберской элиты именно преимущественно амазиги заняты на самых тяжелых работах. Так, в последние 30 лет XX столетия по меньшей мере 60% строительных рабочих в больших городах были берберами (1).

Берберы – второй по численности после курдов этнос, не имеющий своих национально-автономных образований. Как считает известный берберский писатель Мулуд Маммери, объединяющим берберов началом стало угнетение, прямое или косвенное, которому они подвергались и подвергаются как со стороны колониальных, так и постколониальных властей.

В Марокко и Алжире, где имеются самые многочисленные общины берберов, берберская проблема начинала развиваться в целом в одинаковых условиях. И в одной стране, и в другой после достижения ими независимости главным содержанием лингвистической и культурной политики стала арабизация, поскольку диверсификация языков рассматривалась как угроза национальному единству. Тем не менее за 40 лет берберские движения в этих странах проделали разный путь. В Алжире это движение имеет преимущественно социальные корни и отличается большим радикализмом. В Марокко берберское движение пока является скорее культурологическим. Во многом это случилось благодаря достаточно гибкой политике властей. Но в обеих странах проблема существует, пусть и имеет разную степень остроты. Отражение проблемы также получилось разным. В Алжире под давлением улицы власти в итоге пошли на ранее немыслимые уступки берберам. В Марокко же местные берберы также увидели, что без борьбы они вряд ли чего-то добьются.

«В Марокко и Алжире власти этих стран ссылаются на конституции, которые сделали арабский язык единственным законным языком, а ислам – государственной религией. Другие законы исключили из жизни

все, что не вписывается в эти рамки. Это – закон о всеобщем применении арабского языка, принятый в 1991 г. и вошедший в силу в Алжире в 1998 г., запрет на использование берберских имен в Марокко, а также ряд других репрессивных действий, которые запрещают или сдерживают берберскую культуру, не допускают культурно-просветительные мероприятия, оказывают административно-полицейское давление на активистов берберского движения», – так расценивает ВКА политику этих двух государств, где берберские общины – самые многочисленные.

В Марокко в результате распространенности взаимных браков между арабами и берберами отличие между этими двумя группами теперь скорее только лингвистическое. Берберский язык, хотя и подвергся значительному влиянию арабского, сохранился в горных районах. Бербероговорящие марокканцы подразделяются на три группы: рифаи (место обитания – горный массив Риф), тамазиг (район Среднего Атласа) и шлех (горы Высокого Атласа и долины реки Сус). По мере укрепления связей между горными областями и средиземноморским побережьем и продолжающимся массовым переселением сельских жителей в города арабо-берберское двуязычие стало обычным явлением среди бербероговорящих марокканцев.

В Алжире к берберскому населению относят четыре достаточно удаленных географически друг от друга группы: кабилы проживают в Кабилии – регионе к востоку от столицы страны, ареал проживания шавийя находится к югу от Константины на востоке АНДР, мзабиты живут в северных частях Сахары и туареги – в южных. Каждая из этих групп имеет свою особую историю, собственные отношения с центральной властью и другими регионами Алжира. Кабилов из них отличает особый физический тип, большая численность, высокий уровень урбанизации и современного социального развития, образования, политической активности. Как отмечает Ю.М.Кобищанов, в Алжире берберская оппозиция опирается на все классы «формирующейся кабийской нации и возрождающейся народности шавийя» (15, с.38). Кабийские интеллектуалы обосновали теорию средиземноморской культурной общности, в которую они включили как берберские, так и романские народы Средиземноморья. Они указывают на своеобразие традиционного общинного строя и метакультуры берберов, их существенные отличия от семитских и арабских общественных и культурных форм.

Формально власти АНДР признают присутствие берберской общины в стране. В последней конституции Алжира «берберизм» признан в качестве одной из основ алжирской нации наряду с «арабизмом» и исламом. Начиная с 1995 г. берберский язык начали изучать «в экспериментальном порядке» в некоторых школах. Тем не менее тамазиг в Алжире пока не получил равных прав с арабским языком.

Границы современного Туниса почти совпадают с рубежами некогда провинции Римской империи Ифрикии. Из стран Магриба это наиболее урбанизированная и арабизированная страна. В свое время массивный

исход принявших ислам берберов в преимущественно арабоязычные города привел к тому, что имазигены восприняли городскую культуру, ставшую с течением времени исключительно арабской. В этой стране практически невозможно различить арабов и берберов. Тем не менее в ней остаются несколько бербероговорящих островков, образованных рядом деревень в регионах Матмата, Татауин, Гафса, а также на о.Джерба. Их жители, составляющие меньше 1% от общей численности населения страны, говорят на арабском диалектальном языке. В целом в Тунисе берберская проблема отсутствует как таковая.

Современное население Ливии сложилось в результате длительного процесса слияния арабских завоевателей и автохтонов – берберов и туарегов. Такой ход событий особенно ускорился в XI веке, когда в этот регион вторглись из Верхнего Египта племена Бану Хилаль и Бану Сулайм. Наиболее ожесточенное сопротивление захватчикам оказали жители западных районов современной Ливии. Поэтому до сих пор бербероговорящие группы, использующие диалект нефусси, наиболее часто встречаются в районе Джебель Нефусса на западе страны. В настоящее время бербероговорящие группы составляют менее 3% от общей численности населения Джамахирии (74, 24.04.2001).

В Советском Союзе из-за существовавших тогда официальных догматов долгое время как бы не замечали самого существования берберов, поскольку их движение не вписывалось в рамки пресловутой солидарности с «арабскими» странами. Ситуация изменилась лишь в последние годы. Однако серьезные исследования берберской проблемы крайне редки, причем не только в России, но и за ее пределами.

Определенное исключение может составить разве что Франция. Поэтому можно констатировать, что отечественные исследования по этой теме только начинаются, и представляемая на суд читателей настоящая работа едва ли может претендовать на всесторонний анализ и достаточную законченность.

Как отмечал В.В.Матвеев в преамбуле к книге М.В.Чуракова «Народное движение в Магрибе под знаменем хариджизма», срок более или менее систематического изучения в нашей стране истории и культуры народов и стран Северной Африки сравнительно скромнен – всего лишь около 40 лет. Внимание исследователей в это время было направлено главным образом на события новой и новейшей истории этого региона. Что же касается истории средних веков, то ей был посвящен ряд кратких очерков, опирающихся либо на труды французских востоковедов, либо на французские переводы арабских исследований. В представляемой работе с учетом ограничений в ее объеме сделан акцент на наиболее важные моменты в истории берберов, относящиеся к глубокому прошлому, а также возможно подробно раскрыты современные тенденции развития берберского движения.

В транскрипциях берберских имен и наименований применялись правила орфоэпии языка тамазиг.

1. КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ БЕРБЕРОВ

Берберы до вторжения арабов

Какие народы обитали на обширных территориях Северной Африки в I тысячелетии до н.э.? Была ли у них государственность? Даже энциклопедический справочник «Африка» не дает четкого ответа на эти, а также многие другие вопросы, робко упоминая про неких «автохтонов» и начиная историю региона с появления в нем финикийцев. На самом деле Северная Африка имеет свою богатую и во многом искусственно позабытую историю. Первые следы присутствия человека в регионе относятся к VIII тысячелетию до н.э. Как отмечает А.З.Егорин, во II тысячелетии до н.э. на территории нынешней Ливии и к западу от нее жили различные берберские племена (20, с.5). Однако первые достоверные сведения о реальных событиях, случившихся с населявшими Южное Средиземноморье народами, относятся к IX в. до н.э.

Согласно легенде, финикийская принцесса Элиза, спасаясь от преследований своего брата Пигмалиона, в 814 г. до н.э. вместе со своими сторонниками покинула г.Тир и через Кипр направилась в Северную Африку. Сразу после высадки близ города Атика она и ее спутники встретились с населявшими эти земли берберами. У них был куплен участок земли, измеряемый шкурой быка. Имелось в виду, что шкуру распускают на тонкие полоски, с помощью которых обозначают границы будущего Карфагена. В ходе строительства города его власти покупали у берберов все новые близлежащие земли, что способствовало расширению владений финикийцев. В итоге Карфаген стал столицей финикийских колоний (29, с.19).

В первое время после основания жители Карфагена платили ежегодную дань берберскому племени, чьи земли они использовали под строительство города. Когда Карфаген набрал силу, он отказался от уплаты дани и, более того, стал не покупать, а захватывать участки земли, на которых создавались сельскохозяйственные плантации. Берберы научились у карфагенян методам земледелия, достаточно быстро интегрировались в новое для них общество вплоть до того, что стали отдавать своих детей в школы города. При этом политическое влияние Карфагена на аборигенов оставалось очень ограниченным, а экономическое – весьма значительным благодаря интенсивной работе различных портов. В целом политика Карфагена в отношении берберов строилась на установлении дружеских отношений с союзными ему берберскими царями без какого-либо вмешательства в их

внутренние дела. Карфаген не имел собственной регулярной армии. В этой связи функции обороны были в значительной степени переданы берберским союзникам города.

Несколько первых страничек истории берберов приоткрыли французские исследователи Мох Шерби и Тьерри Десло, выпустившие в парижском издательстве ЭДИФ книгу «Берберские цари династии Масилов». Авторы этой работы считают, что берберская история насчитывает 6 тысяч лет (37, с.5).

Эта работа возвращает читателя в III век до н.э. Тогда на территории современной Северной Африки существовали три берберских царства. На западе находилось государство Моресков, в центральной части – Масаесилов (Масэсиров) во главе с царем Сифаксом, на востоке – граничившее с Карфагеном царство династии Масилов во главе с царем Гайа. Двое последних долгое время враждовали, оспаривая г.Сирта (современная Константина). Гайа, будучи более слабым, опасаясь Сифакса, пошел на союз с могущественным Карфагеном. Чтобы закрепить альянс, он направил в Карфаген на учебу своего старшего сына Масинису. Во время учебы Масиниса встречает прекрасную Софонисбу – дочь полководца Гасдрубала. Семьи решают укрепить политический союз браком детей. Однако эти планы в 218 году до н.э. нарушает очередная война между Римом и Карфагеном. По просьбе своего союзника Гайа направляет Масинису во главе армии Масилов сражаться на стороне карфагенян в Испании.

Пока шла война, Гайа умер (его монументальная могила находится в регионе Батны). Отсутствием Масинисы воспользовался брат умершего Оезалсес (Эзалсес). С этого момента начался довольно длительный период борьбы за престол Масилов, в которую вмешался Сифакс. Чтобы вернуть трон, вернувшийся из Испании Масиниса обращается за помощью к римлянам. В свою очередь Сифакс вступает в союз с Карфагеном и женится на Софонисбе. Война завершается в 203 г. до н.э. победой Масинисы. Он захватывает богатства Сифакса, в том числе и свою бывшую возлюбленную. Несмотря на предшествовавшие перипетии, он женится на ней. Однако римский генерал Сципион (Сципион) потребовал от Масинисы, чтобы царица масаесиров была передана ему в качестве военного трофея. Не желая этого и стремясь одновременно быть верным союзником Рима, Масиниса отравил свою возлюбленную. День спустя Сципион жалует Масинисе титул царя.

В течение 55 лет (203–148 гг. до н.э.) Масиниса правил своим государством со столицей в Цирте и почти такое же время при тайной поддержке Рима вел непрерывные войны с Карфагеном. В Цирте он основал двор по образцу и подобию греческих. Масиниса побудил берберские племена отказаться от кочевого образа жизни и заняться сельским хозяйством. Именно при нем оно получило большое развитие, а Северная Африка стала поставщиком зерна Риму. По инициативе царя берберы обзавелись военным и гражданским флотами. Ма-

синиса – приверженец идеи единства берберов – объединил Нумидию и захватил значительную часть земель Карфагена. Именно Масиниса выдвинул лозунг «Африка для африканцев», правда, при этом он имел в виду северную часть континента. Финансовое благополучие государства Масинисы строилось на сборе налогов.

Кстати, забегая на много столетий вперед, хочется отметить, что в начале 2003 г. на экраны алжирских кинотеатров вышел 52-минутный документальный фильм под названием «Масиниса». Он был создан при содействии Всемирного конгресса амазигов (ВКА) режиссером Абдаллой Туами – выпускником одного из советских вузов. В нем он прямо назвал прославленного правителя «основателем алжирской нации» (82, 13.01.2003).

Что касается римлян, то они после захвата Карфагена в 147 г. до н.э. начали претендовать на земли бывших союзников, первым делом направив шпионов, которые должны были подготовить восстание против правителей Нумидии.

После Масинисы страной правили другие берберские цари. Первым из них был Мисипса (148–118 гг. до н.э.), сын Масинисы. Первоначально Мисипсе пришлось решить проблему двух своих братьев – Мостанабала и Гулусы. Масиниса перед смертью попросил Сифакса выбрать одного из трех братьев. Однако представитель Рима разделил власть между тремя братьями, надеясь таким образом вбить клин между ними и тем самым ослабить Нумидию. По разделу Сифакса Гулусе досталось руководство армией, Мисипсе – администрацией и Мостанабалу – юстицией. Только после смерти двух братьев Мисипса смог сосредоточить в своих руках всю полноту власти.

30 лет царствования Мисипсы были своего рода «золотыми годами» берберской истории – после падения Карфагена страна очень долгое время не знала войн. Однако угроза пришла из собственной семьи. Имея двух сыновей, Мисипса после смерти одного из своих братьев взял на воспитание его сына, Джугурту (Югурта). Последний оказался небесталанным. Чтобы убрать соперника сыновей, Мисипса направил Джугурту во главе нумидийских войск на помощь римлянам в Испанию и сделал ошибку. На полях сражений Джугурта только усилил свой авторитет, заработав репутацию «яростного в битве и мудрого на совете», а также близко познакомившись с видными военачальниками римлян (37, с.20). По возвращении Джугурты в ореоле славы Мисипса был вынужден признать его приемным сыном, т.е. уравнивать в правах с собственными детьми. Первоначально «братья» разделили доставшееся им наследство на три части. Однако в итоге Джугурта унаследовал трон Мисипсы, обезглавив одного из своих сводных братьев и разбив в битве войска другого. Походя он расправился и с внуком Мисипсы, который мог помешать ему.

Джугурта правил в 118–105 гг. до н.э., сделав целью своей жизни избавление от патронажа римлян.

Своей жизнью, борьбой против римлян берберские правители создали своего рода миф о берберских царях и берберской истории. В 111 г. до н.э. началась война с Римом. Первоначально Джугурте удалось избежать военного столкновения, заключив договор с римскими военачальниками и предварительно заплатив им значительное отступное. Однако сенат отказался утвердить договор и обвинил возглавлявшего римские войска Бастию в коррумпированности. Не помогла даже поездка Джугурты с извинениями в Рим. Покидая город, он произнес известную фразу: «В Риме все продается». В 109 г. до н.э. Джугурте удалось разбить римлян. Тем не менее он не смог удержать доставшиеся ему земли. В тот же год в битве при Заме войска Джугурты были разбиты римлянами. Джугурта был вынужден уступить западную часть Нумидии царю моресков Боккусу, который в конечном итоге выдал его Риму. Джугурта скончался в плену в 104 г. до н.э.

Параллельно развивалось государство моресков. В период ориентировочно с 203 по 33 годы до н.э. там правила династия Боккусов (Бага, Боккус I, Сосус, Боккус II и Богуд).

После смерти Джугурты Нумидия была разделена на две части. Западную получил Боккус в качестве компенсации за поддержку, оказанную римлянам. Другая часть досталась брату Джугурты – Годе. Однако последний правил недолго. После него власть досталась его сыновьям Хиемпсалу II и Масинисе II. Затем последовал сын Хиемпсала II – Джуба I, правивший в период с 60 по 46 г. до н.э. С этим временем совпала гражданская война в Риме между проконсулами Цезарем и Помпеем. В этой междоусобице Джуба I встал на сторону Помпея, а Боккус поддерживал Цезаря. Несмотря на гибель первого, его сторонники смогли собрать силы в Африке при поддержке Джубы I. В обмен на его помощь ему в случае победы была обещана африканская провинция Рима. Союзники смогли собрать 14 легионов, в том числе 4 от Нумидии. Кроме пехоты Джуба I выставил 120 боевых слонов, а также кавалерию. Однако Цезарь, заручившись поддержкой соседей Джубы I, разбил коалицию. Чтобы не сдаваться противнику, Джуба I попросил своего телохранителя убить его. В 46 г. до н.э. Цезарь покончил с Нумидией, сделав ее римской колонией под названием «Новая Африка» и переведя ее под непосредственное управление Рима (29, с.41).

Не сумев захватить Джубу I, Цезарь вывез в Рим его сына, также Джубу. Последнего он отдал на воспитание своей племяннице Октавии. Мальчик получил аристократическое воспитание. Вместе с братом Октавии Октавием он принял участие 2 сентября 31 г. до н.э. в битве при Акции, где были разбиты войска царицы Египта Клеопатры и Марка Антония, бывшего супруга Октавии. Победенные предпочли смерть унижениям. В благодарность за службу Октавий отдал корону царя Мовретании (современное Марокко и часть Алжира) Джубе, принявшему имя Джуба II.

Правление Джубы II пришлось на период с 25 г. до н.э. до 23 г. нашего летоисчисления. При нем Мовретания, имевшая статус протектората, стала одной из главных житниц Рима, обеспечивая две трети его потребностей в зерне.

Птолемей, сын и наследник Джубы II, правил в период с 23 по 40 г. Он был убит римским императором Калигулой, таким же внуком Марка Антония, как и он сам. Нумидия стала колонией Рима.

В первые два столетия нашей эры сформировалось географическое понятие «Римская берберия». В частности, к ней относилась римская провинция Новая Африка, находившаяся на территории бывшей Нумидии, а также сформировавшиеся к 42 г. римские провинции Мовретания Тингитанская (современное Марокко) со столицей в Танжере и Мовретания Цезарейская (современный Западный и Центральный Алжир) со столицей в Шершелли. В этот же период значительная часть берберов, в частности, те, кто проживал в прибрежных зонах, приняла христианство.

Нельзя сказать, что отношения между римлянами и берберами складывались бесконфликтно. Первое из известных восстаний автохтонов вспыхнуло в 17 году н.э. и продолжалось 7 лет. Выступление возглавил Такфаринас. Главным требованием восставших было возвращение берберам отнятых у них римлянами сельскохозяйственных земель. Такфаринас стал одним из первых военных руководителей, отказавшихся от классических приемов ведения боевых действий и прибегнувших к тактике партизанской войны (29, с.42).

Сразу после пика распространения римского влияния в регионе, пришедшегося примерно на 225 год, всю вторую половину III века Мовретанию Тингитанскую сотрясали восстания аборигенов. В 369 г. вспыхнуло восстание берберов-христиан под руководством Фирмуса (Фирмий), которое полыхало два года. Восставшим удалось создать собственную армию численностью до 20 тыс. человек. Примерно в 455 г. среди берберских вождей выделился Мастиес (Мастис), который провозгласил себя «императором» Ореса (один из регионов современного Алжира). Череда восстаний привела к тому, что Нумидия условно была разделена на зону мира и зону войны.

Иную точку зрения на аборигенов Северной Африки представляют «историки», исходящие в своих «работах» из идей панарабизма. Признавая, что Северная Африка была заселена в период жизни греческого историка Геродота (Амура), они утверждают, что поскольку аборигены якобы находились на более низком уровне развития, первое знакомство с цивилизацией им «организовал» король Йемена «Ифрикис бен Кайс бен Сайфи», завоевавший эти территории. Причем они предпочитают не указывать, в какой период было осуществлено это завоевание (29, с.10). Более того, согласно их взглядам, берберы из-за внешней несхожести региональных общин не могут претендовать на свое отношение к единой расе. Они счи-

тают амазигов плодом смешения многих других рас и этносов. Что касается берберского языка тамазиг, то он, по их мнению, результат слияния языков семитской группы и древнеегипетского языка. Только улыбку у непредвзятого специалиста могут вызвать некоторые пассажи подобных «историков», например: «в отличие от римлян и французов арабы-мусульмане не проводили политику колонизации, поскольку их послание было духовным» или «необходимо (для кого?) быть признательным арабам-мусульманам, поскольку именно благодаря им Алжир и весь Арабский Магриб вошли в эру просвещения» (29, с.13).

Но вернемся к тому ходу событий, который имел место в действительности. Во II веке в Северную Африку вместе с торговцами проникло христианство. Первоначально оно получило распространение в среде малоимущих горожан, в то время как в деревнях и горах берберы оставались анимистами. В начале IV века в регионе оформляется движение донатистов, основные догматы и церковная организация которых практически ничем не отличались от ортодоксального христианства. На 396–430 гг. пришлось активная часть жизни Святого (Блаженного) Августина, пытавшегося объединить католиков и донатистов.

Великий христианский мыслитель начала нашего летоисчисления (354–430 гг.) имеет берберские корни. Он родился в Тагасте (современный Сук-Ахрас) в Алжире.

Его детство прошло в Карфагене (современная Картаджа, Тунис), где позднее он преподавал риторику. Долгое время – 39 лет – гениальный философ, писатель и полемист, ставший родоначальником христианской философии истории, был епископом города Гиппон, находившегося на территории современного Алжира близ города Аннаба. Святой Августин умер в ходе осады Гиппона вандалами.

Кроме христианства широкое распространение среди берберов получил иудаизм. Он стал первой монотеистической религией, которую практиковали берберы. Обе они сохранили определенное влияние и в настоящее время.

Начиная с 429 г. римлян в Нумидии сменили вандалы, вторгшиеся в регион из Испании. В период господства вандалов, продолжавшийся до 534 г., берберы неоднократно восставали против новых завоевателей, первым делом захвативших их сельскохозяйственные земли. В ходе одного из восстаний был смещен глава вандалов Хильдерик (Хильдерих).

На смену вандалам в период с 534 по 647 г. в Северную Африку пришла Византия. Столицей региона вновь стал Карфаген. В отличие от других предшественников византийцы не смогли построить нормальные отношения с берберами, сразу обложив последних тяжелыми налогами. Это тут же привело к многочисленным восстаниям, не прекращавшимся вплоть до ухода византийцев. Византийцы показали

себя чрезвычайно вероломными. В 596 г. командовавший войсками византийцев в Северной Африке Гернадиус (Геннадий) пригласил в свой дворец для переговоров вождей берберских племен и там расправился с ними. Это убийство лишь подтолкнуло берберов к новым восстаниям. В итоге к началу арабского завоевания на территории Северной Африки сложилось несколько самостоятельных образований, независимых от Византии.

Эпоха арабских завоеваний и берберских династий

В 647 г. началось арабское вторжение в регион. Берберы оказали завоевателям ожесточенное сопротивление. В этом процессе на первые роли к 683 г. выдвинулся вождь одного из христианских племен Косейла. В течение трех лет он безраздельно господствовал в Ифрикии (арабское средневековое название современного Туниса), подчинив себе все племена. Примечательна маленькая хитрость, которую делают некоторые арабо-мусульманские исследователи. Утверждая сначала, что Косейла якобы принял ислам, они признают, что в период правления Косейлы «Африка в течение 5 лет жила без управляющего-мусульманина» (29, с.62).

В период с 695 по 702 гг. на первые роли выдвигается королева племени джерава Казна. Ее войскам удалось нанести поражение арабам в Триполитании. Затем достаточно долгое время она смогла благодаря политике «выжженной земли» сдерживать продвижение пришельцев. Берберы несколько раз вынуждали арабов отступать до Триполитании. Тем не менее в итоге Казна проиграла, поскольку политика «выжженной земли» настроила берберов против нее, и она была вынуждена предложить своим сыновьям вступить в ряды победителей.

Окончательное завоевание территорий, относящихся к современному Марокко, было осуществлено лишь в период с 704 по 709 гг. Затем началась растянувшаяся на века эпоха исламизации и арабизации региона. Ее начало – VIII в. – совпало с периодом непрекращавшихся берберских восстаний против новых завоевателей. Это движение разворачивалось под знаменами хариджизма, ставшего эмблемой берберского автономизма (26, с.15).

Чередой восстаний хариджитов началась примерно в 740 г. и развивалась внутри ислама и под его именем около 40 лет. Первое из них подняли в 740 г. берберы, проживавшие в районе Танжера. Они были недовольны тем, что арабы считали их мусульманами второго сорта и в этой связи обложили такими же налогами, как немусульман. Кроме того, их регулярно обходили в пользу арабов при дележе военных трофеев. Хариджизм проповедовал равенство всех мусульман, коллективность принятия решений, касающихся сообщества мусульман, запрещал привилегии, предписывал умеренный образ жизни. Именно поэтому он был принят берберами. В первом же сражении у стен Танжера берберы разбили присланную на их усмирение армию,

составленную из арабов. После этого арабы вынуждены были отозвать из Испании часть своих войск и в течение трех лет вести боевые действия против берберов (43, с.22). Восстание сумели погасить лишь путем политических маневров, направив энергию берберов на дальнейшее завоевание Испании. Однако череда выступлений берберов под знаменами хариджизма была продолжена, восстания охватили большие территории.

Хариджиты объявили себя истинными последователями учения Пророка, а своих противников – его предателями. Впрочем, восстание имело не столько религиозный, сколько социальный характер. Оно было вызвано прежде всего непомерными налогами, которыми правитель Танжера Обейд Аллах обложил вновь обращенных. Он, в частности, заставлял берберов, ставших к тому времени уже мусульманами, отдавать одну пятую от заработанного, причем не только деньгами, но и рабами.

Движение зародилось в приатлантических долинах Марокко. Его возглавил простой водонос Майсара. Уже вскоре Сус и Танжер были в руках восставших. Подкрепления, присланные из Испании и Сицилии, были разбиты. Такая же участь постигла элитные силы арабов, разбитые в сражении при уэде Шелиф. Восстание 740 г. привело к падению власти Омейядов и созданию хариджитских общин-государств. Среди них наиболее влиятельными были имамат Мидраридов в Тафилальте со столицей в Сиджилмасе (757–976 гг.), государство Ростомидов (ибадиты) со столицей в Тиарете (776–909 гг.).

В Северной Африке были распространены следующие хариджитские секты или течения: суфритское, ибадитское и немного позднее – нуккаритское. Последнее возникло в результате внутреннего раскола в среде ибадитов и получило особое распространение в X веке. Хариджитские секты часто отличались одна от другой лишь отдельными положениями в догматике или даже только какими-то элементами обрядности. Основные же положения учения одинаковы у всех хариджитских сект. Все хариджитские течения включали в свои устои тезис о выборности халифа. Они связывали возможность занятия этого поста с безгрешностью кандидата, который должен был следовать требованиям учения, быть благочестивым, scrupulously выполнять предписанные обряды, отличаться строгостью в вопросах морали. Из других принципов учения хариджитов следует отметить их тезис о необходимости действий, о том, что без дела вера мертва и что отсутствие действий также может быть грехом. Требования хариджитов в морально-этической области включали аскетизм и соответствующий образ жизни, который был одной из их добродетелей; в свою очередь аскетические настроения смыкались с нетерпимостью и фанатизмом (27, с.21). Наиболее жизнеспособной и распространенной в Северной Африке оказалась секта ибадитов.

Как это часто бывает, новообращенные оказались более ярыми приверженцами религии, нежели те, кто ее насаждал. Именно берберы сыграли решающую роль в исламизации Северной Африки. При этом пока не найдено ответов на ряд вопросов. Почему берберы не смогли сохранить свои старые вероисповедания, как, допустим, это случилось в ряде стран Машрика, где часть арабов осталась христианами? Почему берберы не сохранили свой язык и письменность, как это сделали другие народы, принявшие ислам – персы, афганцы, индонезийцы, албанцы?

Берберы стали главной военной силой при завоевании Испании. В 711 г. под предводительством великого полководца Тарика ибн Зияда (арабское имя этого бербера) арабо-берберские войска форсировали Гибралтарский пролив и вторглись в Испанию. Известно, что перед первым сражением полководец приказал сжечь все корабли, на которых его войска переправились через Гибралтар, с тем, чтобы его солдаты не думали об отступлении. «Впереди перед вами противник, позади – море. Необходимо победить, чтобы выжить», – сказал он своим воинам, подавляющее большинство которых были берберы. Именно берберские войска создали плацдарм для последующей оккупации Испании (43, с.13).

Первые данные о государственности на территории современного Марокко относятся к началу IX века, когда Мулай Идрис объединил племена в первое мусульманское государство. В марокканской историографии принято считать Мулая Идриса основателем марокканской нации. Известно, что основатель династии Идрис бен Абдалла сбежал в Магриб в промежутке между 775 и 786 гг. после того, как в Аравии была уничтожена его семья. Потомок Али и Фатимы – дочери Мохаммеда, вследствие своего высокого происхождения он сразу приобрел высокий авторитет среди берберов. В 788 г. Исхак – вождь берберского племени Аураба, проживавшего в районе Волюбилиса, назначил его королем и отдал ему в жены свою дочь Кензу.

Опираясь на ислам как объединительный фактор, Мулай Идрису I удалось заложить основы марокканской государственности. Его сын и преемник Идрис II был рожден берберкой. Идрис II впервые на территории современного Марокко создал организованное государство. Ему удалось объединить берберские племена под единой властью, создать правительство, основать столицу город Фес, роль и значение которого в дальнейшем непрерывно возрастали. В то же время он сделал правилом приближение к себе арабов, прибывавших с востока (Машрик и Северная Африка) и севера (Андалусия), и отдаление берберов, которым он не доверял. Со смертью Идриса II в 828 г. его старший сын Мохаммед разделил завоеванные отцом и дедом территории на шесть частей по числу братьев. Себе он оставил титул имама и право управления Фесом. Этот период стал вершиной исламизации берберского населения Марокко (26, с.17).

На период с 800 по 909 гг. приходится правление в Ифрикии династии Аглабидов. В эмирате сосуществовало смешанное арабо-берберо-романское население. Хотя большинство населения эмирата составляли христиане (за счет берберской составляющей), ведущая роль в религиозной и политической жизни принадлежала мусульманам. Государство Аглабидов «отметилось» в истории рядом завоевательных походов на острова Средиземного моря (Сицилия, Мальта) и на Апеннинский полуостров.

Вокруг современного г.Тиарет (Алжир) – старое название Тахерт – в период с 776 по 909 гг. сформировалось хариджитское государство Ростемидов. В этот период Тахерт стал одним из крупных экономических центров региона, поскольку он являлся северным конечным пунктом одной из транссахарских караванных дорог. В это же время на территории современного Марокко Идриссиды при опоре на берберские племена зената создают первое государственное образование.

Начиная примерно с 893 г. фатимидский проповедник Абу Абдаллах начинает распространять шиитскую доктрину среди населявших Малую Кабилию племен кутама.

Уже через 10 лет эти племена захватывают Центральную Берберию и Ифрикию.

Основанное ими государство Фатимидов существовало с 910 по 973 гг. В период наивысшего расцвета оно простиралось от атлантического побережья Марокко до Сирии. Именно руководители этого государства положили начало соединению в одном лице высшей государственной и духовной власти. Они же столкнулись с восстаниями берберских племен. Таким, в частности, было восстание племени зената в горном массиве Орес, проходившее под знаменами защиты малекизма.

С падением династии Фатимидов в 973 г. в Северной Африке исчезли последние следы арабских династий. С этого времени применительно к этому региону можно было говорить лишь о династиях, имеющих берберские корни (43, с.57).

Под давлением ислама к 1160 г. в регионе исчезли последние общины христиан среди берберов. Как считает алжирский исследователь Иддир Амара, берберы исламизировали себя сами (82, 15.07.2001). Подавляющее большинство правивших в Северной Африке династий имело берберские корни. Это были, в частности, Альморавиды (выходцы из племени сенхаджа) и Альмохады (выходцы из племени харга, населявшего марокканский Атлас). Примечательно, что их основатели сперва совершили путешествия на Восток, прежде чем превратиться в духовных лидеров весьма религиозных династий. С тех пор, считает И.Амара, в Северной Африке нет берберов или арабов в чистом виде. Есть бербероговорящие амазиги, и есть арабоговорящие амазиги, причем последние просто забыли про свою берберскую идентичность.

В своем монументальном труде «История берберов и мусульманские династии Африки» великий арабский историк Ибн Халдун (1332–1406) разделил берберов на четыре большие группы: зуауа, кутама, санхаджа и зената. Основные племена зуауа – бану менгузлет, бану ени, бану аисси, бану иратен, бану фраусен, бану хобрин – находились на землях, которые на востоке граничили с территориями, принадлежавшими кутама, а на западе их соседями были племена группы санхаджа. Земли кутама находились от Константины до Беджаи с востока на запад и от средиземноморского побережья до гор Ореса. Северные санхаджа жили в районе, где сейчас находится Алжир. Именно они основали города Алжир, Медеа и Милиана. Династия Хаммамидов (1014–1152) основала Беджаию и сделала этот город своей столицей (82, 05.08.2001). Ибн Халдун в своем труде не использовал термин Кабилия, поскольку он возник только в XIX веке. Но нет никаких сомнений, что современная Кабилия, которая впоследствии станет одним из центров подъема берберского движения, своими географическими очертаниями примерно соответствует территориям, на которых жили зуауа. Кутама традиционно составляли костяк армий и администраций государств, существовавших в этот период. Смешавшись с арабами и приняв их язык, новые поколения кутама забыли о своем происхождении.

В период с 1236 по 1554 гг. в Центральной Берберии правила династия Зайянидов, выдвинувшаяся из группы берберских племен зената. Столицей их государства был город Тлемсен (Алжир). Империя Зайянидов пала под натиском Маринидов, Хафсидов, испанцев и турок. Последние вошли в Тлемсен в 1554 г. Зената породили еще одну династию – Маринидов, правившую в Марокко в период с 1258 по 1465 гг.

Накануне вторжения турок ситуация в Кабилии была близка к хаосу: король Тлемсена находился в вассальной зависимости от Мадрида, Алжир стоял под прицелом испанских орудий, Беджаия была занята войсками Педро Наваро, генуэзцы хозяйничали в Джиджелли, Константина, Скида и Аннаба находились в зависимости от тунисских Хафсидов, ряд внутренних районов оказался под властью самопровозглашенных царьков. Турки упорядочили ситуацию и установили деление страны на провинции. Часть Кабилии оказалась в составе провинции Титтери, другая – в провинции Константина (82, 05.08.2001).

В ответ на утверждения сторонников панарабизма, вещающих об искусственном и надуманном характере Кабилии, ряд алжирских историков (Зинеддин Секфали) полагает, что, во-первых, Кабилия – реальность с географической и гуманитарной точек зрения и никак не является идеологической конструкцией, созданной в политических целях. Во-вторых, кабилы есть «берберы среди берберов, а не некая чуждая раса или этнос». В-третьих, все группы алжирских берберов имеют множественные связи – кровные, исторические, цивилизационные, культурные, религиозные и языковые (82, 05.08.2001).

На целую эпоху с 1515 по 1830 гг. пришелся период господства турок на территориях современных Алжира и Туниса. Примерно этот же период знаменит расцветом пиратства. При господстве турок хронологически различают 4 системы правления. Первым правителем Алжира был дей Ларби (дея выбирали адмиралы). Затем существовали системы назначаемых на определенный промежуток времени руководителей. Сначала они носили титул «паша», позднее – «ага». В последний период Турция вернулась к системе деев.

Колониальный период

В 1830 г. Алжир был захвачен французами и превращен в колонию. Примечательно, что входя 5 июля 1830 г. в Алжир, французы были уверены, что алжирцы встретят их как освободителей от турецкого владычества. На деле получилось иначе. Уже 24 июля в районе Блиды было зафиксировано первое нападение алжирцев на французский отряд. Из-за ожесточенного сопротивления, в котором заглавные роли играли берберские племена, для установления контроля над всей территорией Алжира французам понадобились долгие 40 лет. Наиболее масштабным в начальный период колонизации стало движение эмира Абделькадера, развернувшееся в период с 1832 по 1847 гг. Титул эмира ему был присвоен на собрании вождей племен 27 ноября 1832 года, когда ему было всего 24 года. Этому во многом способствовала продемонстрированная им храбрость в предыдущих боях с французами. Абделькадер попытался создать новое алжирское государство на землях, не занятых французами. Оно состояло из 8 вилай (провинций). Главной своей задачей Абделькадер считал изгнание французов с территории Алжира. После первых же боев с французами он сделал ставку на создание регулярной армии, которая позже одержала немало побед. Именно в период борьбы против колонизаторов родились знаменитые «излан» – поэмы сопротивления, передававшиеся на тамазиг в устной форме и ставшие важным средством сохранения берберского языка.

Французы не раз пытались использовать то обстоятельство, что население Алжира состояло из арабов и берберов, разжигая рознь между ними.

В соседнем Марокко с 1465 г., сменяя друг друга, правили шерифские династии, последняя из которых – Алауиты – находится у власти и в настоящее время. В 1912 г. Марокко стало протекторатом Франции.

Стоит отметить, что в Марокко правящие династии и султаны, а также окружавшие их камарильи традиционно не замечали берберской составляющей марокканского общества. Исключение составил Мулай Сулейман (1792–1822) при том, что он является одним из самых почитаемых правителей династии Алауитов. Впрочем, «озабоченность» нашла на него достаточно поздно. В завершающий год его

правления после многочисленных и потопленных в крови восстаний берберов он встретился с вождями племен, традиционно выступавших против махзена. Осознав, что именно его окружение в многоликом лице махзена поддерживает в стране хаос и беспорядок с тем, чтобы сохранить собственные привилегии, он обратился с письмом к жителям Феса – традиционно арабского города, всегда игравшего огромную роль в марокканских делах. В те годы Фес был столицей страны. Само послание традиционно замалчивается официальной историографией. «Жители Феса, мое положение, ниспосланное Аллахом, обязывает меня дать вам совет: возьмите себе в союзники берберов, если вы хотите мира и безопасности, поскольку они имеют богатые традиции и чувство чести, которые защищают их от любого вида несправедливости» (цит. по 1).

Понятно, что послание Мулая Сулеймана не вызвало какой-либо реакции со стороны махзена. Последний, основываясь на тирании в духе Аббасидов и Омейядов, не мог воспринять другие методы управления, за исключением насилия. Подавление инакомыслия применялось всякий раз, как только это представлялось необходимым. Другим принципом правления махзена стало известное «разделяй и властвуй». Тем не менее восстания на местах – знаменитая сиба – как реакция на действия махзена в отдельные периоды становились нормой жизни Марокко. Так, в 1900 году сиба охватила 9/10 территории страны (1). Подобная ситуация, когда страна регулярно ослаблялась изнутри, не осталась незамеченной могущественными северными соседями Марокко, поскольку страна стала легкой добычей для них.

И в Алжире, и в Марокко берберы были одной из движущих сил сопротивления колонизаторам. В Алжире период с 1830 по 1880 гг. стал временем героического противодействия колонизаторам, в котором важную роль сыграли берберские племена. Стоит назвать восстание кабилы в 1851–1857 гг., ряд восстаний в горных районах Ореса в 1876–1879 гг., движения во главе с Бу Багла и народной героиней кабилы Лаллой Фатимой.

Кабилия оставалась вне контроля французов до 1846 г. Сразу после появления колонизаторов кабила восстала. Их движение продолжалось до 1857 г.

В 1871 г. Кабилия вновь восстала. Лидерами берберов стали Силь аль-Хадж Мухаммед Мукрани и Мухаммед Амезиан бен Али аль-Хаддад. Последний являлся мукаддамом (главой) дервишского ордена Рахмания. Этот орден стал организационной базой восстания, в котором приняли участие 250 арабских и берберских племен общей численностью до 800 тысяч человек. Восставшим первоначально удалось установить контроль над обширными территориями к востоку от Алжира, однако затем они стали терпеть поражения. В ходе подавления восстания были убиты тысячи кабилы. О накале

восстания говорит хотя бы то, что в его ходе было отмечено до 300 крупных сражений, в каждом из которых с обеих сторон участвовали десятки тысяч человек. Мукрани погиб в бою. Аль-Хаддад и его приближенные укрылись от преследования французов в Тунисе, но были выданы местными властями. Мукаддама судили в 1980 г., а затем казнили. Близкие лидеров берберов – Мукрани и Аль-Хаддада – позднее были высланы вместе с парижскими коммунарами в Новую Каледонию. Чтобы отомстить берберам за участие в восстании, колонизаторы реквизировали у них 350 тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий (29, с.229).

В указанный период, отмечает Р.Г.Ланда, «освободительная борьба, как таковая, с ее объединительными тенденциями и культом воинственных традиций свободолюбивых племен, романтизацией былой мощи арабо-берберских государств Магриба, державших в трепете всю средиземноморскую Европу, упором на ислам как важнейший фактор социально-идеологического единения всех алжирских мусульман независимо от их этнического происхождения была основным руслом формирования алжирского национального самосознания» (23, с.26).

С 1880 г. в Алжире наступило относительное затишье. Оно было связано с разрывом во времени между завершением феодального этапа освободительной борьбы и еще не начавшимся национально-буржуазным этапом этой борьбы (23, с.15). Тем не менее с началом XX века на окраинах Алжира то и дело вспыхивали все новые восстания. Это были восстание на западе страны в 1901–1902 гг., восстание жителей региона Ореса против закона о всеобщей воинской повинности в 1916 г., выступление туарегов на крайнем юге Алжира с 1916 по 1919 гг., воспользовавшихся занятостью Франции в Первой мировой войне.

В Марокко борьба против регулярно повторявшихся восстаний берберов сделала режим протектората и махзен естественными союзниками. Махзен обнаружил в протекторате и ставленниках Парижа лучших гарантов его пошатнувшихся привилегий. Дело дошло до того, что в 20-е годы в мечетях в ходе пятничных молитв читались проповеди, призывавшие марокканцев к джихаду в поддержку ... христианской оккупационной армии, боровшейся против повстанцев Рифа (1). Понятно, что сейчас лидер рифаев Абд аль-Крим – национальный герой... Кстати, представители семей, до сегодняшних дней составляющих основу махзена, приняли даже участие в устроенных французами торжествах по случаю победы над рифаями. Можно утверждать, что вся тяжесть режима протектората была направлена именно против марокканских берберов. До этого никогда они не были в такой степени раздавлены с точки зрения военной, а также политической и культурной. Зоны проживания берберов французы называли «бесполезным Марокко». Эти территории пре-

вратились по сути дела в военные зоны, которые не получили какого-либо социально-экономического развития за годы протектората.

Во Франции, где в 20-е годы XX века уделом иммигрантов из Кабилии стала работа в строительстве и на угольных шахтах, именно эта категория алжирцев заложила основы движения за национальное освобождение Алжира с тем, чтобы затем сформировать в своих недрах лидеров войны за независимость. В алжирской диаспоре во Франции кабилы постепенно заняли привилегированное положение, поскольку их представители первыми освоили свободные профессии, заняли свою нишу в бизнесе и в профсоюзном движении. В то же время в начале XX века выехать на работу во Францию могли только мужчины. Подобная ситуация обусловила тесную связь между иммигрантами и Кабилией, а также во многом способствовала устойчивому распространению в регионе французского языка, что разительно отличало его от других районов страны.

В 1945 г. восстала Малая Кабия. При подавлении восстания жертвами колонизаторов стали свыше 10 тысяч человек.

С появлением в Алжире и Марокко движений за национальное освобождение берберы стали играть в них ведущие роли. В Марокко представители берберской элиты, прорвав все барьеры и получив современное образование, приняли активное участие в подготовке Манифеста независимости (1944 г.). В 1955 г. независимость получает Марокко, в 1962 г. после длительной национально-освободительной войны – Алжир.

В целом можно согласиться с алжирским исследователем Захиром Ихаддаденом, согласно которому историю стран Северной Африки невозможно разделить на периоды римский, византийский, арабский, турецкий (для Алжира), французский и годы независимости, как это традиционно делают европейские и арабские историки. Все они не оставляют места для берберов. Тем не менее римский период – это не что иное, как нумидийский период, который начинается с основания Карфагена и завершается становлением ряда независимых берберских государств, которые просуществовали до начала мусульманского нашествия в VIII веке. Так называемый арабский период сводится на самом деле всего к нескольким десятилетиям, в течение которых правители, обосновавшиеся в Кейруане, осуществляли власть именем Халифа. Им на смену пришли полностью независимые берберо-мусульманские династии. В Алжире турецкий период на самом деле соответствует «алжирскому периоду», когда алжирцы, жившие в отдалении от портовых городов, где хозяйничали турецкие моряки и корсары, были предоставлены сами себе. Только французский период в той или иной мере соответствует своему названию, однако именно в это время родились национальные движения, приведшие к его завершению (47, с.10).

2. БЕРБЕРЫ В МАРОККО

Берберы в период протектората

История Марокко в XX веке неразрывно связана с берберским движением, проявлявшимся в самых различных формах.

Сразу после заключения соглашения о протекторате (1912 г.) Испания оккупировала отведенную ей зону. Под контроль Мадрида отошли города Лараш и Азилах. Испанские войска высадились в стратегических точках средиземноморского побережья Марокко. Однако они тут же столкнулись с ожесточенным сопротивлением племен рифаев. Первоначально эти акции были стихийными. Ситуация изменилась в 1921 г., когда движение сопротивления возглавил Мохаммед бен Абд аль-Крим. Он поставил цель создать повстанческую армию и с ее помощью освободить от иностранной оккупации сначала север страны, а затем и другие ее районы. Руководитель горцев отказался от ведения классических широкомасштабных сражений, а перешел к оказавшимся более эффективными партизанским действиям. Эту тактику впоследствии использовали все национально-освободительные движения в мире, и не только они...

Исторически берберы вне зависимости от того, в каких районах они проживали, были главной движущей силой центробежных тенденций, всегда существовавших в марокканском государстве. Эти тенденции усиливались, когда власть Центра ослабевала, и наоборот. Восстание рифаев в 20-е годы XX столетия под руководством Абд аль-Крима подтверждает это наблюдение. Официальная марокканская историография традиционно пытается представить это движение как исключительно антиколониальное. Действительно, будучи таковым, оно одновременно имело и сильный налет регионализма.

1 июня 1921 г. авангард испанской армии вступил в Дар-Абар. Несмотря на огромное численное и техническое превосходство испанских войск, отряды берберских племен атаковали город и вытеснили из него захватчиков. В этом первом серьезном столкновении испанцы потеряли около 400 человек убитыми и ранеными. Берберы захватили многочисленные трофеи. Эту победу восторженно восприняли рифские племена. Тут же многие марокканцы, служившие в испанской армии, перешли на сторону повстанцев.

Еще более тяжелое поражение понесли колонизаторы в сражении при Анвале (21–26 июня 1921 г.). М.бен Абд аль-Крим пошел на это сражение с целью захватить оружие и боеприпасы и таким образом вооружить свою армию. В Анвале находилась крупнейшая испанская воен-

ная база. Она насчитывала 26 тыс. солдат из 60-тысячного испанского контингента, размещенного в регионе. База обеспечивала связь между Мелильей и Аль-Хосеймой. Внешний периметр базы охраняло множество мелких гарнизонов. Командовавший испанцами генерал Сильвестре был уверен в безопасности своего гарнизона, так как у испанцев было на вооружении самое современное оружие, а повстанцы пользовались в лучшем случае старыми охотничьими ружьями. В июне 1921 г. повстанцы с помощью серии отвлекающих атак на передовые гарнизоны провели разведку боем. 17 июля они одновременно атаковали внешние посты и выбили оттуда испанцев. Уцелевшие испанцы добрались до Анваля и подняли там тревогу. Но они опоздали. 21 июля база была полностью окружена. Попытки прорвать кольцо окружения успеха не принесли. Затем последовал генеральный штурм базы. В итоге в ходе сражения испанцы, по официальным данным, потеряли только убитыми свыше 13 тыс. человек. Генерал Сильвестре покончил жизнь самоубийством. В этом сражении повстанцы захватили 29 тысяч винтовок, 129 орудий, 400 пулеметов, несколько автомобилей, много продовольствия и медикаментов. В плен попали 1500 испанцев. Чтобы освободить их, Мадрид был вынужден заплатить большой выкуп (92, 22.07.99).

После победы при Анвале тысячи новых воинов примкнули к освободительной армии. М.бен Абд аль-Крим – каид крупнейшего племени бени уриагель – получил возможность начать военное строительство. Его армия состояла из регулярных пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей, а также партизанских отрядов. Под контролем освободительной армии оказались значительные территории северного Марокко. Для дальнейшей борьбы с врагом 12 племен Рифа объединились и создали независимую Республику Риф. Ее президентом избрали М.бен Абд аль-Крима. Был создан парламент – Национальное собрание Республики Риф, которое выработало конституцию. Согласно этому документу, вся власть в республике сосредотачивалась в руках Национального собрания, председателем которого был президент.

Правительство состояло из президента республики (занимавшего также посты военного министра и министра внутренних дел), советника президента, являвшегося фактически премьер-министром, министров иностранных дел, финансов, торговли.

Парламент Республики Риф принял Национальный обет, в котором были сформулированы цели движения, а также условия мира, которые рифские племена предлагали испанцам. В частности, авторы документа считали необходимым:

1. непризнание договоров, нарушающих права Марокко или имеющих связь с договором 1912 г. об установлении протектората;
2. эвакуацию испанцев из той части Рифа, которая не находилась под их контролем до ратификации франко-испанского договора 1912 г. В руках испанцев должны были остаться только города Сеута и Мелилья с окрестностями;

3. признание независимости Республики Риф;
4. формирование конституционного республиканского правительства;
5. выплату Испанией репараций рифским племенам за ущерб, причиненный за предыдущие 12 лет, а также выкуп ею плененных испанцев;
6. установление дружественных связей со всеми державами и заключение договоров с ними.

По существу, Республика Риф стала боевым союзом племен, своеобразной формой «военной демократии». Ее основная задача заключалась в изгнании колонизаторов. В 1922–1923 гг. республике удавалось сдерживать превосходящие силы противника. В июне 1924 г. небольшая рифская армия нанесла еще одно сокрушительное поражение испанцам на р.Лау. К концу того же года испанские колонизаторы потеряли всю территорию, завоеванную ими после 1912 г. Они контролировали лишь узкую полосу земли возле укрепленных городов на побережье. Несмотря на несомненные военные успехи, рифаи неоднократно предлагали испанской администрации начать переговоры о мире, однако всякий раз эти предложения отвергались.

Местечко Адждир стало военной и административной столицей Республики Риф. К 1924 г. практически все внутренние районы Рифа были освобождены. Испанцы к этому моменту контролировали только Мелилью, Сеуту, Лараш и Азилах. Мадриду стало ясно, что в одиночку он не справится с Республикой. В этих условиях Испания была вынуждена обратиться за помощью к Парижу. Последний уже давно беспокоился в связи с угрозой, которую повстанцы создали для Феса.

На первых порах французские власти старались не замечать, что снабжение рифских племен оружием и продовольствием шло через территорию французского Марокко. Однако после ряда побед рифской армии французы, опасаясь, что ее успехи могут оказать влияние на ситуацию в североафриканских владениях Франции, приняли решение уничтожить Республику Риф.

В 1924 г. французские войска начали боевые действия с тем, чтобы воспрепятствовать соединению племени бени зеруаль с Республикой Риф. М.бен Абд аль-Крим, ранее избегавший вступать в противоборство с французами, тут же сделал ответный шаг. Повстанцы продвинулись до населенного пункта Тисса в 48 км от Феса.

В связи с обострением ситуации Париж отозвал с поста генерального резидента Лиотэ и направил в Марокко победителя в битве при Вердене маршала Петэна. Французские войска повели наступление от Феса в северном направлении. Кроме того, вместе с испанцами они создали новый фронт в районе Аль-Хосеймы.

Весной 1924 г. французские войска захватили плодородную долину р.Уэргли, расположенную между французской и испанской зонами. Обладание этой территорией дало Франции выгодные позиции для проникновения как в глубь испанской зоны, так и к границам области, контролировавшейся рифскими племенами. Этот маневр отрезал

Республику Риф от источников снабжения продовольствием и фактически означал ее экономическую блокаду. Все попытки Республики Риф урегулировать отношения с Францией путем мирных переговоров не увенчались успехом. В апреле 1925 г. рифская армия предприняла наступление, которое развивалось столь успешно, что ей удалось прорвать линию французских укреплений и подойти к г.Таза. Развивая успех, рифаи создали реальную угрозу Фесу.

В июне 1925 г. на Мадридской конференции Франция и Испания выработали совместные предложения Республике Риф. Они сводились к следующему: предоставление рифским племенам автономии при соблюдении условий международных договоров, обмен пленными, создание полицейских сил, численность которых планировалось определить позднее. Предполагалось, что племена будут пользоваться свободой торговли в той мере, в какой это предусматривают договоры и постановления по таможенным вопросам, однако торговля оружием и боеприпасами будет запрещена.

Эти условия мира, которые ни Франция, ни Испания не торопились послать М.бен Абд аль-Криму, означали сохранение режима протектората. Они были сформулированы так, будто рифские племена потерпели поражение, а не наоборот.

Итогом работы Мадридской конференции стало соглашение, предусматривавшее следующие меры: военное сотрудничество Испании и Франции на марокканском театре военных действий; совместная блокада сухопутных и морских границ Рифской республики с целью изоляции рифских племен, лишения их продовольствия и оружия; строгое соблюдение нейтралитета Танжера; обязательство не заключать сепаратного договора с восставшими племенами; предоставление каждой из сторон свободы в ведении на своей территории военных, морских и воздушных операций.

После Мадридской конференции положение Республики Риф резко ухудшилось. Началось объединенное наступление не ее позиции. Не вступая в открытые бои с превосходящими силами, сохраняя свой военный потенциал, рифские отряды внезапными ночными атаками изматывали противника. И все же под давлением численно превосходящих сил повстанцы были вынуждены отступать. К середине октября 1925 г. рифаи потеряли почти всю завоеванную ранее территорию. Тем самым они лишились союзников, так как племена в захваченных французами районах были вынуждены сдаваться на милость победителя. Несмотря на то, что некоторые из этих племен продолжали вести партизанскую войну, число бойцов в рифской армии значительно уменьшилось.

Чтобы уничтожить Республику Риф, Франции и Испании пришлось стянуть к 1926 г. огромный экспедиционный корпус численностью в 800 тыс. человек, а также 44 эскадрильи авиации (93, 22.07.99).

26 апреля 1926 г. Франция и Испания созвали новую конференцию, на сей раз – в Уджде. Однако они и не помышляли о том, чтобы договориться с повстанцами. Цель конференции была одна – убедить об-

публичное мнение Франции и Испании в том, что рифские племена якобы не хотят мира. Французская и испанская делегации выдвинули четыре условия мира. Среди них, в частности, – подчинение рифских племен верховной власти марокканского султана, что означало включение их в систему протектората и ликвидацию Республики Риф, а также разоружение армии рифаев. Эти условия были абсолютно неприемлемы для повстанцев, и 6 мая 1926 года конференция прервала работу. На следующий день началось широкомасштабное наступление французской и испанской армий в долине р.Уэргли.

Союзникам удалось расколоть рифскую армию на две части и окружить их штаб-квартиру в Таргисте. Положение рифских отрядов стало критическим. 27 мая М.бен Абд аль-Крим сдался французам. Однако отдельные племена продолжали сопротивление.

10 июля 1926 г. Франция и Испания подписали договор об условиях их взаимодействия в Марокко. Документ содержал следующие положения:

1. М.бен Абд аль-Крим и его семья ссылаются на о.Реюньон;
2. Пограничная линия между французской и испанской зонами определяется смешанной комиссией на месте на основе границы, установленной в 1912 г. Она должна была проводиться таким образом, чтобы отдельные племена целиком попадали либо во французскую, либо в испанскую зону;
3. В случае восстания племен каждая держава получала право преследовать восставших в зоне влияния другой державы;
4. Каждая держава обязывалась проводить в своей зоне наблюдение за побережьем;
5. Французским войскам разрешалось находиться в Рифе до тех пор, пока испанские силы не смогут сменить их;
6. Предполагалось установить постоянный контакт между французскими и испанскими войсками;
7. Запрещалась продажа племенам оружия и боеприпасов;
8. Стороны обязывались информировать друг друга о положении дел в своих зонах.

Республика Риф потерпела поражение. Среди причин, способствовавших этому, необходимо назвать две. Во-первых, отсутствовало прочное единство внутри Республики, созданной из различных, ранее враждовавших между собой племен. Во-вторых, не были и не могли быть разрешены многочисленные социальные противоречия между основной массой берберов и племенной верхушкой (26, с.92).

В настоящее время с уже известными и тайными страницами восстания населения Рифа, а также жизнеописанием вождя Республики Риф Абд аль-Крима можно познакомиться на веб-сайте www.Abdelkrim.nl. На сайте представлена достаточно известная информация не только о военной деятельности лидера берберов-рифавей. Он знакомит также с основными идеями, которыми руководствовался Абд аль-Крим, в частности, его видением места берберов в обществе.

В эпоху протектората (1912–1956 гг.) французские власти делали все возможное, чтобы разъединить марокканцев по этническому принципу. 16 мая 1930 г. берберская политика властей протектората реализовалась в берберском дахире «О сохранении обычного права берберов», целью которого было создать непреодолимую пропасть между двумя составляющими населения Марокко – берберами и арабами, а также сузить власть султана – предводителя правоверных. В берберских районах, в частности в Среднем Атласе, населению было предписано использовать либо берберский, либо французский языки. Было отменено традиционное мусульманское право, учреждены специальные суды, в которых первые роли принадлежали французским офицерам. К компетенции последних относились все без исключения вопросы. При этом колонизаторы учли традиционно сложившуюся разницу между правительственной территорией (биляд аль-махзен) и мятежной частью страны (биляд ас-сибаа). Французская колониальная администрация с ее доктринами «ассимиляции» и «ассоциации» в отличие от британской проводила политику консервации обычаев местного населения, обратив внимание на все различия, существовавшие к тому времени между горожанами-арабами и берберскими племенами, руководствовавшимися больше обычаями, нежели Кораном и шариатом.

После издания дахира французская администрация начала активно привлекать берберов на службу во французской армии и местной администрации. Для детей берберской знати создавались специальные школы, призванные стать инструментом пропаганды французской политики. В горных берберских районах открывались франко-берберские школы, призванные помешать сплочению марокканцев путем сохранения и усиления религиозных и языковых различий между арабами и берберами. Католическое духовенство разработало проект приобщения берберов к церкви.

Однако французы не учли, что если ислам и был для берберов привнесенной религией, он являлся очень удобным знаменем для активизации борьбы за национальное освобождение. Выступления городских слоев против берберского дахира показали, что исламские традиции, взятые на вооружение еще М.бен Абд аль-Кримом, превратились в важный стимул развития национально-освободительного движения. Среди этих традиций была священная война за веру, «джихад».

Берберский дахир поддерживали феодалы на местах, некоторые улемы и шейхи суфийских братств. По версии марокканских историографов, молодой султан Сиди Мохаммед выступил против берберского дахира, не без основания усмотрев в нем угрозу подрыва национальной и территориальной целостности Марокко. В то же время французский историк Шарль-Андре Жюльен утверждает, что султан подписал берберский дахир либо под угрозой, либо по незнанию (76, 4.07.99). Осознав, что он сделал, султан в ходе встречи с Аллалем аль-Фасси заявил, что больше не «уступит ни одного права нашей родины».

Жюльен считает, что он «сдержал слово, так как в будущем уступал только силе». В итоге после многочисленных массовых выступлений протеста власти протектората сами были вынуждены отказаться от реализации дахира. Полностью действие этого документа было отменено сразу после возвращения 16 ноября 1955 г. Мохаммеда бен Юсефа из ссылки.

В 1931 г. после установления в Испании II-й Республики делегация рифаев из Тетуана отправилась в Мадрид. Там берберы потребовали автономии для Северного Марокко при общем признании правительства Народного фронта. Это требование было отвергнуто республиканцами. Рифаи были недовольны и правительством французских социалистов во главе с Леоном Блюмом, поскольку оно отказалось освободить Абд аль-Крима. Поэтому неудивительно, что рифаи охотно пошли под знамена генерала Франко, который пообещал им эту автономию. В итоге, по оценке многих историков, марокканские берберы сыграли решающую роль в победе франкистов в гражданской войне 1936–1939 гг., послужив им «пушечным мясом» и встав на сторону генерала Франко. Будущий диктатор использовал марокканские воинские части на острие главных ударов. Взамен рифаям были обещаны статус автономии и политические свободы. Примечательно, что ни один из марокканских националистов не выступил против мобилизации горцев Рифа в армию Франко на войну, в которой они добывали победу генералиссимусу. Вербовка солдат для марокканских таборов (полков) велась не только в Рифе, но и в остальных регионах Марокко, поскольку французские власти не препятствовали набору наемников в армию фалангистов.

Уже после Второй мировой войны в 1953 г. французам вновь удалось столкнуть интересы марокканцев – берберов и националистов. Тогда власти протектората, опиравшиеся на берберские отряды паши Марракеша Аль-Глауи отстранили от власти султана Мохаммеда бен Юсефа. Лишь два года спустя кайды берберских племен Среднего Атласа отошли от Аль-Глауи и направили телеграмму в Париж с требованием вернуть султана. К национально-освободительному движению примкнули рифские племена. Восстания племен в значительной степени подтолкнули власти протектората к решению вернуть М.бен Юсефа из ссылки. В то же время они могли ввергнуть страну в конце 1955 – начале 1956 гг. в пучину анархии, особенно в первые месяцы после достижения независимости, когда французская администрация уже не работала, а марокканская еще не была создана. Только личный авторитет султана позволил тогда Марокко избежать хаоса.

Сложной внутривнутриполитической обстановкой в 1958 г. воспользовались племена Рифа, поднявшие восстание против гегемонии Партии Истикляль (ПИ). Их усмирением занимался лично наследный принц Мулай Хасан. Восстание жестоко подавил его будущий самый доверенный человек, сначала – министр внутренних дел, затем – оборо-

ны, Мохаммед Уфкир. В современной марокканской историографии принято сваливать всю вину за пролитую при подавлении восстания рифских племен кровь на М.Уфкира. Независимые историки, в частности испанец Хуан Пандо, рядом с Уфкиром называют имя наследного принца, лично руководившего операцией карательного корпуса численностью в 15 тыс. человек. Более того, Х.Пандо утверждает, что в ходе операции против повстанцев марокканские войска широко использовали против рифских деревень напалм (59).

В 1959 г. организационно оформилась первая проберберская партия – Народное движение (НД). Ее возглавили Махджуби Ахердан и Абд аль-Крим Хатиб. Два предыдущих года партия действовала полуполюгально. Она выражала интересы берберских и части арабских феодалов северных и центральных районов Марокко, стремившихся к сохранению своих привилегий, полученных еще во времена французского протектората. Эта партия традиционно пользуется определенным влиянием среди берберского населения страны.

Согласно действующему основному закону королевства, Марокко является «арабской страной», хотя общеизвестно, что дело обстоит не совсем так. Существование берберов, понятно, признается властями, однако каково соотношение между ними и арабами – эти данные держатся в строжайшем секрете. Тем не менее жизнь распорядилась по-своему, и язык «дариджа» – марокканский диалект – представляет собой смесь арабского и берберского языков с небольшими вкраплениями французского и испанского. Официально тамазиг не рассматривается в Марокко в качестве национального языка. Он объявлен «диалектом». Диалектом чего? Явно не арабского языка, а значит, какого-то другого.

Более того, чтобы подчеркнуть диалектальность, а значит, вторичность берберского языка, в 90-е годы 1-й канал марокканского телевидения начал передавать три новостные программы на трех разных диалектах берберского языка: тарифите, тамазиге и ташельхите.

Почему так получилось? Ответ на этот вопрос предлагает школьный учебник истории, по которому учат миллионы маленьких марокканцев. Согласно нему, «первыми жителями Марокко были берберы. Они пришли из Йемена и Сирии, пройдя через Эфиопию и Египет» (74, 24.04.2001). Авторам подобного опуса ответил еще шесть веков назад известный арабский мыслитель Ибн Халдун, камня на камне не оставивший от этой «теории». Почему она возникла? Только с одной целью: «доказать», что берберы имеют именно арабское происхождение, а также подтвердить «законность» арабского завоевания Северной Африки.

Официальная история дает почти идиллическую картину арабского пришествия в Северную Африку. По ее версии, исламская армия, прибывшая с Аравийского полуострова, была мирно встречена местным населением, находившимся на значительно более низкой ступе-

ни развития. Некоторое время спустя эти «добрые дикари» взяли себе в руководители прибывшего из Аравии шерифа, названного Мулаем Идрисом. Последний провозгласил себя султаном и затем основал Марокко. Творцы подобной «истории» лукаво забывают, как нелюбезно встретили завоевателей «добрые дикари».

Официальная история Марокко также предпочитает не вспоминать, что возглавивший завоевательный поход на Андалусию Тарик ибн Зияд был бербером из Рифа. Это же касается и династий Альморавидов и Альмохадов, которые были берберскими и при которых территория Марокко простиралась от Испании до реки Сенегал.

Только в период правления династии Меринидов (конец XII–XIII век) арабский язык начал проникать на верхушку властной пирамиды. Одновременно возникает явление, характерное для Марокко и наших дней. Оно получило название «сиба» (диссидентство) и заключалось в неповиновении берберских племен центральным властям. Это явление стало сугубо берберским. Династии сменяли одна другую, но отношение берберов к центральной власти оставалось неизменным. Причем пропасть между берберами и арабами неуклонно углублялась и расширялась. Покончить с сибой удалось лишь французам в эпоху протектората. Последний передал династии Алауитов неоценимый подарок – единое Марокко. Что касается самой династии Алауитов, то ее представители всегда подчеркивали свою арабскую принадлежность, хотя многие правители (в том числе и Мохаммед VI) были рождены от берберок.

После достижения независимости

После достижения независимости прозвучали обособленные голоса с требованием придать берберскому языку статус национального. Но они не были услышаны под воздействием волны панарабизма в 60–70-е годы. Тем не менее на бытовом уровне в этот же период начался берберский ренессанс – тайный, постепенный, но вполне реальный. Как ни странно, этому подъему в немалой степени способствовала Франция. Еще в эпоху протектората французские исследователи заложили базу для подъема берберского самосознания, проведя ряд исследований культуры и истории амазигов. Во многом именно они вернули берберам историческую память (74, 24.04.2001).

Начиная с 60-х годов XX столетия начинают развиваться «берберские исследования». Как следствие – в течение всего 15 лет были защищены до 30 солидных диссертаций по истории, литературе и языку берберов. Количество «берберских» диссертаций на степень бакалавра исчислялось сотнями. Многие из этих работ готовились марокканцами, которые по возвращении на родину стали главными «идеологами» нарождавшегося берберского движения. Его не могли не заметить те, кто стоял на страже «арабского» режима. В 1982 г. власти арестовали нескольких активистов берберского движения,

главным образом преподавателей университетов. Все они были причастны к изданию берберского журнала. В редакционной статье первого номера один из интеллектуалов осмелился утверждать, что берберский язык является таким же языком, как и арабский. Автору такой «крамолы» пришлось провести в тюрьме ровно год, поскольку он отказался просить короля о помиловании. Это событие осталось незамеченным как в Марокко, так и в мире: шли суровые «свинцовые годы» – так марокканская демократическая общественность назвала период правления короля Хасана II.

Берберы занимали видное место в национальном движении. Тысячи амазигов, вдохновляемых идеями реванша и национализма, приняли участие в вооруженной борьбе против протектората либо в командос городского сопротивления, либо в рядах Освободительной армии (1). В период борьбы с протекторатом берберы отложили свои идентификационные требования в сторону, рассчитывая, что они борются за двуязычное и двухкультурное Марокко. Однако они просчитались. Несмотря на то, что берберы были интегрированы в марокканскую военную и политическую элиту молодой нации, это никоим образом не помогло утверждению их языка и культуры. Культурно-языковая диверсификация расценивалась властями как угроза устоям режима и поэтому безжалостно подавлялась.

Между Рабатом и населением Рифа всегда существовали особые отношения. Во многом это связано с тем, что сразу после достижения Марокко независимости рифаи восстали против центральной власти. Подавление восстания возглавил бывший в то время наследным принцем Мулай Хасан. Взойдя в начале 60-х годов на трон Алауитов, король Хасан II до своей кончины в 1999 г. ни разу не посетил этот регион, считающийся одним из самых отсталых в королевстве.

В то же время берберки всегда занимали заметное место в гареме короля. Одна из них – Латифа – получила титул «мать принцев». Она появилась во дворце сразу после достижения Марокко независимости. 13-летнюю девочку привел туда в качестве подарка глава одного из могущественных берберских племен. Несколько лет спустя неграмотная женщина стала матерью наследного принца. Это обстоятельство предопределило ее особое положение во дворце. Другой «звездой» гарема была Фатима-Берберка. Она, по рассказам очевидцев, имела «ослепительную» красоту (64, с.68).

Берберское движение благодаря усилиям властей долгое время было разрозненным. Первая объединительная попытка была предпринята в 1991 г., когда шесть берберских организаций вместе сформулировали список требований к властям, получивший название «Хартия амазигов» или «Агадирская хартия» (по месту принятия – прим. авт.). Три года спустя подобная попытка была повторена и она нашла свое выражение в создании Координационного совета ассоциаций марокканских амазигов (КСАМА). 1 мая 1994 г. представители

ряда берберских ассоциаций вышли на демонстрацию по случаю Дня международной солидарности трудящихся с транспарантами на тифинаге. Они тут же были арестованы. Страна было на некоторое время затаилась, ожидая взрыва. Однако его не последовало. Хасан II умело пригасил пламя протеста. Он тут же помиловал арестованных и пообещал ввести преподавание берберского языка в школах (это обещание так и не было выполнено). Именно тогда Хасан II разрешил вести на 1-м канале марокканского телевидения три выпуска новостей на различных берберских диалектах.

Всегда державший руку на пульсе настроений населения страны король Хасан II в 1994 г. предписал интегрировать тамазиг в национальную систему образования. Это решение было положительно воспринято всеми прогрессивными силами Марокко. Однако на деле оно не получило какого-либо практического развития, после чего ряд берберских организаций в 1996 г. направил монарху письмо, в котором содержалось требование конституционного закрепления берберского характера Марокко.

С момента достижения независимости позиция марокканских властей в отношении берберского вопроса оставалась в целом неизменной и сводилась к декларативному учету берберской специфики страны при негласном подавлении любых попыток активизации берберского движения. Лучше всего это проявилось в 1994 г., когда королевским указом была сформирована национальная комиссия по реформе системы образования во главе с советником короля Мезианом Бельфкихом с задачей разработать национальную Хартию образования и профессиональной подготовки. Сразу после публикации проекта этого документа Культурное движение амазиг (КДА) и входящая в него Марокканская ассоциация исследований и культурных обменов (МАИКО) организовали широкое обсуждение проекта Хартии, видя в ней первый официальный документ, в котором была сформулирована возможность внедрения языка тамазиг в общеобразовательную систему. Примечательно, что ни один из представителей этих двух общественных организаций не попал в комиссию Бельфкиха. Тем не менее активисты КДА и МАИКО добились продолжительной аудиенции у главы комиссии в период подготовки проекта Хартии, в ходе встречи они изложили свое видение проблемы. По их мнению, включение тамазиг в школьные программы должно было гармонично вписаться в политические изменения и процесс относительного увеличения демократической открытости, надежды на которые возникли в марокканском обществе в последние годы правления короля Хасана II. Однако то, что они увидели в документе, разочаровало их. По мнению КДА, подобная ситуация отразила «отсутствие реальной воли найти решение (берберского) вопроса». Авторы документа «лишь очертили проблему с тем, чтобы сохранить существующую ситуацию с маргинализацией тамазиг».

Сразу после публикации проекта Хартии (на подготовку этого документа ушло почти 5 лет) в апреле 1999 г. МАИКО направила письмо Бельфиху, в котором выразила свое негативное отношение к этому документу. В письме, в частности, подчеркивалось, что «строительство сильной национальной идентичности и укрепление иммунитета марокканской нации обуславливают необходимость учреждения такой национальной общеобразовательной системы, которая должна базироваться на взаимодополняемости ее составных частей, с учетом ценностей, исходящих из традиций нашего народа и его исторического опыта». Они предложили основные принципы интеграции единого унифицированного языка тамазиг во все циклы национальной образовательной системы, причем указали на возможность их практической реализации в течение 5 лет. По их мнению, в первую очередь необходимо было создать Центр берберских исследований с задачей скорейшей выработки единых норм тамазиг.

Понятно, что предложения МАИКО остались просто незамеченными.

Полгода спустя МАИКО распространила коммюнике, в котором подвергла резкой критике политику властей в отношении культурных чаяний берберов. В нем, в частности, утверждалось, что «со времени достижения независимости официальная политика в сферах образования, культуры, информации и научных исследований состояла в систематическом исключении берберского языка и берберской культуры или, по меньшей мере, их маргинализации, а в перспективе – их полной аннигиляции». МАИКО весьма негативно восприняла проект Хартии, отметив, что этот документ минимизирует проблему тамазиг. Ассоциация выступила с рядом предложений. В частности, она ратует за «быструю интеграцию языка тамазиг на всех уровнях системы образования, равное использование арабского и берберского языков в прессе, оказание государственной поддержки книгоиздательству на берберском языке, применение тамазиг в административном и судебском делопроизводстве».

По оценке КДА, берберский характер Марокко не подлежит сомнению по причинам исторического, лингвистического, культурного и социологического характера. В то же время, утверждают представители этой организации – и здесь видно влияние официальных властей, – «потенциал амазигов был растерян за 40 лет независимости больше, чем это случилось за 14 веков сосуществования с арабами». Именно последняя причина сыграла решающую роль в появлении КДА. По мнению Культурного движения амазиг, марокканские власти в течение 40 лет после достижения страной независимости проводили «дискриминационную лингвистическую политику», благодаря которой им удалось превратить берберов в «лингвистическое и культурное меньшинство». Левоцентристский кабинет социалиста А.Юсуфи был сформирован в марте 1998 г. С его созданием действующие в стране основные проберберские партии оказались в оппозиции.

Кабинет Юсуфи в берберском вопросе продолжил следовать курсу панарабизма. В феврале 1999 г. премьер-министр предписал всем госучреждениям использовать в делопроизводстве исключительно арабский язык. «Администрация государственных учреждений и предприятий, а также местные органы власти должны использовать арабский язык в отношениях между собой и с отдельными лицами ... Запрещается использование каких-либо других языков, кроме арабского, за исключением случаев, когда корреспондентом является зарубежная сторона», — указывалось, в частности, в циркуляре премьера. А.Юсуфи потребовал от членов кабинета «призвать всех работников» вверенных им учреждений использовать арабский язык в переписке и делопроизводстве. Документ допустил только два исключения из правила: когда речь идет о переписке с зарубежной стороной и о «деликатных технических документах», которые тяжело перевести на арабский язык (9, 14.02.99).

В целом в Марокко на момент завершения данной работы насчитывалось по меньшей мере 7 проберберских партий. Национальное народное движение (ННД) Махджуби Ахердана символически входило в правительственную коалицию в период с 1998 по 2002 гг., где оно было представлено тремя министрами. По оценке некоторых активистов берберского движения, ННД является прямым порождением махзена.

Создание этой партии в 1991 г. было связано со стремлением режима канализировать активность берберской элиты в нужном для него направлении и произошло в результате раскола НД (92, 29.09.2000). Идеологические рамки партии весьма размыты. Ее лидер М.Ахердан считает, что в Марокко неприменима демократия в ее европейском понимании. Выступает за возвращение к трибальной (родоплеменной) системе управления. Два возможных преемника Ахердана на посту лидера партии — его старший сын, генеральный инспектор ННД Узин Ахердан, а также министр молодежи и спорта в кабинете Юсуфи, лидер рифаев в партии Ахмед эль-Мусауи (76, 07.04.1999). Партия пережила три раскола, в результате которых она сама вышла из Народного движения, а от нее откололись организация Абд аль-Крима Хатиба, а также Демократическое и социальное движение (ДСД). ННД, НД и ДСД на парламентских выборах 1997 г. смогли вместе получить 91 депутатский мандат.

По состоянию на январь 2001 г. ННД по представительству занимало второе место после НОН в Палате советников (верхняя палата марокканского парламента) и третье место (после ССНС и НОН) в Палате представителей. Последнее обстоятельство дало право Ахердану заговорить о выходе из кабинета Юсуфи, поскольку его партия не была представлена в нем должным образом. В это же время начали вырисовываться перспективы альянса между ННД и исламистской Партией справедливости и развития (ПСР). Как заявлял

Ахердан, он «чувствует себя очень близким к Абд аль-Криму Хатибу (лидер ПСР) и к политической организации, которую он представляет» (78, 12.01.2001). Он также высказался за «полную и тесную кооперацию с ПСР в ближайшем будущем». Подобный консервативно-исламистский альянс в случае его реализации мог бы значительно повлиять на расклад сил на политической сцене Марокко.

В оппозиции к кабинету А.Юсуфи находились центристские НД Моханда Лаенсара и Партия народно-демократического действия (ПНДД), а также правое ДСД Махмуда Аршана. Три партии были созданы в течение 2002 г. Это – Гражданские инициативы за развитие (ГИР) Мохаммеда Бенхаму, Демократический союз (ДС) Буаззы Иккена, а также Партия обновления и равенства (ПОР) Шакира Ашехбара.

НД стало первой политической партией, сформированной в Марокко вне Партии Истикляль. Это случилось в 1958 г. Партия вышла из Армии национального освобождения (АНО) и замышлялась как противоявес Партии Истикляль. До раскола в 1986 г. ее возглавлял М.Ахердан, бербер из племени земмур, один из бывших командиров АНО. Первоначально ее деятельность была сконцентрирована в марокканской деревне. Постепенно НД трансформировалось в общенациональную партию, которая ставит своей целью защиту культуры и марокканской идентичности, всех составляющих марокканского общества, в том числе – культуры и языка берберов, отстаивание всех основных общенациональных идей Марокко, в том числе его принадлежность к арабскому и африканскому миру. Партия считается проберберской, однако контролируется дворцом. Входит в блок правых партий. Ее представители неоднократно входили в состав правительства Марокко.

По итогам парламентских выборов 1997 г. НД заняло 4-е место, получив 40 депутатских мандатов. Для сравнения: победитель выборов ССНС получил 57 мандатов. С марта 1998 г. НД находилось в оппозиции левоцентристскому кабинету социалиста Юсуфи и выступало за формирование правительства национального единства, не без оснований полагая, что ни чисто правые, ни чисто левые не смогут решить все многочисленные проблемы Марокко. НД называет себя защитницей интересов жителей сельских районов королевства и производителей сельскохозяйственной продукции.

НД весьма отрицательно отреагировало на появление в Палате представителей исламистов после парламентских выборов 1997 г. «НД имеет четкую позицию, которую оно всегда выражало. Мы против использования мусульманской религии в политических целях. Мы хотели бы, чтобы все партии высказались по этому вопросу. Ислам – это рамки, которые все должны принять, поскольку он является государственной религией. Что касается движений, которые выступают за повышение роли ислама при решении проблем общества, мы полагаем, что это неприемлемо», – утверждал Лаенсар (81, 15.12.1997).

В ноябре 2001 г. состоялся 9-й съезд НД, в работе которого участвовали 2700 депутатов. На нем третий мандат на руководство партией получил М.Лаенсар. Состав ЦК партии был расширен до 140 человек (89, 12.11.2001).

Партия народно-демократического действия (ПНДД) возникла в 1975 г. К ней присоединились представители берберской интеллигенции (в основном молодежь), жители берберских районов Суса, Среднего Атласа и Рифа. Контролируется дворцом.

Демократическое и социальное движение (ДСД) образовалось в июне 1996 г. в результате раскола ННД.

Особое внимание, как представляется, необходимо уделить Демократическому союзу (ДС). Эта партия, выражающая интересы рифавцев, отразила в себе кроме регионально-идентификационных еще одну острейшую проблему, а именно – превращение Рифа в крупнейшего производителя и поставщика в Европу «мягких» наркотиков. Уже давно многие жители северных районов королевства предпочли знаменитым марокканским цитрусовым каннабис (разновидность индийской конопли). Только в Рифе, по разным оценкам, под посевами каннабиса занято свыше 70 тыс. га (26, с.197). Ежегодно из Марокко в Европу нелегально вывозится свыше 2000 тонн гашиша. Наркомафия в Марокко живет и процветает. В стране действует хорошо отлаженная международная сеть, создавшая одно время в Рифе, как утверждают, даже небольшие аэродромы для вывоза самолетами ядовитого зелья. Наркомафии не зря приглянулся этот регион, соседствующий с Европой. Дело в том, что один килограмм каннабиса стоит там всего 800–1200 дирхамов (примерно 80–120 долл.). Это примерно в 50 раз меньше, чем в Европе. Ежегодная стоимость урожая марокканской нарконивы оценивается в 4–20 млрд. долларов. Поэтому одна из главных проблем для властей – как убедить крестьян Рифа, одного из самых отсталых в социально-экономическом отношении районов королевства, отказаться от выращивания ядовитого зелья. Другая проблема – участие представителей властей в преступном бизнесе. Как утверждалось в закрытом докладе базирующейся в Париже международной неправительственной организации «Геополитическое наблюдение за наркотиками» за 1993 г., «доходы от каннабиса представляют главный источник поступления валюты» для Марокко (26, с.197). При этом упомянутая организация открыто обвинила «высокопоставленных представителей власти или лиц, близких к власти», в причастности к работе сетей, занимающихся поставками каннабиса в Европу.

Из прочих партий наиболее четкую «берберскую» программу имеет левое Движение за демократию (ДЗД). Самым заметным представителем этой партии является Абдалла Заазаа, проведший 14 лет в марокканских тюрьмах. Партия получила право на легальную деятельность накануне парламентских (1997 г.) выборов. Ее основате-

лями стали выходцы из существовавших в 70-е годы в Марокко групп марксистско-ленинского толка. Основными пунктами программы ДЗД накануне выборов 1997 г. были: выборы премьер-министра на основе прямого равного избирательного права, его подотчетность Палате представителей (нижняя палата марокканского парламента), не менее чем 50-процентное представительство женщин во всех выборных институтах власти, признание прав на культурную самобытность берберов, строительство светского государства. Главными виновниками всех бед, с которыми сталкивается Марокко, ДЗД называет правоцентристские партии, в течение 40 лет формировавшие исполнительную ветвь власти.

В Марокко власти всячески препятствовали малейшим проявлениям берберской солидарности. В июле 1998 г. они запретили акцию солидарности с жертвами насилия в Алжире и памяти незадолго до этого убитого в АНДР певца Лунеса Матуба. Акция была подготовлена одной из самых влиятельных в Марокко берберских общественных организаций – «Тамайну», в которую входят свыше 20 региональных секций. В ответ на запрет властей выступающая за развитие берберской культуры и языка ассоциация «Тамайну» опубликовала коммюнике, в котором опротестовала это решение. В документе отмечалось, что ассоциация выполнила все условия, необходимые для организации собрания. Однако она получила телефонное уведомление от столичных властей о запрете на проведение акции. Организаторы собрания тут же направили послание премьер-министру, представителю ССНС Абдеррахману Юсуфи с просьбой вмешаться, с тем чтобы отменить запрет. Однако ответ на него так и не был получен. Такая позиция столичных властей и премьера называлась в коммюнике «удивительной», так как, по мнению его авторов, ничего не оправдывает применение ссылки на «причины безопасности», которыми обосновывался запрет (87, 17.07.98).

В 1999 г. скончался король Хасан II. Сменивший его на троне Алауитов Мохаммед VI сделал несколько шагов, которые были расценены наблюдателями как движение к большей открытости дворца. В частности, Мохаммед VI впервые учредил пост официального представителя дворца. Ранее он просто не существовал, поскольку Хасан II не считал необходимым сообщать прессе о том, что происходило за стенами мешуара. Удивила и фигура, назначенная на этот пост. Мохаммед VI остановил свой выбор на однокашнике по королевскому колледжу, берберском интеллектуале Хасане Ауриде. Выходец из низшего среднего класса – его отец был университетским преподавателем – Аурид до своего назначения никогда не был замешан в придворных играх. Подобная независимость позднее едва не обошлась ему дорого – у него появились могущественные недоброжелатели. Первым из них был советник короля Андре Азулай. Этот марокканский еврей курирует отношения

между Марокко и международными финансовыми институтами. Вторым – министр иностранных дел и сотрудничества Мохаммед Бенаисса.

В 80-е годы Х.Аурид попробовал себя в дипломатии и журналистике. Именно когда он находился на дипломатической работе в США, он столкнулся с М.Бенаиссой. Что именно произошло между ними – доподлинно неизвестно. Между тем ряд марокканских независимых СМИ обвинил М.Бенаиссу в финансовых злоупотреблениях в период нахождения на посту посла Марокко в Вашингтоне.

Затем Х.Аурид создал в Рабате небольшой исследовательский центр им.Тарика ибн Зияда. Отсутствие значительных средств отразилось на внешней скромности этого заведения, офис которого находится в одном из зданий в центре марокканской столицы. Однако публикации центра оказались достаточно серьезными и получили признание специалистов как в Марокко, так и за его пределами.

Важное событие, во многом предопределившее ускорение роста самосознания марокканских берберов, произошло 1 марта 2000 г. Эта дата считается днем рождения документа, получившего название «Берберский манифест». Марокканские власти сделали все возможное, чтобы скрыть само его существование. Марокканцы узнали о нем только спустя почти 5 месяцев, когда некоторые СМИ попытались представить отдельные положения этого документа, а также изложить ряд мнений по поводу его содержания.

Его автором выступил профессор Мохаммед Шафик. Документ подписали 229 берберских интеллектуалов. В манифесте (его полное название – «Манифест за официальное признание берберского характера Марокко») отмечалось, что «некоторые находящиеся в настоящее время у дел партии несут ответственность за то, что подтолкнули своих адептов времен борьбы за независимость к панарабской непримиримости, полностью отвергая при этом берберский характер Марокко». Подобная позиция, указывали авторы манифеста, привела к тому, что пресса этих партий «постоянно занимается арабскими ближневосточными проблемами больше, чем проблемами нашей страны». В документе отмечалось, что «элиты, захватившие власть после 1956 г. (дата достижения независимости – прим. авт.), присвоили себе монополию на патриотизм и политические действия, получили моральные и материальные преимущества, одновременно полностью умалчивая берберский вопрос и переориентировав на свой вкус СМИ и систему образования» (1). «Ситуация в Рифе, в трех Атласах, в Сусе или в наших сахарских зонах, как представляется, стоит позади этой заботы», – писал он.

В манифесте констатировалось, что «большинство политических режимов в мусульманском мире вообще и в арабском, в частности, продолжает вплоть до наших дней имитировать аббасидскую модель, основанную на деспотизме». По этой схеме «в течение веков действовал махзен». В документе отмечалось, что «правительства, кото-

рые сменяли друг друга в течение 44 лет Эры независимости, практиковали по отношению к бербероговорящим регионам ту же политику экономической маргинализации, которая проводилась в течение 44 лет протектората». Авторы манифеста предупредили, что если носители идей панарабизма продолжают отвергать берберский характер Марокко, амазиги в свою очередь получают полное право отрицать арабскую принадлежность страны.

Авторы манифеста «с удовлетворением» отметили, что глава правительства страны того периода А.Юсуфи в одном из выступлений в парламенте «робко признал» берберский характер Марокко. Отсюда сделан вывод о том, что «настало время конституционно придать статус официального нашему изначальному национальному языку – берберскому».

В целом в Манифесте можно выделить 9 основных требований марокканских берберов:

1. Вынести берберский вопрос на самое широкое общенациональное обсуждение, которое должно проводиться «под знаками логики, разума и глубины».

2. Изменить конституцию путем включения в ее текст упоминания о том, что тамазиг является «национальным официальным» языком.

3. Разработать для наименее развитых в социально-экономическом отношении регионов (все они – бербероговорящие) конкретные программы приоритетного экономического развития, направленные на создание инфраструктуры и объектов базовых отраслей промышленности, развитие образования.

4. Сделать обучение берберскому языку в школах, колледжах, лицеях и университетах обязательным наравне с арабским, создать структуры, призванные разработать единые нормы языка тамазиг и необходимые педагогические методики.

5. Подвергнуть серьезной ревизии школьные программы по истории с тем, чтобы восстановить правду об истории Марокко и, в частности, о ее берберской составляющей. Авторы манифеста отметили, что «хранение молчания по поводу берберского происхождения той или иной династии, того или другого исторического персонажа стало педагогическим средством, используемым с одной целью – заставить поверить в то, что Магриб всегда был арабским». Так, полностью оказался убранным из учебников античный период истории Марокко. (Отклоняясь в сторону, в подтверждение последней мысли автор может привести пример Волюбилиса – столицы Мовретании, находившейся в вассальной зависимости от Рима. Вплоть до конца 90-х годов XX века в районе Мекнеса не было ни одного дорожного указателя с названием этого города, развалины которого традиционно посещаются европейскими туристами.)

6. Во всех госучреждениях ввести штат переводчиков с берберского языка с тем, чтобы облегчить обращение в них бербероговорящих марокканцев. Отказаться от запрета на использование берберских

имен при наречении младенцев. Создать радиотелевещательную компанию, работающую только на берберском языке. Разрешить бербероговорящим депутатам местных законодательных ассамблей использовать их родной язык для выступлений.

7. Не мешать развитию берберского искусства, загнанного в «фольклорные резервации».

8. Отказаться от практики переименования, благодаря которой многие географические названия были изменены с берберских на арабские. Отказаться от практики присвоения учреждениям и структурам арабских наименований, чуждых марокканцам.

9. Признать общественную полезность берберских культурных ассоциаций, что позволило бы им получать финансовую поддержку государства.

Авторы манифеста следующим образом определили свое отношение к исламу и арабскому языку: «Что касается наших отношений с языком Корана, то наша позиция известна: арабский язык представляется нам как ценное культурное наследие... Наша верность позитивному отношению наших предков к арабскому языку останется лучшим гарантом нашей приверженности этому языку и нашей готовности служить ему. Арабский язык является ключом для правильного понимания священных текстов ислама и самой прочной из связей, которые нас объединяют с нашими арабскими братьями с Запада и Востока».

В заключение авторы манифеста провозгласили целью этого документа «обозначить волю берберов бороться против идеологической гегемонии, представляющей собой запрограммированный этноцид». «Мы заявляем о своей приверженности принципам равенства между людьми и расами. Мы обязуемся работать на благо развития настоящей культуры терпимости и сердечного согласия, которые отвергают разногласия во мнениях и вере. Мы верим в будущее универсальной цивилизации, объединяющей все человечество», – подчеркивается в завершающей части манифеста (1).

Манифест подписал ряд отдельных представителей берберских общественно-политических организаций. Тем не менее ни одна берберская организация как таковая официально не решилась присоединиться к этому документу с учетом его известной радикальности.

Можно констатировать, что появление Манифеста и выдвинутые в нем требования признания культурной самобытности берберов были связаны с определенными надеждами, порожденными новой царственной особой – Мохаммедом VI, рожденным, как известно, от берберки. Тем не менее самим своим появлением он говорил о необходимости марокканской «берберской весны», без которой имелась и имеется возможность скатывания берберского движения к радикализму и даже экстремизму.

Вслед за появлением Манифеста как новая общественная организация был сформирован Комитет «Манифест амазигов» (КМА). Эта организация «родилась» 13 мая 2000 г. в Бузнике. В руководящий

совет КМА вошли 15 человек. Они тут же с целью налаживания организационной работы разделили страну на три региона: Южный (Сус), Центральный (Атлас) и Северный (Риф), в каждом из которых были созданы региональные комитеты КМА. Немедленно в КМА проявились три ветви – левая, центристская и исламистская. В сентябре 2000 г. КМА призвал «все демократические силы Марокко, всех берберов и мировую общественность» поддержать содержащиеся в «Манифесте амазигов» требования, касающиеся признания культурной самобытности марокканских берберов. В декларации КМА вновь указывалось на необходимость придания официального статуса берберскому языку наравне с арабским. В ней предлагалось отказаться от существующей практики запрета использования берберских имен при наречении новорожденных, а также выдвигался ряд других требований.

В декларации КМА подчеркивалось, что появление «Манифеста амазигов» – вынужденная мера, связанная с «исключением» берберской проблематики из принятых незадолго до этого 5-летнего плана экономического и социального развития Марокко, Хартии по образованию и профессиональной подготовке, а также «из всех других стратегических проектов, разработанных правительством так называемой альтернативы».

Декларация дала оценку текущей ситуации с правами берберов в Марокко как «критическому этапу разочарований». Согласно ее авторам, она характеризовалась «официальным отрицанием принадлежности Марокко к тамазг; культурной, социальной и экономической маргинализацией бербероговорящих регионов; попытками исключения и даже уничтожения цивилизационного наследия амазигов; лишением амазигов самых элементарных прав, в частности, обучения на их языке и наречения детей берберскими именами; исключением тамазиг из СМИ и из практики общения берберов с государственными институтами; многочисленными препятствиями, мешающими нормальной работе культурных ассоциаций берберов; остракизмом в отношении информации, касающейся деятельности организаций амазигов; кричащей, несправедливой и антиконституционной дискриминацией, делающей из амазигов людей второго сорта».

Появление КМА придало берберскому движению новую динамику, а также поставило вопрос: что ему делать дальше? Дело в том, что берберское движение в Марокко стало быстро политизироваться и радикализироваться. Зазвучали предложения о создании не связанной с дворцом берберской партии, базирующейся на идеологии амазигов. Как считает генеральный секретарь ассоциации АМРЕК (Марокканская ассоциация поисков и культурных исследований – Ассо-сиасьон марокен де решерш э д'этюд кюльтюрьель) Ахмед Ассид, возможны три сценария. Согласно первому, КМА будет расширять организационную работу, а также вести дискуссии о будущем берберского движения. Второй предполагает формирование некоего политического

форума, цель которого – разработка нового проекта общества, где будут четко определены юридические места женщины, ислама, светскости, место монархии в национальной политической системе, рамки политического плюрализма. Третий сценарий предусматривает формирование политической партии амазигов. «Эта партия не будет иметь этническую природу, а базироваться на политической идеологии амазигов», – полагает А.Ассид (79, 19.04.2002). В настоящее время, отмечает этот политик, подавляющее большинство берберских активистов пока не готово к созданию политической партии. Однако они понимают, что их движение уже не может замыкаться только в рамках культурологических требований. Скорее всего, полагает он, будет сформирован некий гибрид, нечто среднее между политической партией и культурологической ассоциацией. Это будет политический форум общенационального характера, открытый для всех берберских организаций.

С принятием марокканскими властями программы регионализации берберы тут же выступили против нее. По их мнению, необходимо пересмотреть «спущенную сверху» географическую нарезку регионов с тем, чтобы их границы отвечали не избирательным механизмам (деление по численности проживающего населения), позволяющим властям обеспечивать необходимое им большинство в Палате представителей, а соответствовали социально-культурным особенностям живущих там людей (83, 20.07.2002).

Весной 2001 г. в связи с отмечавшимся 1 мая Днем международной солидарности трудящихся и трагическими событиями «черной весны» в Кабилии некоторые организации марокканских берберов выступили с коммюнике и заявлениями, в которых осудили действия алжирских властей, а также затронули ряд злободневных вопросов, касающихся положения амазигов.

Так, Культурное движение амазиг (КДА) утверждало, что «берберская идентичность остается жертвой политики исключения, проводимой марокканским государством». В документе отмечалось, что марокканских берберов «пытаются оторвать от их культурных и идентификационных корней», придать их культуре только фольклорный оттенок. Его авторы обвинили власти в том, что те «фальсифицируют историю, запрещают марокканцам иметь берберские имена, арабизируют названия берберских населенных пунктов». КДА утверждало, что власти «блокируют» деятельность берберских общественных организаций, что выразилось в запрете на создание ассоциаций «Тад-ха», «Тамунт Гульмина», Форум берберов – преподавателей университетов и других. «Эти действия, – отмечали авторы коммюнике, – подтверждают в очередной раз упорство лиц, принимающих решения, в продолжении политики этнического геноцида против берберского населения». Они заявили о своей решимости «продолжать борьбу с тем, чтобы добиться выполнения законных требований» – конституционного закрепления за берберским языком тамазиг статуса офици-

ального и национального, его введения в школьные программы, использования в СМИ, административном и судебном делопроизводстве.

КДА заявило, что рассматривает действия властей, ущемляющие права берберов, как «нарушения прав человека, не соответствующие современному и демократическому государству». КДА осудило действия алжирских властей в Кабилии, где «алжирский народ подвергается настоящему геноциду со стороны врагов берберской самобытности».

В свою очередь Группа действий амазиг (ГДА) в своем коммюнике выразила солидарность с алжирским народом и подчеркнула общность борьбы, которую ведут берберы в странах их проживания.

Одновременно Марокканское движение амазиг (МДА) опубликовало открытое письмо послу Алжира в Марокко, в котором, в частности, констатировалось, что «алжирское правительство в очередной раз предпочло потопить в крови невинных граждан, выступивших с законными требованиями признания их культурной самобытности и социальной справедливости».

1 мая 2001 г. МДА в рамках шествия, проводившегося профобъединением Марокканский союз труда (МСТ), попыталось организовать манифестацию протеста в районе алжирского посольства в Рабате. По оценкам марокканской прессы, в акции принимали участие от 400 до 500 человек. Однако манифестанты были рассеяны силами полицейских подразделений по борьбе с беспорядками. Тем не менее эта акция стала первой, проведенной берберами под опекой МСТ. Последний, будучи официальной структурой, примерно с середины 90-х годов XX-го столетия стал покровительствовать берберскому движению, пытаясь, по всей видимости, канализировать его.

30 июля 2001 г. король Мохаммед VI в очередной раз попытался определенным образом сдержать берберское движение, объявив о создании Королевского института берберской культуры (КИБК). Ректором института монарх назначил ... автора Берберского манифеста Мохаммеда Шафика. Была сформирована Королевская комиссия для формирования административного совета КИБК из 40 человек. В комиссию вошли сам М.Шафик, советник короля Абдельазиз Мезиан Бельфких, директор королевского кабинета Рошди Шрайби, официальный историограф королевства Абдельвахаб Бельмансур и официальный представитель дворца Хасан Аурид. По состоянию на апрель 2002 г. Королевская комиссия назначила 24 из 31 члена административного совета, в том числе 4 женщины. Предполагалось, что оставшихся 9 членов совета назначит лично монарх. В рамках института были сформированы 6 исследовательских центров, в штате каждого – по 15 исследователей. Эти центры – лингвистический, педагогический, исторический, антропологии и социологии, искусства и литературы, центр переводов, документации и публикаций (79, 19.04.2002).

Одним только объявлением о создании КИБК король надолго снизил активность берберского движения. Однако полной его демобилизации не произошло. Уже через несколько месяцев, когда берберы увидели, что решение о создании института существует только на бумаге, движение возобновилось. Его новыми требованиями стали конституционное признание берберского характера Марокко и упразднение статьи 115 Национальной хартии образования, которая определила обучение языку тамазиг как средство, облегчающее понимание арабского языка.

В условиях Марокко ярыми противниками признания культурной идентичности берберов являются официальный ислам в лице улемов и исламисты. Их представители не могут и не хотят понять, что «марокканская идентичность не должна рассматриваться только в узком понимании», т.е. исключительно арабском (76, 08.03.2000). Как считают относительно независимые наблюдатели, «если ошибочно говорить об этнических группах (в отношении берберов), еще более опасно отвергать различные особенности, под влиянием которых сформировалась марокканская идентичность. Вопрос о тамазиг в настоящее время ставится только как культурологический. Подобная постановка полностью адаптирована к марокканским реалиям. Но любые идеи о (марокканской) идентичности, исключаящие ее берберскую составляющую и сводящиеся исключительно к арабизму, несут в себе опасность. Опасность раскола нации». Но эту опасность не хотят замечать указанные группы. Тем самым они провоцируют подъем берберского радикализма.

90-е годы стали периодом быстрого роста числа различных берберских ассоциаций. Это лучше всего доказывают цифры. Если в 1991 г. среди подписантов Агадирской декларации числились всего 6 организаций, в 2002 г. в этом списке уже значились около 130 ассоциаций. Всех их можно разделить на две группы: национальные и региональные. Наиболее известными из числа первых являются АМРЕК и «Тамайнут».

Марокканская ассоциация поисков и культурных исследований (АМРЕК) была создана в 1967 г. Она объединяет 12 секций, сконцентрированных на юге (Сус) и в центре (Средний Атлас) страны. Главной слабостью ассоциации является полное отсутствие ее представительства на севере страны. В своей деятельности АМРЕК делает акцент на мероприятия культурного характера – публикацию работ о языке и культуре амазигов, а также художественных работ берберских писателей. Объединяет большое число представителей профессуры, творческой интеллигенции, теологов.

В Марокко берберы объединены в ряд региональных ассоциаций. Так, в Агадире базируется Конфедерация ассоциаций амазигов южного Марокко «Тамунт и Ифус». Достаточно известна своей активностью ассоциация «Тамайнут». Эти две организации представляли летом 2001 г. марокканских берберов в Женеве на 19-й сессии т.н. Рабочей

группы ООН по делам автохтонных народов с участием Верховного комиссара ООН по правам человека Мэри Робинсон.

«Тамайнут» была создана в 1979 г. Наиболее известными представителями организации считаются Хасан Ид Белькасем, Ахмед Арехмуш, Абдалла Ахитус. В организации широко представлены адвокаты, чиновники, студенты. У «Тамайнут» самое широкое представительство на местах – в ее составе 23 секции, в том числе в ряде сельских районов. Ассоциация активно работает с молодежью и делает акцент на политических требованиях. Как и АМРЕК, «Тамайнут» не представлена на севере страны. Она имеет широкие международные связи (79, 19.04.2002).

На юго-востоке Марокко в регионе Гульмина действует ассоциация «Тиллели». Определенную известность она получила в мае 1994 г., когда несколько ее активистов были арестованы за то, что в ходе Первомайской демонстрации в Эррашидии они несли лозунги с надписями на тифинаге, которые требовали обучения берберских детей на их родном языке.

Социально-культурная ассоциация «Азекка» базируется в марокканском городке Азилаль.

Ряд организаций выдвигает достаточно радикальные требования. Взгляды сторонников этого направления движения марокканских берберов представил в августе 2001 г. некий Ахмед Адгирни в интервью, опубликованном газетой «Экономист». Сама газета подала эту публикацию как интервью берберского «экстремиста».

Первым делом А.Адгирни подтвердил намерение марокканских берберов создать собственную политическую партию, поскольку действующие и легализованные властями проберберские партии «ни в коем случае не хотят политизации амазигов». В ответ на вопрос, не будет ли создание берберской партии противоречить конституции Марокко, запрещающей создание партий, эксплуатирующих религию либо основанных на этнической дискриминации, он заметил: «Современное марокканское государство само является этническим, поскольку рассматривает себя как арабское. Называть марокканское государство арабским – это серьезная политическая ошибка, поскольку не уважается разнообразие (этническое). Политическая справедливость требует, чтобы эта характеристика была упразднена». Он же утверждал, что берберы не будут ждать особого разрешения на создание партии, поскольку «мы представляем собой большинство и являем собой великий народ». В то же время он полагал, что создание партии, которая, возможно, будет называться Альянс марокканских демократов, не может быть осуществлено в ближайшей перспективе.

Говоря о программе берберской партии, Адгирни полагал, что она должна заниматься вопросами транспорта, горной промышленности, внешними сношениями, сахарской проблематикой, правами человека, образованием молодежи и женщин. Он утверждал, что марокканские

националисты продолжили реализацию колониальных программ, нацеленных на отрыв амазигов от их культуры.

Адгирни отметил, что современное марокканское государство стало наследником колонизаторов, экспроприировавших воду, минеральные ресурсы и побережье страны. Все эти богатства в доколониальный период находились в личной и коллективной собственности. «В цивилизации амазигов государственная собственность не существовала. Наша независимость не имеет никакого смысла, поскольку остались неизменными решения колонизаторов, – утверждал он. – Это, скорее, эксплуатация наследства протектората через иностранные компании и марокканских посредников, что в конечном итоге привело к концентрации земли в руках высокопоставленных чиновников, военных и бывших губернаторов».

Адгирни положительно отзывался о состоявшемся незадолго до этого решении короля Марокко Мохаммеда VI учредить Королевский институт берберской культуры (КИБК). В то же время он назвал его «началом решения» проблемы. Он напомнил, что ряд указаний покойного короля Хасана II относительно организации образования на берберском языке оказался невыполненным. По оценке Адгирни, среди действующих политических партий наиболее последовательны в защите идей берберской самобытности левые Партия прогресса и социализма, а также Социалистическая демократическая партия. Этого, отметил он, никак нельзя сказать о ССНС, представитель которого А.Юсуфи возглавлял тогда правительство страны.

Здесь уместно привести комментарий газеты, который сопровождал интервью и во многом отразил позицию официального Рабата по берберской проблеме. Согласно редакционному комментарию, проблемы алжирских кабиллов никоим образом не касаются их марокканских братьев. В отличие от алжирских берберов марокканские не ущемлены в плане доступа к самым высоким постам в государственной иерархии. В то же время признавалось, что требования культурного и идентификационного плана у тех и других в целом одинаковы (89, 06.08.2001).

Отвечая «экстремистам» в берберском движении, представители его «умеренного» крыла (Ахмед Иссад) полагают, что экстремизм является уделом маргиналов, следствием отсутствия конструктивного диалога с властями и «психологической реакцией на государственный расизм – панарабизм, который практиковался в течение 40 лет средствами массовой информации и школой» (78, 01.06.2002). По мнению «умеренных», главная ошибка «экстремистов» заключается в том, что они отрицают культурный и идентификационный плюрализм как одну из марокканских реалий. В то же время «умеренные» полагают, что невозможно осуждать амазигов за антиарабский расизм, не осуждая одновременно марокканцев шерифского происхождения, которые, ссылаясь на свое «святое» происхождение, требуют на этом основании для себя привилегий.

Интервью Адгирни стало в определенной степени ответом на намерения «умеренных» также создать собственную политическую

партию. Выразителем их взглядов стал лидер ВКА-У (об этой организации смотри в главе IV) Рашид Раха. По мнению последнего, на первом этапе необходимо создать единую берберскую партию, которая позднее может выступить в роли прародительницы берберских партий левого, центристского и правого толка (92, 29.09.2000).

В ежегодно публикуемых докладах государственного департамента США «О ситуации с правами человека в Марокко» традиционно констатируется, что в стране «требуется решения проблема сохранения языка и культуры берберов, составляющих около 60% населения». «Власти игнорируют требования берберов признать их язык в качестве второго официального, а их культуру – в качестве неотъемлемой части национальной культуры», – отмечалось, в частности, в докладе за 2000 г.

Приходится признать, что районы относительно компактного проживания берберов традиционно являются одними из наиболее отсталых в Марокко. Именно в них самые высокие показатели неграмотности и безработицы, самые низкие показатели электрификации населенных пунктов и централизованного водоснабжения. Создается впечатление, что своим невниманием к этим районам центральные власти фактически подталкивают берберов к иммиграции. Тем самым решаются две задачи – снижение численности армии «лишних» людей, а также изменение соотношения арабы – берберы на национальном уровне в пользу первых.

Парламентские выборы 27 сентября 2002 г. показали, что берберы в целом являются решающей силой в Марокко. Если формально победившая партия ССНС заняла 50 из 325 мест в Палате представителей, три «системных» берберских партии – НД, ННД и ДС, – весьма далекие от того, чтобы называться общенациональными, получили тем не менее в общей сложности 55 мест.

Король Мохаммед VI продолжил курс своего отца на контролируемый процесс удовлетворения некоторых требований берберов. С осени 2003 г. берберский язык введен в марокканской начальной школе. Первоначально его стали преподавать в 300 учебных заведениях в разных регионах страны, причем как в городских, так и сельских. В качестве модельного был выбран алфавит тифинаг, состоящий из 33 согласных, 4 гласных и 2 полугласных букв.

Другая общая тенденция развития берберского движения и представляющих его различных ассоциаций – их быстрая политизация. Этот процесс, начавший бурно развиваться на стыке XX – XXI веков, может привести к созданию берберской партии нового типа, которая не будет зависеть от дворца, как это случилось с «системными» партиями, а значит, открывает возможности нового подъема берберского движения. Подобного развития событий очень опасаются власти, которые через панарабские партии (Истикляль, ССНС) всеми силами пытаются затормозить процессы политизации берберов. Тем не менее представляется, что в ближайшей перспективе берберское движение в Марокко в силу ряда причин и прежде всего – наличия мощного по-

лицейского аппарата будет использовать в первую очередь конституционные формы борьбы.

3. БЕРБЕРЫ В АЛЖИРЕ

Берберы и борьба за независимость

В начале XX века, а более точно – сразу после завершения Первой мировой войны наметилось коренное изменение в формах борьбы алжирцев против колонизаторов. От преимущественно военных операций они перешли к политической борьбе. Главная заслуга в такой перемене принадлежит алжирским иммигрантам. Во Франции они смогли познакомиться с передовыми для того времени формами борьбы, которые были обусловлены политическими, экономическими и социальными изменениями в мире. В итоге родились два политических направления. Представители первого выступали за полную интеграцию Алжира и Франции с тем, чтобы добиться для алжирцев тех же прав, которыми обладали французы. Таких взглядов придерживались алжирская интеллектуальная элита, подготовленная во французской системе образования, и алжирские коммунисты. Наиболее известным выразителем этих идей был Ферхат Аббас. Второе течение требовало радикального решения алжирской проблемы через предоставление стране независимости. Его типичным представителем был Мессали Хадж.

Но сначала – о самой войне.

С началом мировой бойни алжирцы в основной своей массе поддерживали метрополию. Однако Германия и Турция попытались воздействовать на умы алжирцев. Правда, при этом они больше рассчитывали использовать традиционалистские слои алжирского общества, нежели его этнические составляющие. Тем не менее ряд берберских племен поддался германской агитации. Германия еще в 1914 г. обратилась к марабутскому братству Сенусситов, имевшему сильное влияние в соседней с Алжиром Ливии, призвав его «освободить мусульман от рабства». Попавшие под влияние сенусситов шейхи Ахоггара Ахмед Султан и Абд ас-Салям в 1915 г. объявили «джихад» Франции, и с февраля 1916 г. их отряды начали осаду французских опорных баз. Франция направила в этот район корпус генерала Ляперрина, который усмирал туарегов до 1917 г. (23, с.49). В 1915 г. в горном массиве Орес восстало племя улад султан. Однако всеобщее восстание мусульман Магриба, на которое рассчитывало германо-турецкое командование, так и не произошло.

На 1919–1920 гг. пришелся подъем антиимпериалистического движения в Алжире. Этот процесс был обусловлен общим сдвигом влево рабочего движения Франции, с которым был связан европейский

и арабо-берберский пролетариат Алжира. К этому периоду относится движение эмира Халеда – внука эмира Абделькадера. Эмир Халед активно участвовал в Первой мировой войне в составе французской армии и дослужился до воинского звания «капитан». Выйдя в отставку по ранению в 1919 году, он занялся политикой. Именно ему принадлежит инициатива побудить алжирцев активно вступать в ряды французских политических партий и профсоюзов с тем, чтобы, используя их возможности, защищать интересы Алжира. По этому пути последовали многие будущие алжирские политики, которые затем оказались в Североафриканской Звезде (САЗ). Сам эмир Халед, находясь в 1925 г. в Сирии, баллотировался на муниципальных выборах в Алжире по спискам Компартии Франции. Одним из пунктов его программы было отделение религии от государства.

САЗ стала первой национальной партией Алжира, которая вела политическую борьбу с 1926 по 1937 гг. Начав действовать с территории Франции, она смогла развернуться в Алжире в начале 30-х годов. В 1937 г., год спустя после роспуска САЗ, ее активисты создали Партию алжирского народа (ПАН), в которой одну из первых ролей стал играть Ферхат Аббас.

В начале 30-х годов достаточно сложно развивались отношения между созданной в 1931 г. Ассоциацией алжирских улемов (мусульманских ученых-богословов), представлявших преимущественно арабскую часть населения, и марабутскими братствами, где традиционно было заметно берберское влияние. Как считает Р.Г.Ланда, целями Ассоциации, объединившей в своих рядах известных арабоязычных писателей, поэтов, публицистов и религиозных деятелей, была защита национальной культуры алжирского народа от натиска французского влияния и организация просвещения на арабском языке. Одновременно под лозунгами «очищения» ислама от «магии и суеверия», во имя его «обновления» они боролись с влиянием марабутов. Эта борьба отражала противоречия между национальной буржуазией и консервативной феодальной аристократией (23, с.64).

В период, начало которого совпало с завершением Второй мировой войны, алжирские берберы неоднократно становились движущей силой многих событий в обществе и одновременно напоминали о своей особой идентичности.

8 мая 1945 г. в Алжире началось стихийное восстание. Поводом послужил расстрел полицией демонстраций по случаю дня Победы над Германией, прошедших в городах Сетиф и Гельма. Эти манифестации проходили под лозунгами, требовавшими предоставления независимости. Столкновения участников демонстраций с полицией привели к вооруженному восстанию в Малой Кабилии. Повстанцы нападали на французских колонистов и их семьи, жгли их фермы, атаковали военные отряды и преследовали чиновников. Восстание охватило около 20 городов и поселков, а также многочисленные гор-

ные деревни. В нем приняли участие до 50 тыс. человек. Отсутствие единого командования у повстанцев облегчило французам подавление бунта. К 17 мая последние отряды повстанцев были вынуждены прекратить борьбу. Колониальные власти обрушили на кабилы беспрецедентные по жестокости репрессии. По малейшему подозрению в причастности к восстанию уничтожались целые дуары. Точное число жертв этих репрессий неизвестно. По ряду алжирских оценок, оно могло составлять до 45 тыс. человек убитыми.

В январе 1945 г. учащийся лицея в Бен-Акнун Моханд Идир Аит Амран выступил с первой патриотической песней, сложенной на современном берберском языке. Она называлась «Встаньте, сыны амазигов». Автор упоминал в ней известных основателей алжирской нации – Масинису, Югурту, Каину и Мессали. Песня завершалась призывом к молодежи встать на борьбу за освобождение Алжира. Эта песня, ставшая гимном берберов, в 1949 г. вследствие т.н. берберского кризиса претерпела некоторую редактуру – из ее текста было убрано упоминание имени Мессали.

Лицей в Бен-Акнун, большинство учащихся которого было берберами, сыграл заметную роль в процессе борьбы за независимость. В январе 1945 г. представитель регионального руководства Партии алжирского народа (ПАН) в регионе Большая Кабилия Уали Беннаи получил назначение на пост связного между учащимися лицея с руководством ПАН. Позднее он многое сделал для того, чтобы лицеисты осознали себя как берберы. В Оргкомитете ПАН Беннаи потребовал объединить внутрипартийные структуры Большой и Малой Кабилии, поскольку их разделение стало следствием намеренных действий колониальных властей, искусственно разобивших регион. Руководство ПАН отказалось удовлетворить это требование. Эта проблема позднее не раз поднималась перед руководителями Движения за торжество демократических свобод (ДТДС) и Революционного комитета единства и действий (РКЕД).

В 1945 году, когда в ПАН оформилось радикальное крыло, одной из важных составляющих последнего стали т.н. берберо-националисты. Их представляли Хосин Аит Ахмед, Омар Усседик, Али Лаймеш и Амар ульд Хамуда. Именно радикалы потребовали от руководства ПАН взять курс на вооруженное восстание. Различие подходов к вопросу о вооруженной борьбе предопределило раскол между руководством ПАН и ее берберскими активистами. Эти противоречия еще больше обострились после 13 октября 1945 г., когда Хадж Мессали по совету генерального секретаря ЛАГ Аззама Паши принял решение об участии ПАН в выборах во французский парламент. Радикалы направили Аит Ахмеда к Мессали с тем, чтобы потребовать скорейшего созыва «демократического съезда» партии (45).

Чтобы избежать созыва съезда, руководство партии приняло решение в декабре 1945 г., то есть уже после выборов, созвать конферен-

цию ПАН в Бузаре. Чтобы сорвать ее проведение, берберы заявили об отказе войти в состав организационного бюро и выделить средства на проведение конференции до тех пор, пока не будет названа дата созыва съезда. Такой форум прошел в конце февраля – начале марта 1947 года.

В марте 1946 г., когда в Кабилию прибыл ответственный за связи с этим регионом в руководстве ПАН Амар Хелиль, на встрече с региональным руководством партии перед визитером была напрямую поставлена проблема берберской идентичности. Участники этой встречи по-разному рассказывают о ее содержании. Согласно Хосину Аит Ахмеду, представители Кабилии поручили Хелилю передать руководству ПАН требование предоставить им голос при принятии общепартийных решений. В то же время Моханд Амокран Хелифати утверждал, что на встрече речь шла лишь о берберском языке, причем только в плане обозначения проблемы.

В марте 1947 г. по итогам 1-го съезда ПАН/ДТДС четверо представителей Кабилии вошли в состав ЦК партии. Омар Уседик стал заместителем Ахмеда Буды, Амар ульд Хамуда получил высокий пост в Специальной организации (СО), Х.Аит Ахмед стал национальным руководителем СО, Уали Беннаи стал представителем партии в Кабилии. На съезде оформились два крыла. Центристы выступали за легальные формы борьбы через участие в выборах. Представители Кабилии высказались за подготовку к вооруженной борьбе. Последние также обвинили руководство ПАН в том, что оно создало легальную партию ДТДС без ведома низовых ячеек. В итоге было решено сохранить подпольную ПАН, создать Специальную организацию. Одновременно подтверждалось решение на создание ДТДС (45). Делегаты съезда не стали обсуждать проблему определения алжирского национализма и концепции алжирской нации.

Триединую партию ДТДС-ПАН-СО возглавлял Мессали Хадж, который делал все возможное для того, чтобы не допустить возвышения возможных соперников в руководстве организации. В 1947 г. он избавился от наиболее опасного из них – Ламина Дабагина, обвинив его в ответственности за провал восстания в мае 1945 г. В дальнейшем Дабагин сначала был смещен с поста казначея, а затем – и вообще исключен из партии как лидер «берберской» оппозиции. Как считает Р.Г.Ланда, такой оппозиции фактически не было, хотя многие кабилы, включая Дабагина, выражали недовольство показным панарабизмом и фанатичным панисламизмом Мессали Хаджа (23, с.101). Одновременно из-за кабийского происхождения с поста СО был смещен Х.Аит Ахмед. Его заменил араб из Орании, бывший аджутан (первичный офицерский чин во французской армии – прим. авт.) Ахмед бен Белла.

В том же году недовольство алжирцев колониальным режимом привело к созданию в горных районах страны и прежде всего в Каби-

лии партизанских отрядов, развернувших вооруженную борьбу с опорой на действовавшую в городах подпольную сеть революционных групп боевиков СО.

В июле 1948 г. У.Беннаи тайно от руководства ПАН/ДТДС и колониальной администрации созвал в Кабилии берберов-активистов партии. В ходе встречи обсуждались два основных вопроса:

1. Осуждение реформистской политики ДТДС и поддержка идеи перехода к вооруженной борьбе.

2. Создание условий для включения берберской составляющей в организацию будущего независимого Алжира.

Участники встречи поручили Беннаи передать ЦК партии отчет о принятых решениях. Моханду Идиру Аит Амрану было поручено встретиться с Мулудом Маммери с тем, чтобы начать работу по внедрению берберского языка.

В конце 1948 г. ДТДС распространило 50-страничную брошюру под названием «Меморандум для ООН». Она начиналась словами: «Алжирская нация, арабская и мусульманская, существует с VII века». В ней никоим образом не упоминалось о берберской составляющей алжирской нации. Понятно, что этот документ вызвал возмущение берберов и расширил пропасть между сторонниками арабизма и берберизма.

В марте 1949 г. обучавшийся в Париже и входивший в состав Руководящего комитета т.н. Французской федерации ПАН/ДТДС Али Яхья Сид (Рашид) сумел поставить на голосование в этой структуре резолюцию, осуждавшую миф об арабо-исламском Алжире и предлагавшую тезис об «алжирском Алжире». За резолюцию проголосовали 28 из 32 участников Руководящего комитета. Позднее некоторые представители партийной верхушки тем не менее назвали тезис «колониалистским», а концепцию – «антинациональной». Сразу после этого события руководство ПАН/ДТДС, опасавшееся, что берберы выдвинутся на первые роли во Французской федерации, поручило своему эмиссару в Париже Лембареку Филали создать специальную штурмовую группу с тем, чтобы силой занять помещение Федерации. Одновременно была распространена серия пропагандистских материалов, осуждавших берберизм. Дело дошло до прямых столкновений между сторонниками различных направлений, ареной которых стали 18-й и 19-й округа французской столицы. С этими событиями совпали странным образом аресты берберов – активистов ПАН/ДТДС в Алжире, произведенные колониальными властями. Это привело к тому, что сторонники «алжирского Алжира» обвинили арабо-исламскую группу в коллаборационизме и сотрудничестве с французской администрацией. Более того, ряд активистов ПАН, отнесенных к Революционному берберскому движению, был устранен физически.

Впоследствии официальная алжирская историография представила кризис 1949 г. в ПАН как попытку Франции расколоть национальное движение. Французскую «руку» всегда искали и в последующих

событиях вокруг берберского вопроса. Тем более, что Париж сам дал для этого повод, учредив в 1967 г. Берберскую академию.

Начиная с 1950 г. из наиболее революционной фракции ПАН-ДТДС-СО начало формироваться руководящее звено освободительного движения. Его базу составили уцелевшие после репрессий боевики СО. Представители их ячеек и групп в июне 1954 г. избрали Революционный совет из 5 человек. Позднее в его состав был введен бывший капрал французской армии Белькасем Крим, партизанивший в горах Кабилии с 1947 г. К 1954 г. у него было свыше 2 тысяч бойцов. Они вместе с боевиками СО образовали основу вооруженных сил будущей революции (23, с.106).

В 1954 г. Ревсовет на фоне поражения французской армии под Дьен-Бьен-Фу во Вьетнаме и последовавшего ухода Франции из Индокитая форсировал подготовку вооруженного восстания. С целью совершенствования системы управления страна была разделена на вилайи (районы). Район номер 3 географически совпал с Кабилией. Эту зону возглавил Б.Крим.

1 ноября 1954 г. боевики Фронта национального освобождения (ФНО), образованного вокруг Ревсовета, скоординированно совершили свыше 100 нападений и актов саботажа. Эта атака стала первой операцией, положившей начало организованной вооруженной борьбе за национальное освобождение. ФНО тут же сформировал вооруженное крыло, получившее название Армия национального освобождения (АНО). Довольно быстро повстанцы установили контроль над горными районами Кабилии и Ореса – ареалами традиционного проживания берберов. Франция тут же перебросила в Алжир крупные воинские контингенты. Примечательно, что вооруженное сопротивление приобрело даже определенный религиозный оттенок, поскольку на стороне колонизаторов воевали отряды наемников-мусульман.

В первые месяцы 1955 г. плохо вооруженные и слабо обученные повстанцы понесли большие потери, и уже к маю борьба пошла на спад. Исключение составила Кабия. В вилайе номер 3 борьбу возглавил активист ПАН и СО Аббан Рамдан, ставший одним из наиболее видных вождей алжирской революции.

В 1955 г. к вооруженной борьбе подключилась Алжирская компартия (АКП). Ассоциация улемов и Демократический союз алжирского манифеста (ДСАМ) примкнули к ФНО лишь в 1956 г. Вне рамок организованной борьбы к этому времени остались лишь сторонники Мессали Хаджа, объявившие ФНО «оплотом буржуазии» и «кабийского расизма». Более того, одно время они даже развернули вооруженную борьбу против ФНО. Примечательно, что впоследствии сторонники панарабизма, лучше берберов сумевшие воспользоваться плодами революции, начали внушать алжирцам, что именно мессалисты якобы зажгли пламя борьбы в 1954 году.

И далее развитие революции инициировалось Кабилией. В августе 1956 г. в кабийской долине Суммам состоялся съезд полевых командиров и руководителей ФНО. На форуме были утверждены структура и система командования АНО, принята политическая (Суммамская) платформа – главный программный документ ФНО до 1962 г. Был избран руководящий орган Фронта – Национальный совет алжирской революции (НСАР). Его Координационно-исполнительный комитет (КИК) возглавил А.Рамдан, получивший должность национального политического комиссара.

В 1957 г. французы безуспешно попытались расколоть алжирское национальное движение через политику регионализма. В сентябре был принят «общий закон» об Алжире, целью которого было уничтожение алжирского национализма. В Алжире предполагалось создать 5 территорий (в том числе с выделением Кабии), которые должны были функционировать в рамках алжирской федерации, состоящей из различных этнических общин – европейцев, кабилов, мзабитов, берберов Ореса и арабов.

В июле 1958 г. французская армия развернула всеобщее наступление на позиции АНО, широко применяя новейшие средства вооруженной борьбы. Наиболее ожесточенные бои развернулись в берберских районах – горах Ореса и Кабии. Несмотря на большие потери, понесенные АНО, французы не смогли достичь поставленных целей. К концу 1958 г. повстанцы продолжали удерживать под своим контролем 13 зон, из которых наиболее крупные находились в Оресе и Кабии. К этому времени АНО оказалась разделенной на «внешнюю» и «внутреннюю». Причем если «внешняя» АНО укреплялась за счет закупувшихся ФНО оружия и боеприпасов, «внутренняя» слабела из-за междоусобиц и борьбы за власть между полевыми командирами.

Возможно, именно эта ситуация впоследствии привела к тому, что плодами борьбы за освобождение воспользовались главным образом представители панарабской «внешней» АНО, нежели выходцы из заметно берберской, «внутренней» АНО.

К этому времени между берберами и арабами пролегла еще одна пропасть, образовавшаяся в результате трагедии в Мелузе. История этой маленькой кабийской деревушки тщательно умалчивается официальной историографией. В 1957 г. все обитатели этого села, находившегося в ведении вилайи номер 3, вступили в Алжирское национальное движение. АНД замышлялось французами как противовес ФНО. Лидеры последнего несколько раз безрезультатно посылали своих эмиссаров в деревню с тем, чтобы повлиять на ее жителей. Пример деревни не вписывался в картинку «единства» алжирского народа в борьбе против колонизаторов. Возглавлявший в то время вилайю номер 3 Мохаммеди Саид санкционировал карательную экспедицию, в ходе которой в ночь с 19 на 20 мая 1957 г. были убиты десятки жителей деревни, включая женщин и детей (47, с.145).

После того, как эта трагедия была «раскручена» во французских СМИ, ФНО предпочел дезинформировать алжирское и мировое общественное мнение, попытавшись свалить ответственность за резню на французов.

В марте 1962 г. война за национальное освобождение Алжира закончилась фактическим признанием независимости этой страны и подписанием Эвианских соглашений. 1 июля того же года алжирцы на референдуме проголосовали за независимость страны. Было решено считать Днем независимости 5 июля, поскольку ровно за 132 года до этого, 5 июля 1830 года, французские войска заняли город Алжир.

40 лет борьбы

Независимый Алжир тут же забыл о вкладе берберов в борьбу за национальное освобождение. Ахмед бен Белла и военные убрали их со всех ответственных постов. Это привело к тому, что в течение 3 лет после достижения независимости Кабилия жила в условиях перманентного восстания против центральных властей. В очередной раз кампания репрессий была обрушена на активистов берберского движения при Хуари Бумедьене в 1975–1976 гг.

Заглушенное на период войны за национальное освобождение берберское движение вновь дало о себе знать сразу после победы над колонизаторами. Во многом это стало реакцией на то, что централизация государственного управления и укрепление госаппарата проходили под лозунгами, указывавшими на необходимость учета «национальной самобытности, базирующейся на арабо-исламском наследии» (23, с.146). Один из основателей ФНО Мохаммед Будиаф уже летом 1962 г. призвал муджахидов Кабилии «сражаться до последней капли крови против диктатуры личности», имея ввиду Ахмеда бен Беллу.

Кабилия начала фрондировать по отношению к центральным властям менее чем через год после достижения независимости. Поводом для этого послужило то, что несмотря на очевидные заслуги берберов в деле национального освобождения, они оказались обделенными при дележе государственных постов. Недовольство берберов вызвал и курс руководства страны на ее арабизацию и исламизацию. Главными действующими лицами восстания стали офицеры 3-й вилайи (Кабилия), выступившие против нарождавшейся диктатуры. В ответ власти применили силу. В результате погибли до 400 человек (57, с.88). В том же 1963 г. ФСС предпринял попытку развернуть вооруженную борьбу против новых властей в горах Кабилии, однако это движение не было подхвачено в других регионах (74, 08.05.2001). Восстание в Кабилии попытался поднять Х.Аит Ахмед в ответ на избрание президентом его личного врага Ахмеда бен Беллы. Летом 1964 г. был подавлен мятеж полковника Шаабани, который был связан с феодалами Сахары и Ореса. И в Кабилии, и в Оресе в ходе подавления восста-

ний армия действовала достаточно жестоко по отношению к местному населению.

Алжирская хартия 1964 г. подтвердила арабо-исламский характер алжирской нации и начисто забыла про ее берберскую составляющую. После переворота 19 июня 1965 г., в результате которого был свергнут Ахмед бен Белла, режим еще больше ужесточил свое отношение к берберам. Функционеры ФНО не терпели какого-либо свободного мысля. Арабо-исламисты всегда утверждали, что берберский вопрос якобы искусственно подогревается извне. Этот аргумент получил подтверждение в 1967 году, когда в Париже была создана Берберская академия. Власти тут же начали размахивать жупелом «иностранный руки» (французской). Берберское движение оказалось запрещенным в Париже и в нескольких «подрывных», но неэффективных центрах Алжира и Кабилии. В то же время подобная ситуация не помешала подъему берберской культуры (74, 24.04.2001).

Гонения на берберов продолжались и Хуари Бумедьен. Он отличился тем, что отменил курсы по этнологии в университетах, будучи убежденным в одном: эти курсы служат поддержке «берберской пропаганды». Бумедьену удалось ослабить наиболее радикально настроенную оппозицию, разгромить ее вооруженные отряды в Кабилии, а также физически устранить наиболее опасных конкурентов. В частности, весьма популярный в Кабилии и имевший богатое состояние Б.Крим был убит в 1969 г. во Франкфурте. В середине 70-х годов правительственная пресса вновь заговорила о «попытках неокOLONIALISTОВ нанести ущерб национальному единству».

Очередные шаги по арабизации Алжира власти этой страны сделали в 1976 г. Тогда были изданы декреты, сделавшие выходными днями четверг и пятницу вместо субботы и воскресенья, запретившие продажу алкогольных напитков мусульманам, а также ряд других документов запретительного свойства. В том же году была обнародована Национальная хартия, игнорировавшая само существование берберов. Согласно этому документу, родившемуся благодаря усилиям ФНО, Алжир объявлялся арабской страной. Нет необходимости говорить, что эти шаги были крайне негативно восприняты в берберской среде.

В декабре 1978 г. близ берегов Кабилии в районе Кап-Сигли была перехвачена партия оружия. Алжир тут же обвинил Марокко в стремлении дестабилизировать режим путем поддержки групп радикально настроенных берберов. Алжирские власти не захотели тогда увидеть, что кроме маленьких групп радикалов среди берберов вызревало массовое движение.

По одной из версий, инцидент с «марокканским самолетом», якобы сбросившим оружие над лесом в Кап-Сигли, на самом деле был провокацией алжирских спецслужб, устроенной в разгар кризиса вокруг Западной Сахары. Этот инцидент позволил алжирским властям про-

вести аресты среди оппозиции, в частности берберской, и «назначить» Кабилию «убежищем внешнего врага» (80, 10.07.98).

Затем последовали закон о необходимости лучшего понимания ислама (1980 г.), семейный кодекс (1984 г.), превративший женщину в существо второго сорта. Все эти документы фактически утверждали Алжир исламской республикой. Однако дуалистический характер Алжира вновь настоятельно напомнил о себе весной 1980 года.

В апреле 1980 года в Алжире состоялись массовые выступления берберов в защиту культурной самобытности, получившие название «берберская весна». Они были жестоко подавлены властями АНДР того периода. Волнения начались 10 марта 1980 г. Детонатором акций протеста послужил запрет властями АНДР конференции «Древние кабийские поэмы», которая должна была состояться в университете Тизи-Узу. Чтобы обосновать подобное решение, власти утверждали, что конференция якобы могла спровоцировать «нарушения общественного порядка». На следующий день студенты, в среде которых были сильны марксистские настроения, вышли на улицы. Демонстрация протеста проходила под лозунгами «Берберская культура – народная культура», «Остановите репрессии против культуры», «Берберский язык – это наш язык». Лидеры студентов призвали народ ко всеобщей забастовке, которая была поддержана населением. 8 апреля они заняли университет и студенческий городок. Позднее рабочие захватили ряд промышленных предприятий. К стихийно вспыхнувшему бунту примкнули сторонники разных политических воззрений, в частности активисты действовавших нелегально Социалистической организации трудящихся (троцкистская), Социалистической партии трудящихся, Партии социалистической революции (лидер – Мохаммед Будиаф), ФСС и др. Берберы – представители этих партий на время оставили имевшиеся идеологические разногласия и выступили в поддержку требований культурно-просветительного характера. Исключение составили исламисты.

Первоначально власти не рискнули применить силу, однако ситуация изменилась 20 апреля. В рамках операции под условным наименованием «Мизрана» в 4.15 утра войска ворвались в оплот восстания – студенческий городок в Тизи-Узу. В результате репрессий, согласно неофициальным данным, погибли до 30 студентов (74, 24.04.2001). Задолго до применения силы власти развернули в прессе кампанию психологической обработки населения, назвав участников выступлений «настоящими сообщниками колониализма», а сам бунт – «империалистическим заговором». Сразу после применения силы власти сделали все возможное, чтобы алжирское и мировое общественное мнение ничего не смогло узнать о происшедшем. После взятия штурмом университета столкновения переместились на улицы Тизи-Узу. В течение нескольких дней город представлял собой арену настоящей гражданской войны. В ряде населенных пунктов горной Кабии насе-

лению удалось даже разоружить местные жандармские подразделения. Позднее эпицентр событий переместился в столицу страны.

Именно в ходе «берберской весны» впервые прозвучали требования придать статус официального берберскому языку тамазиг. Участники выступлений осудили насильственную арабизацию. Тогда же в роли провокаторов дали о себе знать алжирские сторонники «Братьев-мусульман». В ряде мест и, в частности, в столице страны дело дошло до прямых столкновений между исламистами и берберами, причем первых в ряде случаев поддержала полиция, вторых – рабочие некоторых предприятий.

Как позднее писал в связи с событиями «берберской весны» известный алжирский певец Л.Матуб, «впервые со времени достижения независимости произошло народное восстание против власти, которая претендовала на то, что она стала наследницей (алжирской) революции». «Если я могу сделать это сравнение, 20 апреля 1980 г. стало для моего поколения тем же, что ноябрь 1954 г. для моего отца – первым шагом к независимости. 20 апреля целое послевоенное поколение восстало против власти, которая его угнетала. Впервые мы приняли на себя удары, но мы знали, почему мы пошли на это: мы выдвинули требование признания нашей особой идентичности», – писал Матуб (56, с.38).

По-разному отнеслись к арестованным активистам берберского движения в алжирских спецслужбах. Если во влиятельной службе военной разведки, где всегда ощущалось присутствие берберов, к арестованным относились в целом корректно и использовали лишь меры психологического воздействия, то действовавшая в рамках полиции служба общей контрразведки широко применяла меры физического принуждения и пытки. Находившийся в изгнании в Марокко герой войны за национальное освобождение Мохаммед Будиаф (в 1992 г. он на несколько месяцев возглавит страну) написал письмо главе государства, в котором попросил его помиловать арестованных в ходе событий в Кабилии.

В целом «берберская весна» стала первым сигналом тревоги для функционировавшей в Алжире однопартийной системы. Она показала алжирцам пути, по которым надо идти, добываясь большей демократии. Впервые берберская элита смогла представить массам теоретически обоснованный проект переустройства общества, к которому можно было стремиться. Одним из главных результатов этих событий стало возникновение и становление крупнейшей общественно-политической организации алжирских берберов – Берберского культурного движения (БКД). События «берберской весны» напомнили национальному и мировому общественному мнению реалии страны, главной из которых является дуалистический характер алжирского общества. Они также показали настоятельную необходимость раскрыть и правдиво изложить подлинную алжирскую историю. Свои вы-

воды сделали и власти, для которых стало очевидно, что политика арабизации загнала их в тупик.

В то же время эти события продемонстрировали региональную раздробленность алжирских берберов. Наиболее активные действия были предприняты только в Кабилии и самом Алжире. Тогда как регионы Ореса и Мзаба остались равнодушны к народным волнениям. Более того, после создания БКД в этих регионах были созданы «параллельные» структуры – Культурное движение имазигенов (КДИ) и Культурное движение имазигенов – Мзаб (КДИМ).

Под влиянием «берберской весны» алжирские власти, долгое время занимавшие непримиримую позицию в отношении требований берберов покончить с «мистификаторскими и угнетательскими тенденциями арабо-исламизма», начали постепенно пересматривать свое отношение. Но они, как показали последующие события, всегда запаздывали. Тем не менее уже в 1981 г. Шадли Бенджедид вновь направляет войска в Кабилию под предлогом борьбы с «попытками дестабилизации государства и для его внутренней безопасности».

Как считает Р.Г.Ланда, проблема берберов в Алжире была не столько культурной, сколько социально-политической. Во многом она стала следствием борьбы молодых провинциалов из арабской глубинки Алжира, получивших образование на арабском языке, со старшим поколением франкоговорящей интеллигенции, бюрократии и буржуазии, среди которых кабилы всегда составляли большинство. Социальные преобразования в Алжире после 1963 г. в известной мере подорвали позиции кабилской буржуазии, а проводившийся курс на арабизацию серьезно ослабил позиции чиновников-кабил. И, наконец, крестьяне – кабилы, ставшие в конце 70-х годов жертвами спекуляций и махинаций покровительствуемых властями скупщиков-оптовиков – выходцев из арабоязычных районов, также внесли свой вклад в рост настроений недовольства и регионализма (23, с.197).

Трудно согласиться с рядом выводов А.Г.Вирабова, считающего, что берберы – наиболее экономически благополучная часть алжирского населения. Он пишет: «Особое место в раскладе социально-политических сил Алжира занимала франкоязычная берберская община. Это наиболее просвещенная и экономически благополучная часть алжирского населения по сравнению с арабской частью. Среди берберов в сравнении с арабами высок процент технократов и чиновников высокого ранга, крупных предпринимателей, в особенности в сфере торговли и услуг. Причем эта берберская элита в большей степени, чем арабская, тяготеет к западным образцам культуры и быта, т.е. является приверженцами евроцентризма. Не случайно, что среди ее представителей было немало оппозиционно настроенных лиц в отношении пронизанной националистической идеологией национальной идеи» (14, с.21). Миф о благополучии берберов развеется тут же, если вспомнить, что Кабилия традиционно являлась источником массовой иммиграции.

В то же время нельзя не признать, что берберы заняли особое положение в алжирской государственной машине – алжирский режим никогда не ополчался на кабилы, и тем более – на шавийя, выходцев из региона горного массива Орес. Его выходцы – Абделькадер Шабу, Тахар Збири, Халед Неззар, а также многие другие – занимали самые высокие посты в Национальной народной армии (ННА). Бербероговорящими были руководители Алжира Хуари Бумедьен (родом из района Гуэльма), Шадли Бенджедид (Ат-Тарф), Ламин Зеруаль (Батна) (74, 24.04.2001), Мохаммед Будиаф (Кабилия). Начиная с 1979 г. 5 из 12 алжирских премьер-министров были кабилами, двое – шавийя.

Кабилия также взрастила немало знаменитых в Алжире военных. Это, например, возглавлявший в период с 1962 по 1979 гг. всемогущую военную разведку ныне покойный Касди Мербах, советник президента Бутефлики по военным вопросам генерал Мохаммед Туати, начальник генерального штаба корпусной генерал Мохаммед Ламари. В настоящее время командующие пятью из шести военных округов – кабилы.

Их земляки – действующие руководители алжирских спецслужб генерал-майор Мохаммед Медиен (Тауфик) и генерал-майор Смаин Ламари. Подавляющее большинство старших офицеров ННА являются выходцами из региона Орес (шавийя). Берберофоны занимают влиятельные позиции в финансовом секторе, здравоохранении, некоторых отраслях промышленности. Без них немыслима культурная жизнь Алжира – театр, кинематограф, литература, эстрада. Более того, относящиеся к арабо-баасистским и национал-консервативным основные проправительственные партии также возглавляют берберы. На момент завершения работы над книгой во главе ФНО находился Али Бенфлис (шавийя), НДО возглавлял кабил Ахмед Уяхья.

В 1983 г. из уст Ш.Бенджедиды впервые прозвучало признание, что алжирская нация не является исключительно арабской. Тогда на съезде ФНО глава государства в первый раз употребил публично термин «имазигены». В 1990 г. при университете в Тизи-Узу начал функционировать Институт берберских исследований. Год спустя на государственном телевидении появился ежедневный ночной информационный бюллетень на берберском языке. Берберский язык в ряде районов в экспериментальном порядке начали изучать в школах. Для решения проблем меньшинства при президенте был создан Верховный комиссариат по делам амазигов. Два университета стали готовить преподавателей берберского языка. Тамазиг в ряде районов компактного проживания берберов вошел в школу. Алжирское телевидение включило в сетку программ новости на берберском языке. Заметно оживились деятели культуры, работающие с тамазигом. Как грибы после дождя стали расти берберские социально-культурные ассоциации. Допустив все это, власти тем самым фактически удовлетворили многие требования, выдвинутые еще в ходе «берберской весны».

Начиная с 1992 г. центральные власти, столкнувшись с проблемой религиозного экстремизма, были вынуждены сделать ряд уступок берберам с тем, чтобы не допустить открытия «второго» внутреннего фронта. Тем более, что с начала 1994 г. параллельно с развязыванием кампании исламистского террора в Алжире вновь усилилось берберское движение, активисты которого протестовали против убийств членов берберских общественно-политических организаций, а также против попыток главы государства Ламина Зеруаля найти общий язык с исламистами. С 17 января 1994 г. города Тизи-Узу и Беджаия стали ареной массовых манифестаций против терроризма и за признание официальным языка тамазиг. В селлах Кабилии начали создаваться отряды самообороны. Поскольку террор исламистов не прекращался, недовольство берберов вылилось в октябре 1994 г. в 100-тысячную манифестацию и всеобщую забастовку, парализовавшую Кабилию. Такая решимость берберов оказала определенное влияние на Зеруаля. Столкнувшись с отказом лидеров ИФС идти на «мировую», он был вынужден продолжить жесткий курс на подавление вооруженных исламистов.

Тем не менее ряд требований берберов оставался невыполненным. Это привело к возникновению новых форм протеста против дискриминационной политики алжирских властей. Одной из них стало бойкотирование учебных занятий в школах Кабилии в 1994–1995 учебном году. Акцию по бойкоту занятий возглавил один из соучредителей ОКД Ферхат Мхенни, который позднее возглавит ДАК.

Чтобы сбить накал берберского движения, президент Ламин Зеруаль учредил в 1995 г. Верховный комиссариат по делам амазигов (ВКА). Этой инстанции было поручено заняться введением обучения берберскому языку в алжирских школах. Однако из-за отсутствия общенационального плана развития тамазиг работа свелась к инициативным акциям молодых преподавателей, не имевших лингвистической и педагогической подготовки. Последнее обстоятельство сразу спровоцировало ряд конфликтов между новыми преподавателями и старыми образовательными структурами. В результате курсы берберского языка повсеместно, и даже в Кабилии, оказались мертворожденными.

Возглавив в 1995 г. Алжир, Л.Зеруаль – шавийя по происхождению – назначил главой своего кабинета кабила Ахмеда Уяхью. Ему, а также советнику главы государства Мохаммеду Бетчину было поручено начать переговоры с представителями движения по бойкоту учебных занятий. Последние тут же потребовали законодательно гарантировать особое место берберского языка и культуры, статус национального языка для тамазиг, признания берберизма в качестве одной из составляющих национальной идентичности, а также введения тамазиг в систему образования и в практику деятельности госучреждений. Представители Зеруаля уже в ходе первых контактов напомнили, что

глава государства признал тамазиг в качестве языка «всех алжирцев», что, по логике эмиссаров президента, означало признание берберского языка де-факто. Сделанные небольшие уступки были расценены баасистами как капитуляция. Не исключено, что именно панарабские круги в итоге вынудили Зеруаля досрочно сложить полномочия главы государства.

В 1996 г. в Алжире была принята новая конституция, в которой впервые содержалась ссылка на берберизм, определенный наравне с арабизмом и исламом в качестве основ алжирской идентичности. Тем не менее эти слова, содержащиеся в преамбуле, в дальнейшем дезавуированы другими статьями основного закона Алжира. Он, в частности, определяет «Алжир как землю ислама... и арабскую страну».

В ходе парламентских выборов (1997 г.) берберские партии ОКД и ФСС добились заметного успеха, проведя в ННА по 20 депутатов каждая. Но этот их триумф стал началом процесса ослабления их влияния среди берберских масс. Избранникам не простили два демарша. Некоторые из них сразу после избрания были вынуждены пойти на ускоренные курсы арабского языка, поскольку, согласно внутреннему уставу ННА, в парламенте запрещено использовать какой-либо язык, кроме арабского. Второй ошибкой берберских депутатов стало совместное с их коллегами из ФНО, ОКД и исламистских партий голосование за предоставление депутатской неприкосновенности и ряда материальных привилегий. Именно с этого момента традиционные берберские партии потеряли кабилскую молодежь, назвавшую депутатов от ОКД и ФСС «ренегатами, купленными властями за пригоршню динаров» (94, 05.2001).

25 июня 1998 г. произошла трагедия, во многом надолго предопределившая дальнейшее развитие событий на «кабилском фронте». В тот день группа боевиков расстреляла из засады автомашину, в которой находился популярный алжирский певец, активный борец за национально-культурные права берберов Лунес Матуб.

Известный исполнитель попал в засаду, устроенную исламистами на одной из автодорог близ города Тизи-Узу. Вместе с 42-летним певцом в машине находились его молодая 22-летняя жена и ее две сестры. В ходе покушения женщины получили несколько ранений, однако они выжили. Уже позднее выяснилось, что исламисты специально «охотились» за Матубом. Певец погиб как герой. Он отстреливался из автомата Калашникова до тех пор, пока мог держать в руках оружие. Автоматная очередь настигла его, когда он менял магазин (57, с.14).

Л.Матуб – бербер по происхождению – начал петь с детства на свадьбах и других деревенских праздниках. В 22 года он записал свой первый диск. В 1988 г. во время народного восстания, после которого власти были вынуждены согласиться на введение многопартийной системы, он был ранен полицейскими. Понадобилось два года и 17 опе-

раций, чтобы извлечь 11 попавших в него пуль. Этот инцидент изрядно подорвал здоровье певца, до этого слывшего большим любителем прекрасного алжирского вина и заядлым курильщиком. Из-за ранения одна его нога стала короче другой.

Примечательны условия, в которых формировался характер певца. В детстве его отдали в школу французских монахов-миссионеров, которые воспитывали детей в духе республиканских традиций. Именно благодаря «белым отцам» Матуб узнал историю берберов. Репрессии, обрушенные арабо-исламским режимом на офицеров-берберов Армии национального освобождения в 1963–1964 годах, привели к тому, что Матуб категорически отказался изучать арабский язык. Его воспитала богатая французская культура.

Матуб резко осуждал исламизм в любых его формах и верил, что только светский Алжир, в котором государство будет отделено от религии, способен выйти из кризиса. Более того, он считал себя свободным от ислама. «Религия является источником всех войн, всех конфликтов, всех недоразумений между людьми – братьями. Не надо забывать, что самыми жестокими войнами были религиозные войны, – говорил он. – Религия в том ее виде, который насаждается, является врагом (простых людей). Она – союзник власти предержащих, она обманывает людей. Власти навязывают религию массам трудящихся с тем, чтобы лучше управлять ими, чтобы легче их эксплуатировать. Власти бояться простых людей и одновременно не могут существовать без них» (56, с.71–72).

Сам Матуб считал близкими себе идеи, выдвигавшиеся светской проберберской партией ОКД. Не вступая по принципиальным соображениям в ее ряды, он тем не менее принял участие в работе ряда съездов ОКД. В то же время он неоднократно утверждал, что ему ближе всего носители левой идеологии (56, с.57). «Есть вещи, про которые люди не любят говорить прямо из-за стыда или не привычки. Сказать про эти табу должны писатели, поэты или художники. Это – основная причина, по которой я против пятничных поборников морали (проповедников – прим. авт.), которые в своей частной жизни не применяют те принципы, которые они защищают на публике» (56, с.32). Убежденный защитник берберской самобытности и берберского языка погиб в достаточно критический момент для Алжира за несколько дней до введения закона о всеобщей арабизации.

Л.Матуб долгое время жил под приговором экстремистов. В сентябре 1994 г. он был похищен исламистами из ВИГ. Тогда берберские общественно-политические организации во главе с БКД выступили с угрозами призвать своих сторонников к оружию и объявить «тотальную войну» исламистам в случае, если певец погибнет. Эта угроза подействовала. Через 15 дней после похищения певец был освобожден, несмотря на то, что находясь в неволе, он был приговорен исламистами к смерти.

После похищения Матуб переехал во Францию, откуда периодически приезжал к себе на родину в Кабилию. Кроме песен певец оставил после себя книгу-бестселлер «Бунтарь», в которой он рассказал о перипетиях своего похищения в сентябре 1994 г.

Незадолго до гибели Матуб записал пластинку в память о погибших в Алжире журналистах. Одна из песен под названием «Кенза» посвящалась дочери алжирского писателя и журналиста Тахара Джаута, который стал первым в длинном списке погибших от рук исламистов алжирских работников пера, в котором насчитывается свыше 80 имен.

Популярный певец пользовался огромной известностью не только благодаря своим выступлениям на сцене, собиравшим тысячи людей. Он был активным борцом за национально-культурные права алжирских берберов. Его идеалом было федеративное устройство Алжира, при котором Кабия имела бы широкую культурную и политическую автономию. По этой причине Л.Матуба ненавидели не только исламисты. Он был достаточно неудобен и для властей. Его песни одно время находились под запретом, что только способствовало росту популярности Матуба. И не случайно, что родственники Матуба подозревают именно власти в организации убийства певца.

Известие о гибели Матуба сразу же вызвало массовые беспорядки в провинциальных центрах Большой Кабии городов Тизи-Узу и Беджая. Возмущенные берберы (главным образом молодежь, для которой Матуб был кумиром) забрасывали камнями здания местных администраций, жгли автомобили, срывали плакаты и лозунги на арабском языке. Силы безопасности неоднократно прибегали к использованию гранат со слезоточивым газом и открывали предупредительный огонь. В результате применения оружия, по официальным данным, два человека погибли от пулевых ранений. Участники выступлений скандировали лозунги, в которых обвиняли алжирские власти в гибели певца. В ряде мест участники стихийных выступлений уничтожили плакаты, вывешенные по случаю запланированного на 5 июля введения закона о всеобщем применении арабского языка.

Хотя с момента убийства Матуба прошло уже пять лет, многие связанные с этим делом детали так и остались невыясненными. Преступление было совершено за несколько дней до вступления в силу весьма противоречивого закона о всеобщей арабизации, яростным противником которого был певец. Накануне ставшей для Матуба последней поездки на родину он записал во Франции альбом, получивший название «Предательство». В песнях этого альбома он осуждал власти за сотрудничество с некоторыми категориями исламистов. Все эти факты нетрудно связать воедино и поставить перед властями множество острых вопросов об исполнителях и заказчиках убийства. Те, для кого Матуб был кумиром, продолжают требовать правды о его убийстве и правосудия. При этом родственники певца были весьма осторожны в подозрениях.

Подобное требование вызвано прежде всего тем, что в ходе следствия были допущены серьезные ошибки. «Следователи, как кажется, озабочены только тем, как бы ничего не раскрыть», – возмущалась вдова Л.Матуба Надия. Она утверждала, что находившиеся вместе с ней в машине в момент теракта ее сестры Фарида и Уардия видели в лицо убийц и даже впоследствии опознали одного из них по фотографии. Однако, по ее данным, этот человек так и не был допрошен.

Эта «забывчивость» – не единственная странность в уже проделанном расследовании. Несмотря на требования родственников Матуба, так и не была сделана баллистическая экспертиза 78 пуль, попавших в машину певца. Также было проигнорировано требование родственников о вскрытии тела жертвы. Жандармы, первыми прибывшие к месту преступления, странным образом вскоре были перемещены по службе.

За смертью Матуба последовали и другие не менее таинственные события. Близкий друг певца и участник отряда местной самообороны Смаил Хашед, поклявшийся «найти убийц», умер в январе 1999 г. в результате падения с балкона собственного дома. В ответ на выдвинутую версию о самоубийстве один из его родственников горько иронизировал: «Он покончил с собой, пустив две пули себе в спину, прежде чем броситься в пустоту» (13, с.119).

6 июля 1998 г. в Алжире и во Франции в продажу поступил посмертный диск Л.Матуба, записанный незадолго до его убийства. Альбом под общим названием «Открытое письмо к ...» выпустила парижская фирма звукозаписи «Блю силвер». Он содержал 11 новых работ Матуба. Все они – смесь берберской музыки и стиля «шааби» (т.е. «народный»), популярного в алжирских предместьях. В одной из песен, исполняемой на мотивы национального гимна АНДР, певец осуждал сближение между алжирскими властями и одним из исламистских течений. Еще при жизни Матуб хотел, чтобы его новая работа поступила в продажу 5 июля – в день независимости Алжира и первый день вхождения в силу закона о всеобщей арабизации, противником которого был певец. В Алжире альбом распространялся главным образом в виде аудиокассет. В качестве обложки был выбран рисунок известного алжирского карикатуриста Дилема. На фоне алжирского флага он изобразил три человеческие фигуры, символизирующие три входящие в правительство Алжира политические партии – пропрезидентское Национальное демократическое объединение, близкий к ней Фронт национального освобождения и считающее формально «умеренным» исламистское Движение общества мира.

Во всем случившемся после гибели Матуба местные власти обвинили ... зарубежные средства массовой информации. 8 июля министр информации и культуры, официальный представитель правительства Алжира Хабиб Шауки Хамрауи осудил зарубежные СМИ в связи с «развязанной ими кампанией с целью раздуть события в Кабилии и

нанести ущерб национальному единству». Он утверждал, что манера, в которой иностранные газеты и информационные агентства освещали события в Кабилии, отражала их намерение «подлить масло в огонь».

С точки зрения Хамрауи, «в сообщениях зарубежных агентств одна только строчка посвящалась Лунесу Матубу, в то время как целые абзацы посвящались закону, касающемуся всеобщего применения арабского языка и обстановки в Кабилии». Несмотря на очевидную ответственность консервативно-исламистского правительства Алжира за проявленную настойчивость при внедрении расколовшего алжирское общество закона и вызванную им реакцию, Хамрауи утверждал, что события в Кабилии стали следствием «гегемонистских устремлений» неких иностранных держав, которые не смогли добиться своих целей путем поддержки терроризма.

Алжирское официальное информационное агентство АПС осветило все, что было связано с гибелью Матуба, мягко говоря – сквозь зубы. Зарубежные же СМИ передали сообщений об алжирском певце по объему в 10–20 раз больше, чем главный официоз АНДР.

Певец погиб. Однако миф, родившийся одновременно с его смертью, остался жить в сердцах сотен тысяч молодых кабиллов. Это подтвердил концерт «Алжир Лунеса Матуба победит» с участием берберских артистов, состоявшийся 18 июля 1998 г. в Париже. Он собрал 7 тысяч поклонников певца. Осталось только узнать, куда и за кем они пойдут. Впрочем, выбор у них небольшой. Выступившая на концерте сестра Лунеса Малика заявила: «Мой брат боролся против двухголового монстра: смертоносного интегризма и породивших его властей. Мы останемся верными его борьбе за демократический и светский Алжир».

Имя Матуба и в дальнейшем производило эффект искры в пороховой бочке. Так, 25 июня 2000 г. в Алжире полиция применила силу, чтобы не дать нескольким сотням участников манифестации в память популярного алжирского певца пройти к резиденции президента страны. Участники акции в течение 4 часов оставались на площади Гражданского согласия (до недавнего времени – Площадь 1-го мая) в центре столицы. Они скандировали лозунги с требованиями завершить расследование обстоятельств гибели певца, а также придать берберскому языку тамазиг статус второго национального языка наравне с арабским.

Несанкционированная акция была организована Фондом имени Лунеса Матуба при поддержке партий ФСС и БКД. Ее возглавили мать и сестра певца. Участники манифестации предприняли несколько попыток прорваться через кордоны полиции, однако всякий раз стражи порядка останавливали их с помощью дубинок. В результате столкновений несколько человек с обеих сторон получили ранения. Участники выступления разбили панно с названием площади Граж-

данского согласия, названной так в связи с проводившейся в то время алжирскими властями одноименной политики, в рамках которой были амнистированы несколько тысяч боевиков исламистских бандформирований. «Нет — амнистии. Нам нужна справедливость», — скандировали они. Перед тем, как разойтись, манифестанты исполнили алжирский национальный гимн в версии Лунеса Матуба на берберском языке. Днем ранее в столице Кабилии городе Тизи-Узу несколько сот человек, не сумевших попасть в автобусы, следовавшие в столицу страны, организовали импровизированное шествие по центральным улицам и попытались захватить городскую автостанцию. Участники шествия были рассеяны полицией.

Негодование родственников вызвал и ряд оценок певца, сделанных официальными СМИ. Всем известно, что Л.Матуб постоянно подчеркивал свой атеизм. Тем не менее в одной из передач национального телевидения он был представлен как «веропослушный мусульманин». Смятения в умах добавило так называемое разоблачение со стороны близкого к исламистам Алжирского движения свободных офицеров. Оно, как это всегда делают исламисты, попыталось возложить ответственность за организацию убийства на алжирскую армию и ОВД. В этой психологической войне семья певца не поддавалась на провокацию (13, с.119).

В целом гибель Матуба позволила создать берберскому движению свой символ, фигуру-легенду, за идеями которой можно и должно следовать.

Дальнейшей консолидации берберского движения во многом послужили провокационные действия национал-консерваторов, добившихся вступления в действие закона о всеобщем применении арабского языка. Данный закон был принят в угоду национал-исламистским кругам еще в 1989 году. Его применение было заморожено в период, когда страной руководил М.Будиаф (январь-июнь 1992 года). Однако в 1996 году алжирское руководство приняло решение о возобновлении процесса арабизации. Закон, в частности, обязывает делать все официальные заявления и выступления, проводить общественные мероприятия, готовить теле- и радиотрансляции исключительно на арабском языке. Документ предусматривает тотальную арабизацию рекламы и устанавливает строгие штрафные санкции против нарушителей закона. Исключение составила система высшего образования, где применение закона было отложено на два года. Вступление закона в силу добилась находившаяся у власти правительственная коалиция в составе двух национал-консервативных партий (Национальное демократическое объединение и Фронт национального освобождения) и одной исламистской, числящейся умеренной (Движение общества мира).

Накануне 5 июля в г.Тизи-Узу состоялась массовая манифестация протеста против введения закона об арабизации. Она была организована БКД, выступавшим за придание берберскому языку равных прав

с арабским. За несколько дней до этого вся Кабилия жила в обстановке народного бунта. Поводом для выступления населения послужило убийство Лунеса Матуба. В ходе массовых акций протеста их участники громили общественные здания и срывали вывески на арабском языке. В Кабилии появились плакаты с лозунгами «Нет мира без тамазиг», «Арабо-исламизм – самая короткая дорога в ад».

Алжирские власти своей непреклонностью в вопросе введения закона о всеобщей арабизации спровоцировали быструю радикализацию берберской части населения.

Летом 1998 г. вслед за появлением Вооруженного берберского движения (ВБД) в Алжире образовалась еще одна подпольная берберская группировка радикального толка – Альянс за свободную Кабилию (АЗСК). В первом же коммюнике АЗСК призвал берберское население к бойкоту всех государственных учреждений и предприятий. Проявившее себя в июне 1998 г. ВБД выступило с угрозами физического уничтожения всех тех, кто попытается применить закон об арабизации на практике. Впрочем, по одной из версий, как и в случае с «марокканским самолетом», якобы сбросившим в 1978 г. оружие в Кап-Сигли, появление ВБД могло быть связано с очередной провокацией алжирских спецслужб, создавшей «универсальный» предлог для направления в случае необходимости в Кабилию войск (80, 10.07.98).

Закономерен вопрос: почему именно Кабилия всегда выделялась из других берберговорящих регионов Алжира своим авангардизмом в вопросе противостояния с центральными властями? Как представляется, она не случайно стала центром берберского движения. В этом регионе сконцентрировались в наиболее острой форме все социально-экономические проблемы, характерные для современного Алжира. Так, при общенациональном уровне безработицы в 30% в Кабилии этот важный показатель составляет целых 50%. В течение 80–90-х годов государство не вложило ни динара прямых инвестиций в этот регион. Более того, действовавшие, в частности, в провинции Тизи-Узу промышленные предприятия были во многом искусственно разорены, а их работники выброшены на улицу. Что касается частных инвесторов, то их деятельность была искусственно затруднена всевозможными бюрократическими препонами с тем, чтобы вынудить их вкладывать средства в другие регионы (83, 15.12.2001).

Другая причина – только в Кабилии население этого района может мобилизоваться на те или иные действия. Жители других берберговорящих регионов в целом пассивно относятся к борьбе берберов. Такое положение объясняется рядом причин исторического характера и прежде всего тем, что в Кабилии сформировалась своего рода элита. В Кабилии с начала XX века действовала образовательная система, что выгодно отличало ее от других берберских регионов. Еще один фактор связан с иммиграцией, начавшейся сразу после Первой мировой войны. В это время каждый второй эмигрант во Франции был

кабилем. Жизнь в этой стране позволила им познакомиться с другими культурами и одновременно вспомнить о собственной. Французские школы, а также активная работа в Кабилии христианских миссионеров сделали этот регион менее восприимчивым к идеям арабо-исламизма. Эти же причины изначально обусловили светский характер берберского движения.

Несколько дней спустя после убийства Матуба в распространенном в Алжире первом заявлении АЗСК сообщило, что выступает против «исламо-баасизма» властей, «пытающихся разрушить Кабилию путем убийства лучших из ее сыновей». В документе АЗСК выступило «категорически против» политики алжирских властей, отвергающих «социально-культурные реалии» Кабилии.

По мнению АЗСК, в условиях, сложившихся в Алжире после вступления в силу закона о всеобщей арабизации, единственным выходом для берберов является самостоятельное решение всех своих проблем и создание «черной кассы» для финансирования акций Альянса. АЗСК призвал берберов бойкотировать все действия, предпринимаемые государством, не платить налоги и прочие государственные сборы, добиваться добавления к национальной эмблеме «желтой линии» как символа «берберского измерения» алжирской нации.

В документе подчеркивалось, что массовые выступления населения Кабилии, последовавшие вслед за убийством Матуба и введением закона об арабизации, «свидетельствуют о категорическом несогласии берберов с политикой властей, от которой страдает весь регион». «Единственный остающийся для нас выход – самим заняться всеми нашими проблемами, – подчеркивалось в заявлении. – Кабилии остается только воспротивиться этому исламо-баасистскому монстру, который пытается уничтожить ее, убивая лучших ее сыновей и ликвидируя ее символы».

В противовес закону об арабизации одной из целей АЗСК объявлено внедрение тамазиг на всех уровнях. Другой целью АЗСК объявило решение всех вопросов берберской проблематики в их социальном, политическом и культурном измерениях. Чтобы достичь этих целей, АЗСК объявил о намерении постепенно, начиная с деревенского уровня, создать новые властные структуры, альтернативные государственным (72, 17.07.1998).

После состоявшихся летом 1998 г. массовых выступлений берберов против закона об арабизации алжирские власти оказались вынуждены принять ряд мер по развитию языка тамазиг. В сентябре, незадолго до начала учебного года в Алжире было объявлено об акциях, направленных на развитие уже существовавшей в школах системы обучения берберскому языку. К тому времени в Алжире уже в течение трех лет осуществлялся эксперимент по выборочному преподаванию берберского языка тамазиг в 16 провинциях, где имеется берберское население. К этой работе привлекались 211 преподава-

телей берберского языка. В частности, было решено создать при Национальном институте исследований в сфере образования специальное подразделение, которое занялось бы научными исследованиями в сфере берберского языка и культуры. Приоритетной задачей определялось создание Большого словаря берберского языка. При национальной комиссии школьных программ создавалась специальная структура, которой предстояло заняться разработкой программ изучения тамазиг и преподавания различных предметов на берберском языке. Объявлялось решение о подготовке первого в Алжире учебника, полностью издаваемого на тамазиг. Решено было устранить ряд административных препятствий, мешавших процессу преподавания берберского языка. Одной из помех было то, что преподаватели берберского языка не получили специальной педагогической подготовки и поэтому формально не могли пользоваться статусом учителя.

Не оставались в стороне от процесса постоянного давления на власти и проберберские партии. В ноябре 1998 г. оппозиционный ФСС внес на рассмотрение ННА проект закона, «определяющего условия развития берберского языка тамазиг во всех областях» общественной жизни страны. Документом, в частности, предлагалось всем «институтам государства способствовать развитию» языка тамазиг как одной из «основных составляющих национальной идентичности», а также придания этому языку статуса национального наравне с арабским. Его авторы предлагали ввести в бюджет особую статью, определяющую финансовые средства, которые должны были выделяться на развитие берберского языка. Они считали необходимым ввести свободное употребление языка тамазиг в ходе общественных мероприятий, «в написании имен людей, а также названий местных и импортных товаров».

В проекте закона предусматривалась трансляция телевизионных передач на берберском языке, постановка театральных пьес и съемка кинофильмов. Документ предлагал распространить обучение берберскому языку на все территории, население которых считает это необходимым. Для наблюдения за выполнением закона его авторы предлагали создать при ряде ключевых министерств специальные департаменты.

Усилиями депутатов от доминировавших в ННА национал-консервативных и исламистских партий проект этого закона так и остался проектом.

Уже несколько месяцев спустя после избрания А.Бутефлики президентом Алжира он показал свое истинное отношение к берберской проблеме. В начале сентября 1999 г. при посещении провинции Тизи-Узу в рамках кампании в поддержку политики гражданского согласия он высказался против придания статуса официального берберскому языку тамазиг. «Если даже тамазиг должен стать национальным языком, он никогда не будет официальным. Если он должен стать национальным языком, это будет сделано через референдум», – заявил он

в ходе публичного выступления. Как писала газета «Матэн», эти слова Бутефлики были встречены «глухим гулом» людей, собравшихся на встречу с президентом. «Заметно заволновавшись», глава АНДР обвинил тех, кто требует придания статуса официального языка тамазиг, в том, что они «подливают масло в огонь». Он вновь заявил, что его «приоритетом из приоритетов» остается «установление мира». При этом он умудрился поставить на одну доску радикальных исламистов и выдвигающих требования культурной идентичности берберов.

Высказывания А.Бутефлики относительно перспектив берберского языка были сразу же подвергнуты критике со стороны основных фракций БКД. По оценке БКД – Национальное объединение, все главы Алжира со времени достижения страной независимости проводят политику «лингвистического апартеида». В свою очередь близкое к ОКД Берберское культурное движение – Национальная координация заявило, что позиция Бутефлики указывает на «отсутствие у властей политической воли найти решение идентификационной проблематике» берберов. «Мы никогда не согласимся выставить на референдум нашу тысячелетнюю идентичность», – заявил один из руководителей БКД – Национальная координация (82, 04.09.99). Несколько дней спустя эти две фракции БКД в совместном заявлении назвали выступление Бутефлики «провокацией и покушением на достоинство и права (берберского) народа» (82, 15.09.99). Они отметили, что «очернение мирной борьбы за торжество справедливого дела» произошло в момент, когда «с благословения так называемых демократических партий прославляются преступные организации» (ссылка на амнистию боевиков Исламской армии спасения – боевого крыла Исламского фронта спасения – прим. авт.).

Тут же с критикой заявления президента выступило и БКД – Национальная комиссия, близкое к ФСС. Эта организация призвала своих сторонников бойкотировать предстоящий 16 сентября общенациональный референдум по поводу инициированного президентом АНДР А.Бутефликой закона о «гражданском согласии». В распространенном в Алжире коммюнике содержалась резкая критика мероприятия, равно как и призыв к алжирцам «приготовиться к еще одному избирательному маскараду». Одновременно подвергались резкой критике высказывания главы государства относительно перспектив развития берберского языка тамазиг в Алжире. Говоря о позиции организации по поводу заявления главы государства, авторы документа писали: «С молчанием окончательно покончено. Отныне тамазиг так же важен, как и хлеб».

В отличие от других регионов Алжира Кабилия достаточно пассивно проголосовала на референдуме. В Беджаие показатель участия составил 40%, в Тизи-Узу – 38, в то время как по стране – 85%. Накануне референдума ОКД призвала своих сторонников поддержать закон о «гражданском согласии», ФСС подверг критике его текст, однако не

дал каких-либо рекомендаций. Отказ кабилы от голосования объяснялся не тем, что они были против закона. Своим «воздержанием» они ответили на высказывания Бутефлики, сделанные накануне плебисцита.

Алжирские власти продемонстрировали видимость того, что они занимаются берберской проблемой, создав ряд специализированных структур и, в частности, Высший совет (по делам) амазигов (ВСА). Эти структуры не пользуются доверием тех, ради кого они формально были созданы. Так, руководитель одной из фракций БКД – БКД-Национальное объединение Ферхат Мхенни назвал ВСА «школой кулинарных рецептов на новый год по берберскому календарю».

А.Бутефлика неоднократно предпринимал попытки установить контроль над умами алжирских берберов. Так, после избрания на пост президента он направил в Кабилию уроженца этого региона своего советника Рашида Аиссата. Последнему было поручено создать ряд общественно-политических организаций, которые в среднесрочной перспективе должны были занять место ОКД, ФСС, и самое главное – сформировать ячейки самообороны, действовавшие в рамках БКД. Одной из таких организаций стала Гражданская ассоциация Тизи-Узу. Эта затея властей тут же провалилась, поскольку берберы не захотели идти за Бутефликой.

В апреле 2000 г. в Алжире широко отметили 20-летие «берберской весны». Этот юбилей был ознаменован двумя событиями – преодолением раскола в БКД и появлением т.н. Алжирской декларации, которую подписали представители берберских организаций из 6 стран (Алжира, Буркина-Фасо, Канарских о-вов (Испания), Мали, Марокко и Нигера). Она содержала четыре основных пункта – о создании постоянной координационной ячейки берберов из стран Северной Африки и Сахеля, о решимости добиваться конституционного признания берберского языка, о создании механизмов обмена информацией и комплекса мер по защите берберской самобытности в международных инстанциях (88, 23.04.2000).

27 января 2001 г. влиятельный в Алжире Комитет граждан в защиту республики (КГЗР) в связи с проявившимся заигрыванием А.Бутефлики с исламистами призвал к экстренному формированию Республиканского фронта, способного выступить в «качестве альтернативы перед лицом кризиса, который переживает страна», и «серьезной опасности, которая угрожает Республике и демократическим свободам». В распространенном в Алжире коммюнике КГЗР указал, что выступить с подобным обращением его вынудило резкое ухудшение ситуации в стране «как в плане безопасности, так и в социально-экономической и политической сферах». Главной задачей создаваемого Фронта предлагалось оказание «сопротивления любому отклонению в сторону интегризма и капитуляции (перед исламистами) в любой ее форме». КГЗР призвал присоединиться к Фронту всем алжирцам независимо от их партийной принадлежности. Считалось, что

это могли быть, в частности, активисты демократического крыла партии Национальное демократическое объединение (НДО), располагавшей большинством мест в обеих палатах парламента, сторонники оппозиционной партии ФСС, которые выступают против каких-либо альянсов с исламистами. В качестве возможных участников Фронта рассматривались партии ОКД и Национальный республиканский альянс (НРА). При этом НДО, ОКД и НРА входили в правительственную коалицию.

Ранее с аналогичным призывом к сторонникам демократического пути развития Алжира обратилась левая партия Демократическое и социальное движение (ДСД).

Впервые идея создания Республиканского фронта была выдвинута алжирскими демократами еще в 1999 г. Однако тогда из-за внутренних разногласий между ними она не получила какого-либо развития. В 2001 г. реализации этого замысла, похоже, воспрепятствовали определенные властные круги.

В апреле 2001 г. в алжирском городе Беджаия прошел Международный colloquium по проблемам берберского языка тамазиг. Достаточно рядовое событие тем не менее привлекло к себе пристальное внимание, поскольку ряд зарубежных участников отказался от участия в colloquium из-за угроз физической расправы со стороны экстремистов из ВИГ.

Большинство участников colloquium из европейских стран было вынуждено отказаться от приезда в Алжир после того, как известный лингвист Салем Хакер из французского Института восточных языков и цивилизаций получил два послания с угрозами смерти, адресованными через него всем зарубежным приглашенным. Одно письмо было направлено ученому по почте, второе получено через Интернет. В последнем, в частности, ученому предлагалось сделать выбор между поездкой в Алжир и смертью от ножей исламистов.

Как заявил сам С.Хакер, отказаться от участия в colloquium его вынудило то обстоятельство, что оба письма имели очевидные признаки хорошо спланированной акции. В них указывались точные адреса, где живут и работают ученые из группы Хакера, авторы оперировали научными понятиями, совсем недавно введенными в оборот и известными узкому кругу специалистов.

По оценке С.Хакера, авторы посланий руководствовались идеями «ксенофобии и антиберберизма – идеями, к сожалению, достаточно широко распространенными в Алжире, и не только среди исламистов».

В ответ на угрозы организаторы colloquium решили во что бы то ни стало провести это мероприятие, рассматривая его как акт их личного сопротивления мракобесию исламистов. «Colloquium обязательно состоится и мы не отступим ни перед чем. Угрозы не заставят нас отказаться от его проведения», – заявил через газету «Матэн» один из организаторов colloquium, скрывавшийся под именем Али-лиа Р. (82, 08.05.2001).

Что касается С.Хакера, то, по его мнению, «лингвистическая и культурная автономия бербероговорящих регионов, которые этого желают, должна быть обеспечена». В то же время он дистанцировался от требования БКД представить языку тамазиг права национального и официального, поскольку это, по его мнению, могло вызвать неадекватную реакцию центральных властей и спровоцировать их на силовые действия. Он полагает, что берберский язык должен быть «рабочим» исключительно в регионах компактного проживания амазигов. «Если берберы хотят оставаться жить таковыми в радикально враждебном по отношению к ним окружении, они должны осознать себя таковыми, в том числе и на поле политических баталий.

Все остальное – иллюзии или надувательство. Действительное упрочение позиций берберского языка и культуры должно проходить через признание лингвистических и культурных прав бербероговорящих групп в первую очередь в регионах их проживания», – утверждал он (82, 19.04.2001).

В то же время, согласно С.Хакеру, бербером может считаться лишь тот, кто владеет тамазиг, живет на земле тамазга и борется за придание берберскому языку соответствующего широте его распространения статуса. В своих многочисленных работах ученый утверждает, что именно язык, а не история берберов, служит объединительным идентификационным полюсом. У этой точки зрения имеются многочисленные оппоненты, в том числе и среди берберов. Они не без оснований утверждают, что проводившаяся властями длительное время политика ассимиляции и арабизации привела к тому, что многие берберы по крови просто не имели возможности овладеть своим языком. Впрочем, тот же С.Хакер приходит к парадоксальному выводу: то, что берберы в Алжире не смогли до сих пор по-настоящему организовать, связано с тем, что властные коридоры совсем не закрыты для них, более того, во властной пирамиде они занимают далеко не последние позиции. Привлечение кабилской элиты к делам управления государством (см. приложения) во многом нейтрализовало берберское движение.

В связи с действиями властей по насаждению закона о всеобщем применении арабского языка С.Хакер опубликовал во французской газете «Монд» 11 июля 1998 г. статью под названием «За лингвистическую автономию Кабилии». Эта статья быстро трансформировалась в призыв признать тамазиг в качестве языка Кабилии так, как это сделано в Каталонии; призыв был подписан сотнями интеллектуалов, артистов, активистов берберского движения (94, 22.06.2001).

Согласно взглядам Хакера, для успешного развития Алжир должен стать федеративным государством. «Я думаю, что федеральное решение для Алжира было бы естественным с тем, чтобы сохранить элементы национального единства, которые реальны и глубоки, и одновременно гарантировать региональные специфичность и иден-

тичность, которые в такой же степени законны и имеют глубокие корни (36). В то же время он никогда не выступал за отделение Кабилии от Алжира, а лишь за ее самую широкую автономию. Сразу после начала «берберского взрыва» весной 2001 г. он выступил с декларацией «За автономную и демократическую Кабилию». В этом документе содержались требования предоставления Кабилии статуса самой широкой автономии и придания берберскому языку в этом регионе положения национального и официального (94, 22.06.2001).

Несколько позднее он выступил с идеей, согласно которой только после автономии Кабилии будет завершена деколонизация страны. Обосновывая эту точку зрения, Хакер утверждал, что алжирцы рассматривают централизованное государство как наследие колониального государства «как на идеологическом, так и практическом уровнях». «Мы говорим именно об автономии, поскольку каждый знает об исторических, социальных и человеческих связях между Кабилией и остальным Алжиром. Никто не сможет отрицать эту реальность и выступать за раскольников и независимость. Защищать автономию – это не означает призывать к ненависти между алжирцами, это просто – понять последствия абсолютного провала деятельности централизованного и авторитарного государства», – говорил он. Одновременно Хакер подверг резкой критике алжирские политические партии, прежде всего проберберские, которые остаются приверженными идее национал-централизма (94, 22.06.2001).

В связи с 21-й годовщиной «берберской весны» были подведены итоги того, что случилось с тамазиг после того, как шестью годами ранее в 16 вилайях он был включен в школьные программы. Итог этот был весьма далеким от оптимистичного (82, 19.04.2001). Из 7,8 млн. учащихся алжирских школ только около 70 тысяч теоретически могли изучать тамазиг, да и то факультативно. Проблемы по внедрению берберского языка в школьные программы имели не столько административные препоны, сколько педагогикодидактические: учителя, преподававшие тамазиг, не имели признанного государством статуса, поскольку не получили официально признанного лингвистического образования. Ощущалась огромная нехватка оплачиваемых государством и местными властями должностей преподавателей тамазиг.

«Черная весна»

17 апреля 2001 г. произошло событие, от которого можно вести отсчет времени и которое получило впоследствии название «черная весна». В тот день БКД призвало население Кабилии выйти 19 апреля, накануне 21-й годовщины «берберской весны», на марш протеста и провести однодневную всеобщую забастовку, осудив тем самым нежелание алжирских властей придать берберскому языку тамазиг статус второго официального языка наравне с арабским. Объявление

о проведении акций сделал на состоявшейся в Тизи-Узу пресс-конференции представитель БКД Эль-Хади ульд Али.

Там же было объявлено, что БКД продолжит свою «мирную борьбу» вплоть до тех пор, пока тамазиг не станет национальным и официальным языком. По мнению представителя руководства БКД, настало время «обновить формы борьбы» за признание культурной самобытности берберов. Он предупредил, что эта борьба будет «долгой».

День спустя Кабилия восстала. Поводом для массовых выступлений берберской молодежи послужило убийство в жандармском участке в Бени-Дуала 20-летнего лицеиста, принимавшего участие в манифестации, приуроченной к 21-й годовщине «берберской весны». По официальной версии, молодой человек был убит очередью из автомата, который «случайно» уронил жандарм. Власти выразили «сожаление» в связи с инцидентом и пообещали наказать виновного. Тем не менее эмоции и долгое время копившееся недовольство берберов своим положением выплеснулись на улицы. Уже через 10 дней число убитых демонстрантов выросло до 20, а к началу июня достигло 60 (по официальным данным) человек. По сведениям берберских общественно-политических организаций, от пуль жандармов погибло около 100 человек, свыше 2 тысяч получили ранения.

Повсеместное применение силы (вилаи Бу-Мердас, Буира и Тизи-Узу относятся к ведению 1-го военного округа со штабом в г.Блида; Беджаия, Бордж-Бу-Арреридж и Сетиф – к 5-му военному округу со штаб-квартирой в г.Константина) дало основание наблюдателям тут же предположить, что приказ стрелять в безоружных был отдан кем-то из военно-политической иерархии на самом высоком государственном уровне.

Большинство людей было убито при попытках взять штурмом жандармские участки. Был нанесен огромный материальный ущерб, поскольку участники выступлений первым делом сжигали общественные здания.

Возникает вопрос: почему жандармы не использовали для разгона манифестантов резиновые пули? Ответ на него оказался чрезвычайно простым – этих боеприпасов просто не было в арсенале жандармерии, предназначенной для борьбы с внутренними беспорядками. «Мы никогда не думали, что нам придется использовать оружие против населения», – заявил в этой связи министр внутренних дел Алжира Язид Зерхуни (82, 15.05.2001).

Примечательно, что подчиненные национальной жандармерии и рекрутированные из числа местного населения подразделения коммунальных гвардейцев (аналог российской муниципальной милиции – прим. авт.) в период волнений получили приказ не выходить из своих казарм. При этом им сохранили оружие. Подобный запрет был сделан, вероятно, из опасений, что после расправ жандармерии над местным населением коммунальные гвардейцы могли примкнуть к

участникам выступлений, а это привело бы к витку насилия на более высоком уровне.

Призывы властей и традиционных проберберских политических партий к сохранению спокойствия не были услышаны участниками выступлений. Более того, в ряде населенных пунктов манифестанты сожгли и разграбили не только общественные здания, но и помещения проберберских партий ОКД (она входила тогда в правительственную коалицию) и ФСС (оппозиционную).

Начавшись как стихийный бунт, выступления берберов сразу же приобрели социальный оттенок. Это было связано с острым экономическим кризисом, переживавшимся Алжиром в целом и провинциями с берберским населением, в частности.

Народные волнения начиная с 1980 г. каждый раз приходились на апрель месяц и не были чем-то неожиданным. Однако никогда ранее они не оборачивались столь тяжкими последствиями. В 2001 году, начав с выдвижения обычных для подобных мероприятий требований придания равных прав с арабским берберскому языку тамазиг, участники выступлений в итоге выдвинули уже антиправительственные лозунги, увязав их с политическими, социальными и экономическими требованиями.

Несколько дней спустя после начала выступлений традиционные берберские партии попытались определенным образом канализировать это движение. Так, ФСС отменил «мирные манифестации», нацеленные против «несправедливости и безнаказанности», планировавшиеся в Тизи-Узу и Беджаие 28 апреля. Как отмечалось в коммюнике партии, ее руководство приняло подобное решение в связи с получением информации о готовности «определенных властных кругов использовать эти марши с тем, чтобы превратить их в кровавые бани». Кабилы, однако, пренебрегли предупреждением и вышли на манифестации. В результате 28 апреля стало одним из самых кровавых дней в ходе событий «черной весны». В тот день от пуля жандармов погибло 29 человек. Одновременно ФСС подготовил меморандум «За демократический переходный процесс», в котором содержались предложения по реформированию властных институтов страны.

Со своей стороны партия ОКД, порвав с правительством, назвала выступление кабилы «идентификационно-лингвистическим, имеющим глубокие корни и направленным на полный разрыв с режимом». Партия указала на настоятельную необходимость «фундаментального изменения режима», для чего предложила всем демократическим силам разработать платформу совместных действий.

Разные позиции ФСС и ОКД в отношении ситуации в Алжире отразились в их реакциях на события в Кабилии. Если ФСС обращался своим меморандумом главным образом к «лицам, принимающим решения», то ОКД апеллировало к демократическим и республиканским силам, а также гражданскому обществу (82, 16.05.2001).

Только через две недели после начала кровавых событий в Кабилии на них отреагировал А.Бутефлика. В появившемся 31 апреля радио- и телевизионном обращении к нации он объявил об учреждении комиссии по расследованию причин народного взрыва. Глава государства пообещал, что перед этой комиссией, составленной из представителей «гражданского общества», будет поставлена задача «пролить свет на случившееся в условиях полной свободы и гласности». Он признал, что события в Кабилии «вынуждают нас вместе искать решение проблем, сложность которых известна всем». Обращаясь к кабийской молодежи, глава государства утверждал, что «понял смысл и значение их протеста». Он напомнил, что сила Алжира заключается в «единстве народа». Руководителем комиссии был назначен известный в Алжире юрист берберского происхождения Моханд Иссад. Указом президента Иссад получил доступ ко всем документам, которые он мог затребовать, а также получил право заслушивать всех свидетелей, кого он посчитает нужным. Два года спустя Иссад признает, что два члена его «независимой» комиссии были навязаны ему властями (94, 08.05.2003). Вероятно, чтобы парировать их влияние, он пригласил в комиссию главных редакторов шести самых читаемых алжирских газет. Это приглашение, однако, было единодушно отвергнуто. Еще один интересный момент: с началом работы комиссии Иссад направил запросы во все алжирские силовые структуры с требованием предоставить внутренние документы за период с 18 по 30 апреля 2001 г. Эти запросы исполнили все, кроме влиятельного департамента разведки и безопасности (ДРС). Последний отказался выполнить требование Иссада, ответив ему, что в функции ДРС якобы не входит работа по подобным событиям.

Одновременно Бутефлика указал на возможность рассмотрения требований берберов относительно признания их культурной самобытности в рамках готовившегося пересмотра конституции 1996 г. Хотя глава государства утверждал, что понимает смысл протеста молодых кабил, однако он не сделал каких-либо конкретных предложений, направленных на решение проблем безработицы и нехватки жилья. По оценке прессы, решение главы государства о создании комиссии по расследованию причин взрыва в Кабилии было одним из «способов, призванных похоронить проблему». Последовавшие события подтвердили этот прогноз.

Несмотря на затянувшееся молчание, Бутефлика, судя по всему, хорошо осознавал опасность берберского «взрыва». В условиях секретности он тут же собрал на заседание Высший совет безопасности, что ранее делалось только в самых крайних случаях. По одной из версий, на этом заседании было решено, в частности, оставить на своем посту главу разведывательного сообщества генерала Мохаммеда Мезиана. Если эта версия соответствует действительности, тогда подтверждаются слухи о том, что именно этот генерал, стремясь

избежать отставки, спровоцировал выступление берберов благодаря имевшимся у него специфическим возможностям. Отставку генерала готовил Бутефлика, поскольку Мезиан был против планов главы государства реинтегрировать ИФС в политическую жизнь страны. По другой версии, на этом заседании алжирское руководство обсуждало, что ему предстоит предпринять в связи с готовившимися к публикации во Франции мемуарами генерала Осареса. Последний воевал в Алжире в годы войны за национальную независимость. В своих мемуарах он пообещал назвать имена ряда высших алжирских функционеров, которые в свое время тайно сотрудничали с колониальными властями.

Большинством алжирцев создание комиссии Иссада расценивалось только как попытка властей пустить пыль в глаза. Они еще помнили «итоги» работы комиссии Бушаиба, созданной в июле 1992 года с целью проведения расследования обстоятельств убийства главы страны М.Будиафа. Та комиссия, исключив возможность изолированного акта, признала себя бессильной вскрыть механизмы политического заговора и назвать его заказчиков, которые приговорили к смерти главу Высшего государственного совета. С учетом ограничений, навязанных Иссаду алжирскими властями, его комиссии надлежало решить неразрешимую задачу. Ей предстояло ответить на вопросы, которые затрагивали самые высокие инстанции власти. Главными из них были следующие: кто отдал приказ стрелять в толпу, одновременно и в разных местах при том, что участники манифестаций были безоружными? Почему жандармы повсеместно начали провоцировать население? В алжирском контексте найти ответы на них было практически невозможно. Тем не менее комиссия Иссада хоть и отчасти, но выполнила свою архисложную задачу, одновременно продемонстрировав известную независимость.

Уже 3 мая в Беджаие и Алжире прошли «мирные» манифестации протеста против применения алжирскими властями силы в Кабилии. Шествие в столице АНДР было организовано оппозиционным ФСС. Манифестация, в которой приняли участие до 15 тыс. человек, прошла без инцидентов. Иной оборот получило развитие событий в Беджаие, где полиция была вынуждена применить слезоточивый газ после того, как несколько сотен участников шествия попытались атаковать стражей порядка. В обоих городах участники манифестаций несли плакаты, призывавшие к прекращению «жестоких репрессий» в Кабилии и скандировали лозунги, враждебные правительству и президенту Бутефлике.

9 мая Алжир отверг предложение направить в страну международную комиссию по расследованию трагических событий в Кабилии. «Алжир отвергает и будет отвергать все предложения, направленные на вмешательство в его внутренние дела, – заявил министр иностранных дел АНДР Абдельазиз Бельхадем. – Речь идет об алжирской проблеме, и именно алжирцы займутся ее решением». Это заявление прозвучало

чало день спустя после того, как Партия европейских социалистов, проводившая 5-й съезд в Берлине, осудила «использование силы против мирных манифестантов» в провинциях Тизи-Узу и Беджаия. Она возложила « всю ответственность » за случившееся на алжирские власти и призвала Евросоюз поддержать в ООН требование ряда алжирских партий о направлении в АНДР международной комиссии.

10 мая в Алжире прошла массовая манифестация протеста против применения силы в Кабилии. Она была организована БКД – Национальная координация. В ней, по официальным данным, приняло участие свыше 10 тыс. человек. Шествие прошло через всю столицу от Площади 1 Мая до Площади павших. Полиция не препятствовала манифестации и даже перекрывала автомобильное движение по мере следования колонны. Участники манифестации – главным образом проживавшие в столице берберы – скандировали лозунги «Алжир в опасности», «Настоящие террористы – жандармы», «Исправьте историю, Алжир – не арабская страна» и другие. Эти же лозунги были написаны на французском и берберском языках на многочисленных плакатах.

Два дня спустя на состоявшейся в Алжире пресс-конференции президент БКД Л'Хади ульд Али дал высокую оценку прошедшей в столице акции. По мнению лидера БКД, широкое участие населения и политических партий в манифестации свидетельствовало о «приверженности демократического Алжира принципу культурного и лингвистического разнообразия». Говоря о реакции властей на события в Кабилии, выразившейся в создании двух комиссий по их расследованию – парламентской и независимой, – глава БКД заявил, что расценивает ее как «отказ ответить на выдвинутые требования, тем более что ответственные лица и непосредственные исполнители пролитого моря крови остаются на своих местах».

В опубликованном 13 мая интервью газете «Аль-Ватан» лидер БКД заявил, что считает «взрыв» в Кабилии «важным этапом на пути мирной мобилизации и формулирования требований» алжирских берберов. В условиях, когда проберберские партии не смогли направить гнев масс, БКД, по его оценке, стало «естественным каналом выражения идентификационных и лингвистических требований». Л.ульд Али высказал сомнение относительно достоверности зазвучавших в те дни «тезисов о внутренних и внешних заговорах, либо борьбе кланов», якобы приведших к событиям в Кабилии. Он подчеркнул, что считает «главным ответственным» за произошедшую трагедию «все алжирское государство», которое с 1962 г. «отвергает идентичность, культуру и язык амазигов» (73, 13.05.2001).

В тот же день приступила к работе парламентская комиссия по расследованию причин и обстоятельств берберского «взрыва» в Кабилии. Ее первым документом стало обращение «ко всем гражданам и организациям» с призывом своими свидетельствами способствовать ее работе. Перед комиссией тут же предстали командующий

национальной жандармерией генерал Ахмед Бустила и глава МВД Алжира Язид Зерхуни. Что касается простых алжирцев, то они со скептицизмом отнеслись к работе комиссии, поскольку аналогичные структуры, учреждавшиеся в связи с другими громкими событиями последних лет, не смогли дать ответы на все вопросы, интересовавшие граждан АНДР.

Координационный совет деревенских комитетов Кабилии

19 мая очередная антиправительственная манифестация прошла в г.Беджаия. Ее участники впервые выдвинули требование вывести из Кабилии структуры национальной жандармерии. Впоследствии это требование стало одним из основных в числе предъявленных алжирским властям. Еще одной особенностью шествия стало то, что в роли его организатора впервые выступил сформированный 17 мая Координационный совет деревенских комитетов Кабилии (КСДКК), впоследствии превратившийся в неформальный орган берберского самоуправления. Как заявил в ходе манифестации представитель КСДКК, «мы требуем, чтобы жандармы покинули регион, поскольку именно они ответственны за репрессии и именно они действовали как колониальные силы».

Появление КСДКК в качестве альтернативы традиционным политическим партиям было неслучайным. Деревенские комитеты были созданы по примеру «таджмаат» – деревенских ассамблей, которые осуществляли власть на местах до колонизации в 1830 г. Эти общественные образования были во главе всех возникавших на алжирской земле движений сопротивления начиная с пунической эпохи. Особая гордость всегда была отличительной чертой алжирских горцев, бедных, но ставивших честь выше других достоинств. Во многом это объясняет гордую непреклонность берберского движения и в ходе событий «черной весны». В сущности, реакция народа была ответом на действия властей, характеризующиеся одним непереводаемым и неоднозначным словом «хогра». Оно обозначает оскорбление, презрение, злоупотребление властью по отношению к более слабому со стороны более сильного. Подъем берберского движения основывался на исторической памяти о берберском вожде Косейле, который объявил беспощадную войну арабам в ответ на их презрительное отношение к североафриканским автохтонам, которых они считали мусульманами второго сорта, и более того, на которых даже налагали «джизью» – налог, взимаемый с немусульман, проживающих в мусульманском обществе.

Жители региона остались невосприимчивыми и к чуждым им мировоззренческим учениям, будь то мусульманский реформатор Абдельхамид бен Бадис, христианские миссионеры либо проповедники ИФС. Деревенские ассамблеи достигли вершины влияния в период борьбы против турок. Завоеватели так и не смогли наладить регуляр-

ное получение налогов с гордых горцев. Каждый поход за податью оборачивался для них ожесточенными схватками с хорошо организованным местным населением. Более разумно поступили французы. Они сохранили за населением Кабилии право жить по собственным законам («канун»), которые до сих пор действуют в некоторых деревнях. «Канун» представляет собой список нарушений и соответствующих им штрафных санкций, накладывавшихся деревенской ассамблеей. В частности, за употребление алкоголя или богохульство предписывался штраф, за убийство или адюльтер – смертная казнь.

Свою последнюю акцию деревенские ассамблеи предприняли аж в 1827 г. Тогда они обратились к алжирскому дею, дабы расширить права замужних женщин на наследование имущества. Выборы в деревенские ассамблеи проводились на регулярной основе. Их представители формировали генеральную ассамблею, ставшую прообразом для КСДКК. С началом эпохи колонизации и связанных с ней больших миграций населения эти структуры самораспались.

Точной даты появления КСДКК не существует. Считается, что Координационный совет сформировался в период с 21 апреля по 31 мая 2001 г. как гражданское движение, первоначально в принципе отвергающее насилие. Согласно принятым в КСДКК нормам, каждый делегат должен встречаться с выбравшими его массами перед принятием наиболее важных решений. Кроме того, один раз в 15 дней генеральная ассамблея (общее собрание) деревни (городского квартала) должна подтверждать мандат своего полномочного представителя. Это условие не всегда выполнялось, главным образом в наиболее напряженные для Кабилии дни «черной весны», что дало повод оппонентам КСДКК обвинить делегатов в отсутствии легитимности (94, 20.12.2001). Решения на всех уровнях координационных советов принимаются не простым большинством, а консенсусом. Внутренняя дисциплина поддерживается за счет угрозы изгнания провинившихся. Особая нетерпимость проявляется к тем активистам движения, которые пытаются занять определенные политические позиции либо по отношению к государственным институтам, либо в связи с участием провинившегося в выборах на стороне той или иной политпартии. Последняя мера представляется вполне разумной, если вспомнить, как мешает берберскому движению междоусобица, в которой главными оппонентами друг другу являются ОКД и ФСС.

Несмотря на подчеркнуто светский характер новой структуры, в ней отсутствовали женщины. 24 мая представительницы прекрасного пола потребовали своего представительства в КСДКК, однако данных о том, что это требование было удовлетворено, не имеется.

КСДКК – собирательное название, введенное в научный оборот автором этой работы. Выбор обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, трудностью дословного перевода его точного наименования, которое могло бы звучать примерно так: Межпровинциальная

координация аарш (племен), даира (деревень) и коммун. Во-вторых, значительным разнообразием в названиях вошедших в Совет провинциальных структур: в Беджаие действует Межкоммунальная координация Беджаии, в Тизи-Узу – Координация аарш, даира и коммун, в Буире – Координация гражданских комитетов вилайи Буира. Поэтому предложенное название – КСДКК – представляется наиболее оптимальным и учитывающим все основные особенности этого движения. Его составные части на уровне провинций находились под влиянием разных политических сил. Так, например, Межкоммунальная координация Беджаии традиционно взаимодействовала с троцкистской Социалистической партией трудящихся и другими левыми организациями.

Что объединяет провинциальные структуры КСДКК – порядок формирования руководящего президиума Координационных советов вилай. Они состоят из трех человек и формируются по принципу европейской «тройки» – в каждую из них входят делегат, который возглавлял президиум в предыдущий срок, действующий глава президиума и будущий.

Еще одну версию того, как родились комитеты, представил один из лидеров левацкой Социалистической партии трудящихся (СПТ) Шауки Сальхи. Он утверждал, что эти структуры возникли как результат целенаправленной деятельности ряда левых партий и профсоюзов, которые через комитеты попытались канализировать стихийно вспыхнувшее движение кабилских масс. По его оценке, левые сыграли «решающую роль в становлении» комитетов, хотя первые образования были созданы под воздействием профсоюзов. Разногласия между профсоюзами и левыми впоследствии предопределили раскол и в самом КСДКК (94, 14.09.2001).

Со своей стороны алжирские власти крайне резко отреагировали на появление неподконтрольной им структуры, назвав ее «возвратом к трибализму». Одновременно они попытались перевести конфликт на горизонтальный уровень, натравив на Кабилию соседние, преимущественно арабоязычные регионы. По оценкам ряда политологов, такая политика была чревата этническим конфликтом по примеру югославского (94, 05.2001). Также негативно отреагировали на появление КСДКК традиционные проберберские партии, увидевшие в Совете весьма опасного конкурента.

Критики КСДКК воспользовались появлением в полном названии Совета понятия «аарш» – «племена» с тем, чтобы обвинить его в племенном (этническом) сепаратизме. Однако на самом деле КСДКК не имеет ни малейшего отношения к племенам как таковым. Просто участниками Совета на местах (на провинциальном уровне) стали достаточно разные структуры. Например, в Беджаие это – народные комитеты, в рамках которых действуют профсоюзы и ассоциации. Понятие *аарш* было гипертрофировано близкими к властям СМИ, хотя

на практике оно лишь указывает на территориальную принадлежность людей к той или иной сельской коммуне или городу (39).

В то же время на общенациональном уровне КСДКК своей борьбой заслужил такие симпатии, на получение которых было неспособно ни одно другое движение или партия из числа действующих в Кабилии.

Сильной стороной КСДКК стало то, что он объединил в своих рядах людей разного возраста, разных социальных категорий и профессий. В этой структуре нашли удачное соединение способы и методы организации масс, почерпнутые из истории, а также выстраданные в ходе войны за национальное освобождение. В итоге получилась комбинированная организационная структура горизонтального типа, наполовину архаичная, наполовину современная.

Другой сильной стороной Совета стала его очевидная независимость от властей, чего никак нельзя было сказать о традиционных проберберских и иных партиях. В то же время несомненной слабостью Совета было отсутствие в нем женского представительства.

Уже 21 мая КСДКК организовал в Тизи-Узу самую массовую антиправительственную манифестацию из числа когда-либо проводившихся в Кабилии. Согласно оценкам, в ней приняли участие свыше 500 тыс. человек. Ее участники потребовали предать суду ответственных за применение силы против молодежи.

Начав как сугубо мирное движение, КСДКК очень быстро радикализовался, что нашло отражение в так называемой Платформе Эль-Ксар.

22 мая в Алжире были распространены первые выводы комиссии по расследованию событий в Кабилии во главе с М.Иссадом. В них, в частности, утверждалось, что «игнорирование властями чаяний местного населения, злоупотребления властью, превышение полномочий, отсутствие контроля за администрацией со стороны ответственных лиц» явились основными факторами, повлекшими за собой берберский взрыв в Кабилии. «Люди жаловались на произвол, высокомерие, агрессивность властей, и в частности, сил безопасности. Это – главное заключение, которое я сделал», – сказал М.Иссад в заявлении для национального радио.

Заявление М.Иссада по времени совпало со второй волной выступлений берберов. Ее качественным отличием от первой волны стало то, что в ряде населенных пунктов участники беспорядков попытались взять штурмом жандармские участки, однако были отброшены жандармами с применением огнестрельного оружия. В ряде населенных пунктов отмечались случаи, когда жандармы открывали беспорядочный огонь по жилым строениям. В свою очередь участники выступлений громили общественные здания, считавшиеся ими олицетворением власти.

24 мая БКД вывело на улицы Тизи-Узу около 50 тыс. женщин-берберок. Участницы манифестации скандировали традиционные для прошедших в предыдущие дни шествий лозунги «Власти – убийцы»,

«Нет – прощению», «Свободу и демократию». Они несли многочисленные желтые транспаранты (желтый цвет – цвет Кабилии) с буквой «Z» на берберском языке, ставшей символом борьбы берберов за их культурную самобытность, а также алжирские национальные флаги, символизировавшие приверженность населения этого района принципу территориальной целостности Алжира. Манифестация прошла в целом в спокойной обстановке. Однако после ее завершения сотни молодых людей забросали камнями кордоны сил безопасности, развернутые вокруг стратегических объектов города. Полицейские ответили гранатами со слезоточивым газом, после чего участники выступлений рассеялись по близлежащим улицам.

Быстрая радикализация берберского движения во многом была обусловлена тем, что у него не оказалось очевидного и всеми признанного лидера, способного выступить от имени населения Кабилии в диалоге с государством. В этих условиях действия берберской молодежи стали принимать все более неконтролируемый характер.

В то же время власти то и дело выступали с заявлениями, в которых обещали удовлетворить некоторые требования берберов. Эти заявления никоим образом не уменьшали накал страстей, поскольку всем – и участникам выступлений, и представителям руководства страны – похоже, было ясно, что они ничего не стоят. Так, 27 мая президент Бутефлика выступил с достаточно туманным обещанием рассмотреть вопрос о придании статуса официального берберскому языку тамазиг в ходе предстоящей работы по пересмотру конституции. Понятно, что он не указал при этом каких-либо конкретных сроков, а также того, как практически это будет реализовано. Президент АНДР пообещал также, что будут приняты все необходимые меры и санкции в отношении лиц, которые несут ответственность за трагические события в Кабилии. Это обещание не было выполнено и 18 месяцев спустя после «черной весны». Единственная мера, которая была принята на практике – все желающие выпускники школ в Кабилии получили возможность сдать выпускные экзамены в сентябре 2001 г.

Несмотря на прозвучавший в выступлении Бутефлики призыв прекратить кровопролитие, уже на следующий день с новой силой возобновились столкновения в г.Беджаия. Участники выступлений разгромили ряд учреждений, символизировавших государство – представительство компании «Эр Альжери», региональные штаб-квартиры поддерживавших Бутефлику партий ФНО и НДО, здание местной радиостанции.

Самая массовая из числа когда-либо проводившихся в Алжире антиправительственная манифестация прошла в столице страны 14 июня 2001 г. Согласно оценкам, в ней приняли участие до 1 млн. человек. Участники шествия попытались пробиться к президентскому дворцу «Эль-Мурадия», но были оттеснены силами безопасности, применившими водометы и слезоточивый газ. В завязавшихся столкновениях погибли 2 журналиста, десятки человек с обеих сторон получили

ранения. Отступая к району столичной ярмарки, откуда началось шествие, манифестанты громили символы государства, промышленные предприятия, офисы компаний. Они, в частности, разграбили несколько складов в порту, а также сожгли несколько десятков машин, находившихся на терминале одной из автомобильных компаний из юго-восточной Азии.

Главным итогом манифестации 14 июня стало то, что берберы развенчали миф, согласно которому только исламисты якобы способны мобилизовать большие массы людей. Отныне эту способность приобрел и КСДКК, что сразу же сделало его одним из главных противников режима. Причем, на взгляд властей, даже более опасным, нежели исламисты.

Со своей стороны премьер-министр Алжира Али Бенфлис объяснил массовые выступления населения Кабилии накопившимися социально-экономическими проблемами, «не решавшимися в течение более чем 10 лет». Выступая 26 июня перед депутатами ННА, он утверждал, что трагедия в Кабилии «частично» стала следствием «социальных и экономических требований, выраженных с использованием насилия в момент, когда правительство приступило к реализации амбициозной экономической программы, призванной удовлетворить в краткосрочной и среднесрочной перспективе эти законные чаяния». Одновременно премьер утверждал, что не только социально-экономические проблемы Кабилии стали причиной берберского взрыва. По его мнению, эти события произошли сразу вслед за «серией кампаний по дестабилизации страны». Среди таких кампаний он назвал муссирование вопросов о правах человека в Алжире, о пропавших без вести, злоупотреблениях властью силами безопасности, о том, «кто кого убивает в Алжире», а также о «разыгрываемой вновь песне» о «меньшинствах, которые необходимо защищать». Развертывание подобных кампаний он связал с намерениями «неоколониализма» «любым путем навязать регентство Алжиру» путем «раскола алжирского народа».

Проведением непрерывных акций протеста КСДКК преследовал одну цель: оказывать постоянное давление на власти, которые «оставались глухими к требованиям алжирского народа» (88, 20.07.2002). В свою очередь представитель ОКД Джамаль Ферджалла охарактеризовал происходившее в Кабилии как социальное и прежде всего политическое движение. «Это – настоящее восстание народа, которое никогда не происходило ранее со времени достижения независимости», – утверждал он.

Выступления молодежи не ограничились Кабилией и быстро распространились на другие районы страны. Они камня на камне не оставили от неловкой попытки властей объяснить происшедшее в Кабилии ее особым положением, представить этот регион как угрозу территориальной целостности страны.

Однако к этому времени из-за внутренних разногласий ослабел КСДКК. Сначала Координационный совет Беджаи покинули активисты местного профдвижения, за ними последовали троцкисты и автономисты. Все эти группы были незначительными по численности, но их уход из провинциального Совета стал тревожным сигналом.

29 июля 2001 г. канцелярия президента распространила предварительный доклад комиссии М.Иссада. Главный вывод этого документа – жандармские войска несут прямую ответственность за провоцирование волнений, потрясших Кабилию с середины апреля по конец июня. В докладе отмечалось, что «сопровождаясь насилием реакция населения была вызвана не менее насильственными действиями жандармов, которые в течение более чем 2 месяцев подогревали события, используя боевые патроны, грабя, провоцируя и оскорбляя» местное население. Авторы документа утверждали, что «насилие против гражданского населения стало настоящей войной, поскольку в ходе событий применялись средства, предназначенные для войны».

«В начале событий, – отмечалось в докладе, – толпа никоим образом не была агрессором. Она никак не участвовала в двух инцидентах (гибель в жандармском участке школьника и аресты лицеистов в Амизуре), повлекших за собой взрыв негодования населения. Кто-то отдал приказ стрелять боевыми патронами. Однако никто не отдал приказа прекратить огонь». В документе отмечалось, что «жандармские войска вмешались в события без запроса гражданских властей, как того требует закон». Авторы доклада назвали ложным выдвинутый командованием жандармских войск для оправдания своих действий аргумент о «законной самообороне», поскольку рамки законной самообороны, их достаточность и необходимость должен определять суд, а не одна из заинтересованных сторон.

Судя по всему, инцидент 18 апреля в жандармском участке в родке Бени-Дуала, когда погиб 19-летний лицеист Гуэрмах Масиниса, мог быть действительно роковой случайностью. В докладе со ссылкой на показания жандармов указывалось, что случайно выпущенной из автомата очередью из шести патронов военнослужащий тремя пулями поразил лицеиста, одна пуля ранила другого жандарма, две ушли в стены помещения. Есть все основания полагать, что если бы роковая очередь была умышленной, вряд ли от нее пострадал бы жандарм. В то же время настораживает один момент – по мнению экспертов, было выпущено две очереди.

При всей возможной случайности инцидента в Бени-Дуала арест (по официальной версии) 22 апреля в Амизуре трех школьников, направлявшихся на стадион вместе с их учителем физкультуры, вряд ли был оправдан. Именно эти два события вывели берберскую молодежь на улицы. Начало столкновениям было положено 23 апреля в ходе похорон Масинисы. Во многом они были спровоцированы даже

не убийством школьника, а попытками властей сделать его «козлом отпущения». В частности, в коммунаке жандармерии юноша был назван злоумышленником, попавшимся на попытке воровства.

В докладе подтверждалась гибель 55 человек из числа участников выступлений и одного стража порядка, погибшего в результате случайного поражения электротоком. Смерть подавляющего большинства погибших из числа манифестантов наступила в результате пулевых ранений. У значительной части пострадавших (около 300) среди участников выступлений были также пулевые ранения, в то время как ранения стражей порядка в большинстве своем не являлись тяжелыми и были вызваны причинами, никоим образом не связанными с применением огнестрельного оружия. Из числа погибших манифестантов 17 умерли от пулевых ранений в голову, 21 – от ранений в область грудной клетки.

Представленные в докладе данные о числе погибших и пострадавших основаны на официальных документах министерств внутренних дел, юстиции и здравоохранения. В то же время оппозиция утверждает, что погибло по меньшей мере 100 человек.

Гибель людей от применения огнестрельного оружия жандармами была зарегистрирована в 27 населенных пунктах провинций Тизи-Узу и Беджаия. Большинство ранений было нанесено из табельного оружия жандармерии автоматов АК-47. Все это позволило комиссии сделать вывод о «чрезмерном» применении оружия и боевых патронов. Соотношение 1 к 6 числа погибших и получивших пулевые ранения позволило комиссии сравнить события в Кабилии «с самыми ожесточенными боевыми действиями в период войны». В то же время комиссия не смогла ни подтвердить, ни опровергнуть утверждения некоторых СМИ о применении в ходе подавления волнений в Кабилии стрелкового оружия со снайперскими прицелами. Также, похоже, не подтвердилось выдвигавшееся в прессе обвинение в применении жандармами разрывных патронов, поскольку вполне «конвенционные» боеприпасы для АК-47 при выходе из человеческого тела «могут оставлять отверстия до 6 см в диаметре», что делает их по разрушительным последствиям близкими к разрывным боеприпасам.

Отмечалось, что трагическое развитие событий во многом стало следствием «отсутствия санкций в отношении ответственных лиц, отсутствия реакции со стороны политического руководства, а также приказа стрелять на поражение, который, конечно, поступил от кого-то...».

Имелся еще один весьма странный момент. Командование жандармских войск в Кабилии сразу же поняло, что местное население направляет всю силу своего гнева на жандармов. В этих условиях оно еще 27 апреля обратилось к руководству с предложением привлечь для пресечения беспорядков и другие силовые структуры. Более того, оно предупредило, что если эта мера не будет принята, «действующие в изоляции подразделения могут ответить (на выступления)

только с помощью применения оружия»... «Кажется, что это предупреждение не было услышано», – констатировалось в докладе. В документе отмечалось, что кровавых событий можно было бы вообще избежать, если бы глава МВД Язид Зерхуни прислушался к своему подчиненному, генеральному директору службы национальной безопасности Али Тунси. Последний направлял своему патрону несколько конфиденциальных докладов, в которых предупреждал о грядущем взрыве (74, 07.08.2001).

Впрочем, похоже, кабилы не зря ополчились на жандармов. Только в Тизи-Узу с августа 1999 г. в высшие инстанции жандармерии дважды направлялись петиции с жалобами на «провоцирующее» поведение ее сотрудников. Они обвинялись населением в воровстве, торговле наркотиками и алкоголем, в том, что являлись «крышей» для борделей, в оскорблениях, использовании для устрашения населения в конфликтных ситуациях стрельбы в воздух.

Более того, участники комиссии в ходе расследования услышали мнения, согласно которым убийство 8 полицейских в Тигзирте было якобы совершено жандармами, отомстившими таким образом полицейским – кабилам за их симпатии по отношению к участникам выступлений. В ряде населенных пунктов атакам подвергались только жандармские участки, в то время как находившиеся поблизости полицейские участки не затрагивались.

В докладе не подтверждалось, а даже исключалось какое-либо участие в событиях в Кабилии «иностранной руки», на которую ссылались глава Алжира и ряд высокопоставленных политиков. Одна эта констатация свела на нет усилия многочисленных критиков комиссии Иссада, которые утверждали, что она якобы не может быть независимой. «Если чья-то «рука» могла так легко и быстро поднять восстание в регионе, удаленном от побережья, портов и аэродромов, это означало бы, что Алжир опасно уязвим, а Республика неспособна защититься от нее», – отмечалось в документе.

В заключение доклада его авторы подчеркивали, что убийство школьника в жандармском участке и аресты в Амизуре были только поводом для выступлений. Глубинные причины «взрыва» в Кабилии связаны с «социальными, экономическими, политическими, идентификационными проблемами, а также всякого рода злоупотреблениями» со стороны властей (2).

Публикация доклада М.Иссада не повлекла за собой каких-либо организационных мер, поскольку содержащиеся в нем выводы явно не устраивали власти. В то же время документ вызвал гнев со стороны консервативных и исламистских кругов. В частности, исламистские партии, представленные в правительстве страны и парламенте, отвергли предварительные выводы комиссии Иссада о причинах берберского «взрыва». Со своей стороны президент Бутефлика выразил свое «разочарование» итогами работы комиссии, несмотря на то, что

Иссад сделал все возможное для сглаживания острых углов. Глава государства тут же потребовал от Иссада «углубить» расследование, проводившееся комиссией.

В целом выводы доклада комиссии Иссада подталкивают к мысли о том, что волнения в Кабилии назревали давно, но вспыхнули во многом стихийно. Так это было или нет, пока говорить рано. Тем не менее некоторые наблюдатели связали берберский «взрыв» с распространенными незадолго до его начала газетой «Аль-Ватан» слухами о возможной отставке шефа разведывательного сообщества Алжира генерала Мохаммеда Медиена. Возможно, «взрыв» и был специально организован с тем, чтобы помешать материализоваться этим слухам...

Нарушая хронологию событий, заметим, что второй и «окончательный» доклад комиссии Иссада был распространен в последние дни 2001 г. Одной из главных его идей стало то, что комиссии «больше нечего добавить, что бы принципиально отличалось от первого доклада». Единственным отличием стал вывод о «незаконности вмешательства военных властей» в события в Кабилии. Фактически это означало критику положений закона о чрезвычайном положении. Как известно, соответствующий документ был принят 9 февраля 1991 г. с целью не допустить развязывания исламистами кампании террора. Согласно этому документу, гражданским властям предоставлялось право «перепоручать военному командованию на местах руководство операциями по восстановлению общественного порядка» (речь шла о командующих 6-ю военными округами и командующем Сухопутными войсками – прим. авт.). Этот документ был усилен никогда не публиковавшимся декретом от 25 июля 1993 г., вновь возложившим ответственность за операции по восстановлению общественного порядка на командующих округами. В то же время местные власти и МВД отвечали за поддержание и сохранение общественного порядка. Однако на деле, применительно к Кабилии, в толпу стреляли жандармы, находящиеся в ведении МВД и губернаторов провинций, на территории которых они дислоцируются. Это обстоятельство привело к тому, что авторы доклада подвергли завуалированной критике тех, кто «руководствуется старой традицией пренебрежения законами» (94, 29.12.2001).

С развитием событий в Кабилии стало ясно, что традиционные берберские общественно-политические организации (БКД, ФСС, ОКД) из-за определенного и во многом вынужденного приспособленчества в значительной степени потеряли влияние в берберских массах. Их место занял неформальный орган самоуправления – КСДКК, который постепенно стал заменять официальные структуры местной власти. В КСДКК, как и в любой другой структуре, также выделились умеренное и радикальное крылья. Одним из лидеров последнего считается Белаид Абрика. Несмотря на внутренние противоречия, связанные с борьбой сторонников различных путей развития берберского движения, одной из реалий современного Алжира стало постоянно расту-

щее давление со стороны КСДКК на центральные власти. С началом «черной весны» и до конца октября 2001 г. штаб-квартира КСДКК размещалась в здании провинциального театра в г.Тизи-Узу.

Крайне мало информации имеется относительно источников финансирования КСДКК. Согласно некоторым данным, главными из них являются пожертвования от богатых берберов, а также регулярные сборы среди местного населения (до 1 тыс. динаров в месяц с каждого взрослого человека). Сборы средств налажены также среди берберов, проживающих вне Алжира (88, 25.10.2001).

Свою позицию КСДКК изложил в названной по месту принятия 11 июня 2001 г. «Платформе Эль-Ксар». Она содержала 15 требований:

1. Государство должно взять на себя заботу о всех раненых и родственниках погибших в ходе репрессий.

2. Гражданские суды должны рассмотреть дела всех тех, кто стрелял и отдавал приказы на применение оружия. Все они должны быть уволены из сил безопасности и администрации.

3. Каждый погибший должен получить статус шахиды; все свидетели драмы должны быть взяты под охрану государством.

4. Немедленный вывод из Кабилии жандармерии и направленных туда дополнительно сил полиции.

5. Отмена уголовного преследования участников выступлений.

6. Немедленное прекращение карательных экспедиций против населения.

7. Роспуск следственных комитетов, образованных властями.

8. Берберский язык тамазиг должен быть объявлен национальным и официальным наравне с арабским без каких-либо условий и проведения референдума.

9. Государство должно гарантировать все социально-экономические права (населения Кабилии) и демократические свободы.

10. Государство должно принять меры по борьбе против обеднения алжирского народа.

11. Демократически избранные структуры (в Кабилии) должны взять под полный контроль деятельность исполнительной власти и силовых структур.

12. Принять срочный план социально-экономического развития Кабилии.

13. Не допускать произвола со стороны властей.

14. Предоставить каждому безработному пособие, составляющее 50% от минимальной гарантируемой государством заработной платы.

15. Перенос школьных экзаменов на более поздний срок (из-за событий в Кабилии выпускные экзамены в этом регионе были сорваны – прим. авт.).

Кроме этих требований КСДКК добивался постановки под контроль местных органов власти действующих в регионе спецслужб. «Платформу» подписали представители провинций Сетиф, Бордж-Бу-Арре-

ридж, Буира, Бумердас, Бгайет, Тизи-Узу, Алжир, а также Комитета университетов Алжира.

Сразу было объявлено, что содержащиеся в «Платформе» требования не подлежат обсуждению.

Пункт 11 «Платформы», по сути, в завуалированной форме являлся требованием предоставления автономии Кабилии, по крайней мере, именно так его интерпретировали радикально настроенные берберы (96).

Главное отличие умеренных от радикалов внутри КСДКК заключается в том, что вторые требуют от властей безусловного выполнения требований, содержащихся в «Платформе Эль-Ксар», и лишь затем они готовы к переговорам. Умеренные же не исключают возможности диалога еще до выполнения «Платформы».

Очередная проба сил между алжирскими властями и КСДКК должна была состояться 5 июля 2001 г. – в день 39-й годовщины достижения Алжиром независимости. В тот день берберы вопреки запрету властей намеревались вновь провести в столице массовую манифестацию под лозунгами выполнения требований, содержавшихся в «Платформе Эль-Ксар». Однако алжирские власти сделали все возможное и невозможное с тем, чтобы сорвать акцию протеста. Автобусы, следовавшие из Кабилии в Алжир, задерживались полицейскими кордонами на дальних подступах к столице. В итоге в центре Алжира смогли собраться всего несколько сотен сторонников КСДКК.

Уже через 3 дня после сорванной манифестации вновь запыхала Кабилия. Эпицентром столкновений стал город Тизи-Узу. Участники выступлений забрасывали камнями общественные здания и жандармские участки. В свою очередь силы безопасности неоднократно применяли гранаты со слезоточивым газом. С обеих сторон имелись многочисленные раненые. В сложившейся ситуации КСДКК попытался снизить накал страстей. «Мы сказали молодежи, что являемся мирным движением. К настоящему времени в наших рядах было достаточно погибших и раненых», – заявил представитель Совета. Несмотря на этот призыв, волнения тут же распространились на Беджаию.

Во второй декаде августа 2001 г. в Кабилии возобновились выступления местного населения. В ряде мест накал столкновений доходил до того, что силы безопасности открывали огонь на поражение из стрелкового оружия. Новая вспышка выступлений во многом была вызвана действиями властей, не допустивших проведения берберской манифестации протеста против применения силы в период «черной весны» 8 августа в столице в день открытия 15-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Акции берберов были приурочены также к приезду в Тизи-Узу министра внутренних дел Алжира Язида Зерхуни, представившего 11 августа местной администрации нового вали (губернатора) провинции. По данным алжирской прессы, в условиях, когда жандармы, по всей видимости, все-таки получили

предписание воздерживаться от применения огнестрельного оружия, они начали все чаще расправляться с участниками выступлений с помощью холодного оружия. Отмечались случаи, когда после дневных столкновений жандармы в отместку совершали карательные рейды по жилищам берберов в ночное время. В самом Тизи-Узу 11 августа глава МВД Алжира в течение 2 часов не мог выехать из города, поскольку здание местной администрации оказалось блокированным участниками выступлений. Министру удалось покинуть город лишь после того, как дорогу ему расчистили с помощью слезоточивого газа (88, 12.08.2002).

20 августа 2001 г. около 100 тыс. берберов приняли участие в антиправительственной манифестации в долине Суммам близ города Беджаия. Место и время проведения этой акции были приурочены к торжествам, посвященным важной дате в истории АНДР – 45-й годовщине проведения съезда ФНО. Он прошел 20 августа 1956 г. в деревне Ифри в долине Суммам в разгар войны за независимость.

Очередная массовая акция берберов сорвала официальный праздник, и его были вынуждены перенести в другой район. Организатор шествия – КСДКК – заранее предупредил алжирские власти, что в день проведения шествия высокопоставленным алжирским чиновникам запрещается показываться в Суммаме. Подобным жестом Комитет ответил на действия властей, ранее дважды – 5 июля и 8 августа – помешавших его представителям прибыть в Алжир для участия в антиправительственных манифестациях.

По итогам манифестации 20 августа КСДКК распространил декларацию под названием «1956–2001, борьба продолжается». В ней утверждалось, что действующая в Алжире «военно-политическая система презирает народ и конфискует все его права, свободы и национальные богатства». По мнению КСДКК, действующая «коррупцированная система сделала насилие способом правления». Она «произвела негативное воздействие на алжирское общество, породив социальное неравенство и бедность, отвергнув (берберскую) идентичность». В декларации напоминалось, что участники исторического съезда в Суммаме «одобрили принцип возрождения алжирского государства в виде демократической республики, а не в форме монархии либо отжившей теократии». В декларации констатировалось, что никогда движение протеста против действующих властей не знало такого размаха. «Черная весна» дискредитировала власти, полностью оторванные от народа», – утверждалось в ней (82, 22.08.2001).

В конце августа 2001 г. в Буире прошло заседание КСДКК, по итогам которого был принят ряд важных решений. В частности, решено вновь попытаться провести массовые акции с тем, чтобы довести требования берберов до властей. Датами проведения новых акций были выбраны 5 октября и 1 ноября. Оба этих дня имеют особое значение в исторической памяти алжирцев. 5 октября 1988 г. в Алжире

вспыхнули массовые народные выступления, приведшие к завершению продолжавшейся почти 30 лет эпохи единоличного правления ФНО и появлению многопартийной системы. 1 ноября 1954 г. началась война за независимость алжирского народа против французских колонизаторов. Кроме того, КСДКК принял решение подать иск в Международный трибунал в Гааге с тем, чтобы попытаться привлечь к ответственности тех, кто отдал приказ открыть огонь против участников выступлений в Кабилии весной 2001 г. Участники заседания не смогли выработать единое решение о разворачивании в Кабилии кампании гражданского неповиновения. Против такой меры выступило умеренное крыло движения, которое к тому времени «созрело» к диалогу с властями. За проведение кампании выступили радикалы, считавшие, что смягчить свою позицию КСДКК может только в том случае, если власти согласятся удовлетворить «Платформу Эль-Ксар». За несколько недель до этого глава Алжира неоднократно пытался наладить диалог с КСДКК, или, по крайней мере, с представителями его умеренного крыла. Однако все его эмиссары просто не были допущены в Кабилию. Последняя по времени подобная попытка была предпринята накануне заседания в Буири, когда официальное информационное агентство АПС распространило заявление некоего «правительственного источника», указавшего на «возможность» диалога с КСДКК, если тот «впишется в рамки конструктивной перспективы». Это заявление прозвучало в момент, когда на местах в Кабилии государственные структуры просто перестали работать, в большинстве населенных пунктов то и дело прокатывались новые выступления, причем власти были не в состоянии воспрепятствовать им. Реалией Алжира стало то, что только присутствие в Кабилии жандармерии напоминало в этом районе о существовании государства.

Ряд событий, последовавших в начале октября 2001 г., позволил предположить, что берберская «революция», возможно, побеждает. Все началось 3 октября, когда алжирский премьер А.Бенфлис принял группу людей, представленных как делегация КСДКК. На этой встрече он сообщил, что государство решило удовлетворить большинство требований алжирских берберов. Следует отметить, что алжирские власти долгое время отказывались даже просто принять требования берберов, не говоря уже об их рассмотрении.

В распространенном в этот день в Алжире коммюнике канцелярии премьер-министра сообщалось, что реализация требований берберов начнется с выполнения главного из них – признания берберского языка тамазиг в качестве второго национального наравне с арабским. Государство на словах пообещало наказать виновных в применении силы против берберов и даже согласилось постепенно вывести жандармские войска из Кабилии. Обещано было позднее выполнить все другие требования кабилы.

При более внимательном анализе демарша властей нетрудно было заметить, что они попытались разделить требования «Платформы Эль-Ксар» на несколько частей, тем самым фактически отказавшись выполнять этот документ в целом. В первую очередь власти намеревались в той или иной мере решить лингвистические и идентификационные вопросы. Решение большинства других требований было передвинуто на неопределенную перспективу. Что касается требований юридического преследования лиц, виновных в применении силы, а также вывода из Кабилии жандармских бригад, то было сделано все, чтобы сохранить существовавшее ранее статус-кво при одновременном создании видимости некоторых подвижек, якобы направленных на их выполнение. Власти также никак не отреагировали на требования уважения прав человека и установления режима «социальной справедливости».

Позднее выяснится, что визитеры к главе правительства на самом деле никоим образом не представляли КСДКК, да и обещания властей в основной своей массе остались пустыми. Тем не менее на несколько дней алжирским властям удалось создать впечатление, что ситуация меняется. Заявление властей о принятии требований берберов фактически означало их победу в борьбе за признание своих прав. Однако оно, похоже, запоздало. Алжирские власти просто не успевали за событиями.

Анализируя расклад сил, сложившийся к тому моменту в Кабилии, алжирская газета «Суар д'Альжери» пришла к выводу, что обе стороны хотели бы сохранить сложившееся статус-кво. Для берберов поддержание ситуации в «подогретом» состоянии – лучшее средство оказания давления на власти в стремлении добиться от них еще большего. Для властей подобное положение было лучшим предлогом не торопиться с реализацией обещанного кабилам. Как писала газета, своими противоречивыми действиями и те, и другие упускали возможность для «справедливого и спасительного» решения проблемы (86, 05.10.2001).

В свою очередь арабо-националисты неоднократно выступали с утверждениями, согласно которым событиями в Кабилии якобы манипулировали извне. Такой порядок вещей они объясняли существованием некоей «планетарной стратегии атомизации», которая своим острием направлена в первую очередь против мусульманских стран (82, 04.08.2001). Некий повод для этого им дал генеральный секретарь ВКА Лунес Белькасем, побывавший осенью 2001 г. в Алжире. На одной из пресс-конференций, состоявшейся в Беджаие, он, в частности, утверждал, что «события в Кабилии стали в глазах мирового общественного мнения моделью народного восстания против несправедливости и угнетения» (5).

Вне зависимости от степени радикальности его составляющих КСДКК резко осудило предпринятые властями в конце 2001 г. попытки

найти собеседников вне Комитета для обсуждения ситуации в Кабилии среди соглашательских кругов, которые фактически никого не представляли. Их партнером на переговорах был премьер-министр Алжира Али Бенфлис, которого уполномочил А.Бутефлика. Переговорщики испытывали крайне враждебное отношение со стороны населения, которое приклеило им кличку «тайванцы». Тем не менее для взаимодействия с властью они сформировали т.н. Комитет свободных граждан (КСГ). Что касается КСДКК, то он исключил какую-либо возможность налаживания диалога с Бенфлисом до практического выполнения властями требований, содержащихся в «Платформе Эль-Ксар».

На состоявшихся в октябре 2001 г. в Алжире пресс-конференциях представители КСГ выступили с утверждениями, что обострение ситуации в Кабилии стало следствием действий радикального крыла в КСДКК, которое в их интерпретации получило ярлык «меркантильного экстремизма» (88, 27.10.2001). Они посчитали реальными обещания властей удовлетворить требования, содержащиеся в «Платформе Эль-Ксар», и высказались за диалог с ними. Последовавшие события показали, что обещания так и остались обещаниями.

Да и сами власти поняли, что на ситуацию в Кабилии может влиять КСДКК, а КСГ не имеет какого-либо авторитета. Это подтверждает заявление главы МВД Алжира Язида Зерхуни, сделанное в конце октября 2001 г. В нем он впервые признал, что КСДКК действительно представляет интересы подавляющего большинства населения Кабилии.

В то же время делегированные в состав КСДКК представители с мест по внутреннему распорядку Комитета обязаны консультироваться с делегировавшими их массами. Генеральная ассамблея городского квартала (деревни) собиралась один раз в 15 дней. Именно она всякий раз уполномочивала своего депутата представлять квартал (деревню) в КСДКК. Мандат депутата КСДКК может быть открытым (без временного ограничения) либо действующим на строго определенный период. Комитет неоднократно подчеркивал свое стремление добиться поставленных целей исключительно мирными средствами.

Параллельно с кабийским бунтом регион захлестнула волна уголовщины, которая первоначально почувствовала свою полную безнаказанность. Полицейские же с издевкой предлагали заявителям об уголовных преступлениях обращаться в КСДКК. Государство фактически демобилизовалось и самоустранилось от текущих проблем Кабилии. Поэтому в итоге Комитет был вынужден заняться и борьбой с преступностью, создав на местах своего рода охранные отряды – комитеты бдительности. Последние в случае захвата правонарушителей на месте преступления задерживали их и передавали госструктурам. Комитеты бдительности начали заниматься и административными делами.

В ряде мест деревенские комитеты оказались более радикальными, нежели даже КСДКК. Отдельные из них, например, запретили азартные игры. Другие вынесли смертные приговоры «предателям – переговор-

щикам», вступившим в диалог с властями. Их имена и тексты вынесенных приговоров украсили стены кафе и других публичных заведений.

Ситуацией вседозволенности не преминули воспользоваться и исламисты из действующей в Кабилии СГПД, которые совершили серию дерзких нападений на представителей силовых структур.

Главарь СГПД Хасан Хаттаб тут же провел «съезд» полевых командиров своей организации. В ходе бандитского собрания в лесном массиве Сиди-Али-Бунаб он поставил задачу своим подручным в максимальной степени использовать ситуацию, когда основные силы служб безопасности оказались отвлеченными на подавление беспорядков. Боевикам СГПД было предписано внедряться в ряды манифестантов, откуда открывать огонь по военнослужащим, подстрекать население к антиправительственным выступлениям и подогревать их. Эти инструкции были реализованы уже 29 апреля, когда в населенном пункте Богни двое террористов смогли проникнуть в ряды манифестантов, после чего они открыли огонь из автоматов Калашникова по полицейскому участку. Одновременно СГПД попыталась использовать события в Кабилии для вербовки новых боевиков, и более того, предложила вооружить жителей ряда деревень. Но это предложение было повсеместно категорически отвергнуто. Не стал исключением и Драа эль-Мизан – единственный населенный пункт Кабилии, проголосовавший на выборах в местные органы власти в 1990 г. за ИФС (74, 26.06.2001).

6 декабря 2001 г. состоялась встреча между премьер-министром Али Бенфлисом и группой берберов – сторонников диалога с властями. Эта встреча, равно как и ее участники, была осуждена радикальным крылом берберского движения. «Масла в огонь» подлили и власти. Задолго до встречи они делали многообещающие намеки на то, что в ходе встречи будет объявлено о выполнении ряда требований берберов. Однако этого не случилось. Таким образом, власти сами дали «зеленый свет» активизации берберских радикалов, организовавшихся в Движение за автономию Кабилии (ДАК). Одновременно в Алжире стали циркулировать слухи о появлении в горах Кабилии отрядов вооруженных берберов (94, 14.12.2001).

События, развернувшиеся в мире после терактов в США 11 сентября 2001 г., переключение мирового сообщества на борьбу с международным терроризмом, в которой важную роль играет Алжир, вынудили мировое общественное мнение на время забыть о берберской проблеме. Именно поэтому берберская интеллигенция занялась т.н. берберской дипломатией, пытаясь вновь обратить внимание мирового сообщества на то, что одновременно происходило, в частности, в Кабилии.

О создании Движения за автономию Кабилии (ДАК) было объявлено еще 5 сентября 2001 г. на митинге, состоявшемся в г.Тизи-Узу. В нем приняли участие сторонники автономии Кабилии. Лидером ДАК стал Ферхат Мхенни. Однако, по мнению наблюдателей, автономисты не являются самой многочисленной группой в берберском движении.

Подавляющее большинство кабиллов остается убежденными алжирскими националистами (74, 08.05.2001).

Ранее очевидная радикализация берберского движения в итоге подвигла алжирские власти сделать шаг, которого КСДКК добивался три долгих месяца. 24 сентября 2001 г. президент Бутефлика официально предложил КСДКК передать список своих требований представителю главы государства – премьер-министру А.Бенфлису.

Берберы тут же отвергли предложение Бутефлики. В распространенном 26 сентября в Алжире заявлении представитель КСДКК утверждал, что объявленное несколькими днями ранее согласие главы государства рассмотреть список требований кабиллов сделано слишком поздно. «Мы не собираемся встречаться с Бенфлисом, поскольку предложение властей было сделано с 5-месячным опозданием», – подчеркнул он.

Со своей стороны алжирские власти делали все возможное, чтобы расколоть берберское движение. 3 октября А.Бенфлис принял группу «тайванцев», обозначенную властями как делегация КСДКК. В ходе встречи он сообщил, что государство решило удовлетворить большинство требований алжирских берберов. В распространенном в тот же день коммюнике канцелярии премьер-министра сообщалось, что реализация требований кабиллов начнется с признания берберского языка тамазиг в качестве второго национального наравне с арабским. Государство пообещало наказать виновных в применении силы против берберов и даже согласилось постепенно вывести жандармские войска из Кабилии. Было обещано позднее выполнить и другие требования берберов.

В первый момент показалось, что амазиги добились победы. Однако на деле получилось иначе. Создалось впечатление, что власти просто добивались передышки в противостоянии с берберами. Во-первых, сделанные ими обещания в их большинстве так и не были реализованы (вплоть до момента, когда эта работа готовилась к изданию). Во-вторых, даже на словах они не вели речь об удовлетворении всех требований, чего добивался КСДКК. В-третьих, берберов не устроило обещание сделать язык тамазиг вторым национальным, поскольку кроме этого они добивались и добиваются признания за ним и статуса второго официального. Эта незначительная, на первый взгляд, юридическая тонкость на самом деле имеет большое значение для кабиллов. В-четвертых, КСДКК к тому времени просто был вынужден демонстрировать определенную радикальность с тем, чтобы перехватить инициативу у своего весьма активного конкурента – ДАК.

Уже сутки спустя после «пряника» алжирские власти применили и «кнул», запретив планировавшуюся на 5 октября 2001 г. манифестацию берберов, которую готовил КСДКК.

В тот же день ответный шаг сделал КСДКК. Он заявил, что не направлял своих представителей на переговоры с премьер-министром для рассмотрения требований, содержащихся в «Плат-

форме Эль-Ксар». Это заявление неформального представительного органа берберов внесло настоящую сумятицу в ситуацию вокруг заявления алжирских властей о готовности принять основные требования кабиллов. Неловко сработали и сами власти. Так, алжирское государственное телевидение, неоднократно сообщавшее о встрече между премьером и делегацией КСДКК, не показало ни одной «картинки» с переговоров, а также не назвало ни одного имени участников делегации Координационного совета. Подобные «детали», вернее, их полное отсутствие вынудили многих алжирцев сделать вывод, что их обманывают.

Два дня спустя по итогам экстренного заседания КСДКК Координационный совет заявил о намерении изменить стратегию антиправительственных действий, отказавшись от практики проведения мирных манифестаций и перейдя к более радикальным акциям. Речь шла, в частности, об акциях гражданского неповиновения. «Мы призваны сегодня более чем когда-либо изменить стратегию по отношению к власти и ее приспешникам», – говорилось в коммюнике КСДКК, распространенном по итогам экстренного заседания.

В конце октября 2001 г. с сенсационным заявлением выступил лидер ОКД С.Саади. Он утверждал, что некие «круги, связанные с властью», готовили покушение на него. Позднее со слов представителей ОКД выяснилось, что 7 октября пятеро неизвестных в масках похитили в г.Азага (40 км от Тизи-Узу) активиста ОКД, учителя по профессии Аменуша Амара. Его вывезли в неизвестное место, где подвергли побоям. Среди вопросов, которые задавали ему, в частности, фигурировали следующие: почему ОКД вышло из правительственной коалиции и примкнуло к КСДКК? Какие цели преследовал Саади в ходе состоявшегося незадолго до этого визита в Кабилию? Как намерено действовать ОКД в ближайшей перспективе? Почему ОКД не попыталось вмешаться в события «черной весны» в Кабилии? В заключение допроса палачи Амара заявили, что С.Саади своими действиями якобы хочет дестабилизировать обстановку в стране. Пленнику было предложено помочь похитителям физически устранить лидера ОКД. Учитывая, что Амар вхож в ближайшее окружение С.Саади, ему следовало в соответствующий момент оставить возле лидера ОКД взрывное устройство, замаскированное в пластиковый пакет. Амар отказался от сделанного ему предложения, после чего вновь подвергся побоям. Через день его в невменяемом состоянии нашли в котловане одной из строек. ОКД тут же информировало об инциденте премьер-министра и главу государства, а также посольства ряда государств в Алжире. Со своей стороны С.Саади утверждал, что этот инцидент напрямую связан с позицией ОКД относительно событий в Кабилии в апреле – мае 2001 г., после которых оно вышло из правительственной коалиции. По мнению лидера ОКД, «налицо убийцы (жандармы); их имена известны; мы требуем суда над ними; однако

власти отказываются сделать это, так как жандармы заявят, что они выполняли приказ, а это немедленно скинет маску с тех, кто заказывал эти убийства» (82, 30.10.2001).

Алжирские берберы регулярно подчеркивали свою прямую причастность к основным событиям в новейшей истории страны. 1 ноября 2001 г. КСДКК провел массовую акцию в г.Тизи-Узу, приуроченную к 47-й годовщине начала вооруженной борьбы за национальную независимость. В ней приняли участие несколько десятков тысяч человек. В населенном пункте Игиль-Имула, откуда в 1954 г. прозвучал призыв к восстанию, участники манифестации возложили цветы к памятнику погибшим за независимость. Они осудили «конфискацию независимости находящимся у власти преступным и диктаторским кланом, который обратил оружие против своего народа». Манифестанты вновь подтвердили, что список требований берберов из 15 пунктов не является предметом переговоров. Их основными лозунгами были ставшие уже традиционными «Слава нашим погибшим», «Все вместе – за большую демократию в Алжире», «Верны борьбе вчера и сегодня» (ссылка на войну за независимость – прим. авт.), «Тамазиг – национальный и официальный язык», «Нет – прощению», «Власти – убийцы».

6 декабря 2001 г. вновь «взорвался» г.Тизи-Узу. Город стал ареной ожесточенных столкновений между радикально настроенными берберами и жандармами. Выступления кабилы были приурочены к запланированной на этот день встрече между А. Бенфлисом и «тайванцами» – делегацией умеренного крыла берберского движения. Радикалы в знак протеста против проведения этой встречи попытались блокировать жандармские участки в Тизи-Узу, а также в ряде других населенных пунктов Кабилии. В ходе акции они забросали жандармов камнями. Те в ответ применили гранаты со слезоточивым газом. С обеих сторон имелись многочисленные раненые. 4 дня спустя в городке Эль-Ксар (провинция Беджаия) группы берберов атаковали комплекс зданий, где проживали полицейские и члены их семей. В ответ стражи порядка открыли «предупредительный» огонь. В результате четверо из числа нападавших получили пулевые ранения (официальные данные). По неофициальным данным, число раненых превысило 30 человек. Остальные предпочли ретироваться.

Применение силы в Эль-Ксаре дало повод лидеру ДАК Ф.Мхенни выступить с утверждением, согласно которому алжирские власти избрали репрессивный путь решения берберской проблемы. Он сравнил власти с «пироманами, которые пытаются оправдать новое море крови в регионе». От имени ДАК он призвал власти «уважать нормы демократии». «Они не смогут с помощью репрессий найти решение политической проблемы», – подчеркнул лидер ДАК (82, 11.12.2001).

Следующим заметным явлением стало выступление главы независимой комиссии по расследованию событий в Кабилии М.Иссада. По его мнению, возобновление столкновений между населением Ка-

билии и силами безопасности вызывает «большую озабоченность». Ситуация там «очень серьезная», поскольку целый регион «находится в состоянии восстания против центральной власти». Однако, утверждал Иссад, все указывает на то, что взрывоопасная обстановка может распространиться и на другие районы Алжира. Иссад опроверг информацию, согласно которой его комиссия якобы ограничится предварительным докладом. Он сообщил о продолжении работы над итоговым документом. Глава комиссии предупредил, что острота социально-экономических проблем, с которыми сталкивается страна, рискует взорвать не только берберские регионы. Среди этих проблем он назвал безработицу, нехватку жилья, произвол и обман со стороны властей, коррупцию и высокомерие чиновников.

В начале февраля 2002 г. на автодорогах в Кабилии вновь появились жандармские посты. До этого в течение почти 8 месяцев жандармы находились в т.н. карантине, блокированные в своих казармах. Возвращению жандармских постов предшествовало выступление президента Бутефлика, в котором он дал понять, что власти намерены прибегнуть к силовому варианту решения кабийской проблемы. Во избежание эксцессов с местным населением жандармские блокпосты были усилены военными. Это объяснялось ухудшением общей обстановки в регионе, в том числе активизацией действий исламистских бандформирований.

В распространенном 6 февраля в Алжире коммюнике ДАК выразило обеспокоенность вмешательством военных в «гражданский конфликт, в котором населению Кабилии противостоят политические власти страны». В нем указывалось, что участие военных было бы более понятным, если бы оно осуществлялось в регионах, где активизировалась деятельность религиозных экстремистов. ДАК напомнило, что не может быть военного решения «гражданских проблем». «Военные не могут бесконечно сопровождать жандармов с тем, чтобы прикрыть их выход за пределы казарм», – отмечалось в документе. В нем напоминалось, что армия должна защищать страну от внешней угрозы, а не участвовать «в борьбе кланов в руководстве страны».

После того, как алжирские власти провели аресты среди активистов КСДКК, 11 марта 2002 г. в Тизи-Узу с новой силой возобновились ожесточенные столкновения между берберской молодежью и жандармерией. Толпы молодых людей попытались атаковать центральный жандармский участок. В ответ против них были применены гранаты со слезоточивым газом. 12 марта президент Бутефлика намеревался принять представителей КСДКК, однако последние отказались от встречи.

Столкнувшись с отказом КСДКК идти на контакт, Бутефлика тут же вновь попытался перехватить инициативу. Выступив 12 марта с обращением к нации, он пообещал удовлетворить значительную часть требований берберов. В частности, президент пообещал закрепить в

конституции страны положение о том, что берберский язык тамазиг является вторым национальным наравне с арабским.

Подобная ситуация никоим образом не устраивала берберов, которые к тому времени не раз указывали на стремление добиться для своего языка статуса не только национального, но и официального. Кроме того, властям, если бы даже они в действительности хотели осуществить свои благие намерения, пришлось бы столкнуться в парламенте с ожесточенным сопротивлением исламистов и арабо-националистов, имевших подавляющее большинство в ННА.

Одновременно Бутефлика пообещал выполнить ряд других требований, содержащихся в «Платформе Эль-Ксар». В частности, предполагалось, что будут наказаны в судебном порядке все лица, гражданские и военные, ответственные за пролитие крови и злоупотребления, допущенные в Кабилии. Государство возьмет на себя заботу о пострадавших в результате неправомерных действий его представителей. В каждой из провинций, где компактно проживают берберы, будут разработаны специальные программы социально-экономического развития. Глава государства исключил применение силы в будущем для решения кабийского кризиса.

Несмотря на очевидные уступки со стороны властей, Бутефлика отказался удовлетворить одно из основных требований берберов, касающееся вывода из Кабилии жандармских войск. Более того, он назвал это требование «бессмысленным», мотивировав свой отказ требованиями антитеррористической борьбы.

Тем не менее уже несколько дней спустя Бутефлика в который раз был вынужден пойти на очередные уступки. 24 марта части алжирской жандармерии начали постепенный уход из Кабилии. Частичный вывод жандармских войск осуществлялся по единому плану их передислокации. В частности, из провинций Тизи-Узу и Беджаия выводились в общей сложности 7 жандармских бригад. В их отсутствие функции охраны общественного порядка были переданы полицейским спецподразделениям. Тем самым алжирские власти продемонстрировали, что они не выдержали жесткого противостояния с Кабильей.

25 марта 2002 г. как победу отметили берберы начавшийся днем ранее частичный вывод жандармских войск из ряда населенных пунктов Кабилии. В отдельных местах этого региона группы молодежи тут же захватили и подожгли казармы, по-тихому оставленные ночью их бывшими хозяевами. В некоторых районах над опустевшими зданиями были подняты берберские флаги. Население шумно отметило это важное событие на улицах деревень и городов.

Параллельно с рядом серьезных уступок, сделанных властями берберам, руководство АНДР попыталось обезглавить их движение, арестовав 18 видных активистов КСДКК, в том числе харизматическую фигуру движения – Белаида Абрику. Задержание было осуществлено 26 марта в ходе заседания Совета, проходившего в теат-

ре «Катиб Ясин» в Тизи-Узу. День спустя арестованные предстали перед прокурором Республики. Произведенные аресты сделали только одно – еще больше обострили обстановку в Кабилии. В регионе тут же с новой силой поднялась волна массовых манифестаций протеста и всеобщих забастовок.

Характерна фигура Б.Абрики. Взяв за пример для подражания образ Иисуса Христа, он в своих выступлениях был не менее радикален, чем Ф.Мхенни. «Нам противостоит прогнившая система, пораженная гангреной коррупции. Можем мы десятилетиями вести переговоры с властями, от которых тянет блевать?» – вопрошал он (74, 13.11.2001).

В течение суток число арестованных участников КСДКК от различных провинций Кабилии достигло 33 человек. Все они обвинялись в «нарушении общественного порядка и разрушении общественной собственности». В ряде населенных пунктов агенты сил безопасности совершили налеты на местные представительства КСДКК, конфисковав в них документы и оргтехнику. Оставшиеся на свободе активисты Совета перешли на нелегальное положение.

Одновременно представители властей попытались провести тайные контакты с руководством берберов, чтобы склонить их к компромиссу. 27 марта Беджаию посетили советник президента по военным вопросам, бербер по происхождению генерал Мохаммед Туати и командующий 5-м военным округом генерал Саид Бей. Кто был собеседниками высокопоставленных военных – осталось невыясненным.

В тот же день алжирские силы безопасности предприняли беспрецедентные меры с тем, чтобы сорвать марш протеста десятков тысяч берберов в Беджаие. В этом городе были арестованы десятки людей, в результате столкновений с полицией имелись многочисленные раненые. Полицейские кордоны полностью перекрыли пешеходное движение в направлении центральной части города. На подступах к центру провинции на специальных блок-постах силой были задержаны тысячи человек, направлявшихся в Беджаию для участия в манифестации. В результате вспыхнувших на блок-постах столкновений имелись многочисленные раненые.

По-разному отреагировали на события этих дней в Кабилии политические партии Алжира. Входящий в правительственную коалицию национал-консервативный ФНО поддержал действия властей. В то же время оппозиционные партии, относящие себя к демократическому лагерю, резко осудили их. В частности, ОКД призвало «все патриотические силы» и международное общественное мнение осудить «преступные попытки представить гражданское и мирное движение, развертываемое под демократическими лозунгами, в качестве угрозы для страны».

За маршем в Беджаие последовали другие массовые мероприятия. Очередная волна выступлений берберов подвигла власти пойти на новые уступки. Уже 1 апреля они инициировали законодательную

процедуру признания берберского языка тамазиг в качестве второго национального наравне с арабским.

Однако ОКД и ФСС отказались принимать участие в намеченном на 8 апреля совместном заседании двух палат алжирского парламента, на котором предполагалось обсуждение этого вопроса. По мнению этих партий, инициирование властями обсуждения данного вопроса было обусловлено прежде всего предвыборной стратегией входящих в правительственную коалицию национал-консервативных партий перед назначенными на 30 мая парламентскими выборами. Поясняя свое решение, в распространенном в Алжире коммюнике ФСС указал, что решение вопроса о берберском языке «неотделимо от политического, мирного и всеобъемлющего урегулирования кризиса», в условиях которого к тому времени уже год жила Кабилия. В свою очередь ОКД объяснила свое решение нарушениями прав человека, совершавшимися властями в Кабилии.

Тем не менее алжирский парламент на состоявшемся 8 апреля совместном заседании двух палат одобрил проект закона о внесении поправок в конституцию страны, которые придали берберскому языку тамазиг статус второго национального наравне с арабским. С этого дня статья 3 пункт «б» определила, что «тамазиг также является национальным языком». Государство обязалось «работать ради его (языка тамазиг) распространения и развития во всех лингвистических формах, используемых на национальной территории». За признание языка тамазиг в качестве второго национального было подано 482 голоса из общего числа в 514 депутатов и сенаторов, присутствовавших на заседании. Депутаты от ФСС и ОКД бойкотировали голосование.

Уже скоро стало ясно, что власти и в первую очередь президент страны ровным счетом ничего не собираются делать для того, чтобы берберский язык на деле получил статус второго национального. «Правительство ничего не предусматривает для того, чтобы развивать тамазиг, поскольку это досье находится в исключительном ведении канцелярии президента», – утверждал источник, близкий к правительству (94, 22.07.2002). Бутефлика «не отдал ни одной точной директивы на этот счет», отметил он. И это при том, что в письме к депутатам ННА от 8 апреля 2002 г. глава государства представил признание тамазиг в качестве второго национального языка не как «меру, связанную с конъюнктурой (событиями в Кабилии – прим. авт.), а как этап на пути строительства правового государства». На самом деле этот шаг имел сугубо предвыборную окраску: представить вдохновителей движения неповиновения в Кабилии в качестве лиц, единственно ответственных за продолжение бунта в этом регионе.

Незадолго до назначенных на 30 мая 2002 г. парламентских выборов все без исключения берберские общественно-политические организации проявили дотоле несвойственную им солидарность и призвали своих сторонников бойкотировать плебисцит.

Последней по времени к стану «отказников» из числа проберберских партий примкнула троцкистская Партия трудящихся (ПТ) Луизы Ханун. Одновременно она же выступила с рядом серьезных заявлений, касающихся ситуации в Кабилии. «ПТ должна участвовать в этих выборах, – заявила Л.Ханун. – Однако она сделает это только с Кабилией. В противном случае она откажется от участия в выборах». Она полагала, что голосование должно быть перенесено на более поздние сроки.

По логике Л.Ханун, целью неких «центров принятия решений» являлось проведение выборов без Кабилии любой ценой с тем, чтобы спровоцировать взрыв в регионе. По ее мнению, действия этих «центров», заказавших репрессии в Кабилии, выполняются в соответствии с американскими интересами. Она утверждала, что американцы закроют глаза на то, что происходит в Кабилии, а в ответ Алжир не будет возражать, если американские войска примут участие в операции против действующих в этом регионе формирований Салафистской группы проповеди и джихада (СГПД). Последняя организация была включена в список основных целей Пентагона после событий 11 сентября 2001 года.

Как считала Л.Ханун, подобное развитие событий отвечает американским интересам и в плане установления нового глобального экономического порядка. Она привела несколько примеров, согласно которым самые высокопоставленные представители американской администрации являются акционерами ряда западных нефтедобывающих компаний, успешно внедрившихся за последнее время в Алжире.

Несмотря на прозвучавший 19 апреля призыв президента АНДР А.Бутефлики ко всем алжирцам принять активное участие в намеченных на 30 мая парламентских выборах, алжирские берберы не отказались от намерения бойкотировать голосование. В Кабилии предвыборная кампания находилась в состоянии паралича. Эмиссары от политпартий, решивших участвовать в выборах, не осмеливались даже появляться в этом районе, к тому времени уже свыше года жившем в условиях фактического бунта против центральных властей. Подобная позиция берберов в первую очередь была связана с тем, что алжирские власти так и не удовлетворили все их 15 требований, выдвинутых годом ранее.

Нельзя сказать, что алжирские власти, пусть и со значительной задержкой, не попытались частично удовлетворить требования населения Кабилии. Однако именно эта половинчатость не устроила берберов, а также их общественно-политические организации. Они фактически блокировали избирательную кампанию. В городах и селах Кабилии стены общественных зданий были увешаны не портретами кандидатов и их программами, а лозунгами, враждебными по отношению к центральным властям. В них сравнивали ситуацию в Кабилии со второй интифадой в Палестине. Арабы, как все чаще полагали берберы, сами виновны в попрании их прав на культурную самобыт-

ность. В частности, в этот период новым явлением в Кабилии стали достаточно нередкие и в немалой степени провокационные здравицы: «Да здравствует Шарон, долой Бутефлику».

Алжирские власти стремились всеми силами не допустить, чтобы информация о событиях в Кабилии стала известна мировой общественности. За несколько дней до голосования были запрещены поездки в регион иностранным журналистам, прибывшим в страну для освещения парламентских выборов. Как было сообщено в распространенной в Алжире декларации представителей 16 зарубежных СМИ, о запрете на поездки в Кабилию журналисты были уведомлены министерством информации АНДР. Подписавшие документ журналисты заявили «протест против сложившегося положения вещей». Они потребовали от властей дать им возможность осуществлять свой профессиональный долг на всей территории Алжира. «В нынешней ситуации для нас представляется невозможным обеспечить корректное освещение этих выборов», – предупредили журналисты.

В день выборов в Кабилии голосование было фактически сорвано. В нем участвовало менее 3% населения. Как сообщил выступивший по национальному телевидению министр внутренних дел страны Я.Зерхуни, в ряде мест власти были вынуждены сами закрыть избирательные участки, поскольку бойкотирующие выборы активисты различных берберских общественно-политических организаций создали реальную угрозу для жизни персонала избирательных участков, а также многочисленных избирателей. Так, в провинции Тизи-Узу были закрыты 705 из 880 участков, в Беджаие – 455 из 488.

Выборы подтвердили изменение общей ситуации в Кабилии. Если раньше население деревень региона составляли главным образом женщины, дети и старики (мужчины, как правило, отправлялись в города на заработки), то теперь дала о себе знать «мужская» часть населения, увеличившаяся за счет галопирующей в стране безработицы. Картину дополняло недовольство существующими порядками влиятельной кабилской буржуазии.

21 июля 2002 г. премьер-министр АНДР А.Бенфлис вновь призвал к диалогу КСДКК. Представляя программу своего правительства перед депутатами ННА, премьер высказался за придание такому диалогу динамики, которая привела бы к «окончательному решению стоящей слишком долго» проблемы Кабилии.

Этот призыв Бенфлиса к берберам начать диалог с властями стал вторым всего за два месяца. Первый прозвучал в начале июня сразу после того, как ему вновь поручили сформировать правительство АНДР.

КСДКК тут же отверг призыв Бенфлиса. По мнению руководства этой структуры, сначала алжирские власти должны были освободить большую группу активистов Движения, арестованных 4 месяцами ранее.

Произведенная властями в октябре 2002 г. вторая волна арестов активистов берберского движения, а также общая усталость населе-

ния от полутора лет восстания привели к расколу в рядах КСДКК. Действовавшие ранее как составные части КСДКК Координационные советы Тизи-Узу и Беджаии стали действовать разобщенно, что сразу же сказалось на интенсивности выступлений населения. Кабилы даже не смогли воспрепятствовать началу функционирования новых местных органов власти, хотя в подавляющем своем большинстве бойкотировали их избрание. Несмотря на раскольническую позицию ФСС, в Тизи-Узу в выборах приняло участие всего 7,6% избирателей, в Беджаие – 15,6%. Согласно официальным данным, общий показатель участия в выборах по стране в целом составил 50,11%.

В июне 2003 г., два с лишним года спустя после того, как разразился кабийский кризис, власти вновь (к тому времени правительство Алжира опять возглавил Ахмед Уяхья) сделали предложение КСДКК сесть за стол переговоров. Решение о том, как ответить на этот призыв, принималось на заседании руководства КСДКК, прошедшем 26–27 июня в г.Амизур (Беджаия). В ходе заседания вновь столкнулись сторонники диалога, выступавшие за переговоры без каких-либо условий, и «радикалы», которые в качестве предварительного условия начала переговоров требовали выполнения властями положений «Программы Эль-Ксар».

Несмотря на подобную ситуацию, КСДКК впервые принял сам принцип переговоров. Со своей стороны власти хотели бы во что бы то ни стало разрешить кабийский кризис до назначенных на 2004 г. президентских выборов. Для оппонентов настало время прагматизма, что подразумевало их готовность к компромиссам.

По логике лидера КСДКК Белаида Абрики (он был освобожден 10 июня 2003 года после 8 месяцев тюрьмы), власти должны были официально признать обоснованность требований, содержащихся в Программе. Что касается выполнения положений этого документа, то одни из них могли быть выполнены немедленно, другие – по прошествии какого-то времени. Это, в частности, касалось 11 пункта Программы, в котором содержалось требование поставить под контроль местных органов власти административный аппарат и службы безопасности в Кабилии.

В начале августа 2003 г. Координационные советы трех основных провинций Кабилии (Тизи-Узу, Беджаии и Буиры) дали понять, что готовы к диалогу с властями, выставив при этом ряд условий. Тем самым они положительно ответили на майские предложения главы правительства Ахмеда Уяхьи, первоначально отвергнутые, и июльский призыв президента Бутефлики. Своими инициативами власти заявили о готовности реализовать требования, содержащиеся в Платформе Эль-Ксар во всем, «что не наносит ущерба единству алжирского народа и территориальной целостности Алжира».

В целом события в Кабилии ознаменовали начало нового этапа борьбы алжирских берберов за признание их прав. Они стали катализатором объединительного процесса в берберском движении, хотя

разногласия между его отдельными отрядами сохранились. Одним из важнейших итогов восстания стало вхождение в берберское движение нового поколения борцов, для которых единственным путем достижения своих требований является силовой. Последнее обстоятельство сразу вынудило предположить, что «берберский взрыв» может повториться в любой момент, но уже на совершенно другом качественном уровне.

Как считают эксперты проекта «Северная Африка» аналитической Международной кризисной группы (Ай-Си-Джи), основной причиной кризиса в Кабилии стал дефицит демократии и репрессивный характер алжирского режима. Плохая работа системы политического представительства привела к тому, что у алжирцев не осталось другого способа заставить власти услышать себя, кроме как прибегнуть к массовым выступлениям, аналогичным происшедшему в Кабилии. Другая причина связана отнюдь не с идентификационными требованиями берберов, а со слабостью гражданского крыла алжирской политической элиты по сравнению с военным крылом. Следствием этой ситуации является то, что «министры, в том числе глава государства, не располагают необходимой властью для решения важных политических вопросов», считает Хьюг Робертс, директор проекта «Северная Африка Ай-Си-Джи» (94, 12.06.2003).

По оценке представителей берберского движения, оно «через «Платформу Эль-Ксар» сделало все для того, чтобы спасти Алжир; со своей стороны власти сделали все возможное для того, чтобы спасти систему» (94, 20.12.2001).

Очевидно, что сиюминутные причины (случайная(?) смерть лицаиста в жандармском участке и другие) не могли вызвать берберского взрыва такого размаха. Он стал возможным из-за совпадения ряда глубинных причин и внешних факторов. К первой группе необходимо отнести сложные отношения между населением Кабилии и алжирскими силовыми структурами, что стало следствием общего негативного отношения алжирских властей к этому региону. Ко второй группе, согласно представителю БКН-национальные комиссии Джамелю Зенати, необходимо отнести «стратегию манипуляции массами, разработанную с целью выведения из равновесия баланса сил между различными кланами, близкими к власти» (82, 25.04.2001). Здесь следует вспомнить выдвинутую выше гипотезу о готовившейся отставке главы военной разведки (прим. авт.). По данным Д.Зенати, незадолго до событий, связанных с берберским взрывом, в берберское движение внедрились агенты всех кланов, дабы попытаться канализировать недовольство населения в необходимом им направлении. Такая точка зрения во многом совпала с позицией ФСС относительно «берберского взрыва».

Согласно этой партии, «нет никаких сомнений в том, что определенные кланы вмешались (в события в Кабилии) с тем, чтобы погрузить регион в пучину хаоса» (82, 25.04.2001).

Тем не менее необходимо признать, что до «черной весны» Алжир никогда со времени достижения независимости не сталкивался с народным движением подобного размаха. Движением, которое охватило все социальные группы общества. Движением политического, социального и культурного протеста. Причем можно с достаточно высокой степенью уверенности утверждать, что это движение никоим образом не манипулировалось какими-либо силами вне или внутри Алжира, а стало продолжением борьбы алжирцев за демократизацию общества.

«Черная весна» вызвала появление новой формы организованной борьбы, каковой предстал КСДКК. Появление структуры, резко отличавшейся от традиционных застывших в своем развитии политических партий, вызвало настоящий шок в правящей элите и кардинально изменило соотношение сил в стране. Власти сразу узрели в КСДКК своего главного противника. Вне зависимости от того, какое будущее ждет КСДКК, одно его появление ознаменовало огромный шаг алжирского общества вперед, к демократии.

В то же время события показали, что КСДКК все же больше имеет региональное значение, нежели национальное, общеалжирское. После «черной весны», когда волнения охватили около 20 вилай преимущественно с арабским населением, на местах нигде не удалось создать структуры, аналогичные кабийским. Эти же события подтвердили настоятельную необходимость интеллектуализации берберского движения путем выдвигания из его недр теоретиков, способных повести за собой массы.

Еще одной чертой КСДКК при всей его демократической направленности стал консерватизм. Движение отказалось интегрировать в свои ряды городские социальные силы – профсоюзы и ассоциации современного типа. Оно предпочло строиться по месту жительства, его базовыми ячейками стали деревни с их преимущественно консервативной социальной базой. Именно это обстоятельство помешало движению распространиться за пределы Кабилии на другие регионы. Оно же отторгло от себя женщин, которые, кстати, принимали весьма активное участие в массовых акциях в период разветывания берберского движения. Принцип горизонтальности, заложенный в структурное строение КСДКК, сыграл с движением еще одну злую шутку. Данный принцип исключает появление лидера в его современном понимании. В итоге КСДКК оказался без того человека, за которым могли бы пойти люди. В то же время алжирские СМИ самостоятельно выделили в Совете – и достаточно произвольно – неформальных лидеров. Это сразу же обострило ситуацию

внутри КСДКК, так как между этими «лидерами» тут же развернулась борьба за сферы влияния.

Представляется тем не менее, что берберское движение в Кабилии получит дальнейшее развитие, поскольку власти, действуя согласно логике маневрирования, берут на себя обязательства только на словах (в частности, это касается конституционализации языка тамазиг и выполнения ряда требований из «Платформы Эль-Ксар») при том, что на деле ситуация не меняется. В то же время обречены на поражение как власти, пытающиеся противопоставить друг другу две составляющие алжирского общества, так и фактически действующие с ними в одной связке берберские автономисты, поскольку алжирская нация уже не раз доказывала свою зрелость, когда речь шла о сохранении ее единства.

Одной из особенностей Кабилии стало то, что этот регион превратился в поставщика сотен тысяч рабочих для Европы и, в частности, Франции, а также для других районов собственно Алжира. Дело в том, что в Малой Кабилии единственным значительным местом деловой активности является порт Беджаия с его нефтяным терминалом, несколькими предприятиями пищевой и текстильной промышленности. Что касается Большой Кабилии, то имевшиеся там несколько предприятий обрабатывающей и электромеханической промышленности в последние два десятилетия боролись за выживание в связи с общим кризисом, охватившим экономику Алжира. Эти предприятия не только не смогли ответить на быстро возрастающий спрос на рабочие места, но были вынуждены увольнять сотни рабочих, чтобы не разориться. События «черной весны» также оказали негативное воздействие на очаги экономической активности в Кабилии, возникшие было в этом регионе благодаря частным инвестициям. Все это привело к тому, что при общей оценочной численности берберов в Алжире в 8 млн. человек (5 млн. из них – кабилы) они составили до 80% от 3-миллионной армии алжирских иммигрантов в Европе. Сотни тысяч берберов обособились в других регионах Алжира. Выходцы из региона стали преобладающими в среде коммерсантов и ремесленников в таких больших городах, как Алжир, Оран, Константина, Аннаба. Они составили значительную прослойку в администрации. Тема иммиграции заняла одно из центральных мест в берберской литературе, а также в песнях этого региона. И сегодня Кабия живет во многом благодаря денежным переводам, направляемым на родину иммигрантами из Франции и других стран Европы.

Одним из итогов кабийского кризиса стало быстрое падение популярности в Кабилии двух проберберских партий – ОКД и ФСС. Население разочаровалось в традиционных партиях из-за их неспособности обеспечить эффективное политическое представительство берберов. Кабилы ставят в вину этим партиям то, что в борьбе между собой они ослабили друг друга и забыли об интересах населения. Кроме того,

недовольство этими двумя партиями было вызвано и тем, что они предпочли больше заниматься исламизмом и ситуацией в плане безопасности, нежели прислушаться к чаяниям населения Кабилии.

Общественно-политические организации алжирских берберов

Культурное движение амазиг (КДА) в отличие от преимущественно кабийского БКД было создано интеллигенцией шавийя. Его создание отразило многообразие берберского движения в Алжире.

Движение за автономию Кабилии (ДАК) возникло сразу после «черной весны». По некоторым данным, оно стало официальной частью радикального и нелегального Движения за свободную Кабилию (ДСК) (82, 24.10.2001). Впервые о создании ДАК было объявлено на митинге сторонников автономии региона, состоявшемся 5 сентября 2001 г. в г.Тизи-Узу. Объявивший в тот день о создании ДАК один из лидеров алжирских берберов певец Ф.Мхенни сообщил о планах проведения учредительного съезда Движения. Его целью была объявлена разработка и внедрение механизмов, которые должны были позволить Кабилии получить автономию. Учредители ДАК подчеркивали, что они никоим образом не покушались на единство Алжира. «Алжир останется нашей общей страной, – подчеркнул Мхенни. – Как только автономия будет достигнута, вопросами местного самоуправления займутся региональные правительство и парламент. Центральным властям будут делегированы вопросы национальной обороны и внешней политики, а также эмиссия денег» (88, 06.09.2001).

Было объявлено, что ДАК открыто для «всех живых сил Кабилии, которые хотят бороться в поддержку идеи автономии региона». Движение изначально декларировало, что в своих действиях намерено руководствоваться «всеобщими принципами терпимости и уважения прав человека». Самому себе оно дало характеристику «демократического и мирного». Единственной целью ДАК было провозглашено достижение автономии Кабилии. После реализации этой цели оно должно будет самораспуститься, пока же ДАК намеревалось продолжать кампанию гражданского неповиновения, а также бойкотировать любые выборы вплоть до проведения «регионального референдума в поддержку автономии Кабилии».

В отношении собственно Кабилии теоретики ДАК высказывали мнение, что специфичность населяющих этот регион людей обусловлена общностью территории, языка, культуры, исторической памяти, мифов, а также институтов местного самоуправления.

Предполагалось, что правительство автономной Кабилии займется, в частности, вопросами внутренней безопасности, экономики, культуры и образования. Планируется сформировать собственную «службу гражданской безопасности» под началом министра внутренних дел автономной Кабилии. Как утверждал Ф.Мхенни, Кабия будет вносить свой вклад в сбор налогов в соответствии с численно-

стью населения. В то же время она намерена добиваться своей доли и от доходов, получаемых страной от экспорта углеводородов.

ДАК намеревалось объявить официальным языком в регионе берберский язык тамазиг. Его же предполагалось сделать основным, изучаемым в школах. Остальные «иностранные языки» будут изучаться в соответствии с запросами населения. Ф.Мхенни при этом не уточнил, какое место в системе образования ДАК уготовило арабскому языку. Впрочем, в других программных заявлениях ДАК утверждалось, что система образования автономной Кабилии должна служить прогрессу, развитию науки, модернизму, быть открытой для других. Она должна отвергнуть каноны арабизации, исламизации и нетерпимости.

Позднее Мхенни скажет: «Когда Кабилия станет автономной, арабский язык больше не будут преподавать в школах. Кабийские дети будут учить тамазиг. Современные технологии они будут осваивать на французском или английском».

ДАК предполагало в случае достижения автономии отказаться от традиционного административного деления на коммуны. Первичной ячейкой оно предполагало сделать деревню.

«Мы не говорим, что намерены разделить страну. Мы остаемся в Алжире, однако будем сами заниматься своими делами. Кабилия располагает огромным человеческим потенциалом. Богатства создаст человек, а не наоборот. Мы – пацифисты. Мы хотим и мы будем стремиться получить автономию... После того, как Кабилия станет автономной, она останется братской и открытой для всех алжирцев», – заявил Ф.Мхенни.

Как и в других случаях, связанных с событиями в Кабилии, реакция властей на создание ДАК не отличалась поспешностью, и более того, можно утверждать, что она просто запоздала.

Несколько дней спустя после объявления о создании ДАК его лидер Ф.Мхенни в одном из интервью подробно изложил программу Движения. По мнению Мхенни, в течение 40 лет независимого развития Алжира единственной целью политики властей в области образования была арабизация Кабилии и отрыв населения этого региона от его корней – берберского языка тамазиг. После достижения автономии ДАК намерено объявить берберский язык национальным и официальным языком этого региона. Арабскому языку отводится роль второго языка, необходимого для осуществления контактов на национальном уровне. ДАК признает, что существуют области современных знаний, например, информатика, где берберский язык не может применяться. В подобных случаях планируется использовать другие языки, в частности французский. Статус самой широкой автономии позволит Кабилии обзавестись собственными исполнительной и законодательной ветвями власти. В исключительную компетенцию местного населения будут отданы вопросы безопасности и образования.

Говоря про экономическое положение Кабилии, Мхенни утверждал, что с 1980 г. этот регион «не получил ни одного динара государственных инвестиций за исключением строительства зданий для жандармских бригад». По его данным, Кабия является самым крупным донором госбюджета по сравнению с другими регионами страны. Она на 100% обеспечивает сама себя, в то время как другие регионы делают это в лучшем случае на 25%. В 2000 г. кабийские провинции Тизи-Узу и Беджаия передали в казну 18 млрд. динаров, получив взамен по 300 млн. на каждую. В этой связи ДАК считает, что 50% от сбора налогов должно оставаться в регионе и только половина – поступать центральным властям. Мхенни обвинил власти в том, что они в ряде случаев перенацеливали потенциальных инвесторов от Кабии на другие регионы. «Если Кабия не является самым бедным регионом страны, то это произошло отнюдь не благодаря государству. Это случилось благодаря иммиграции и динамичности ее населения», – утверждал Мхенни.

Лидер ДАК очертил географические рамки планируемой автономии. По его нарезке, в ее состав должны войти территории, находящиеся в настоящее время в составе провинций Тизи-Узу и Беджаия, частично – Буира, а также ряд районов, относящихся к провинциям Бу-Мердас, Джиджелли, Сетиф и Бордж-Бу-Ареридж, то есть примерно – территория «вилаи номер 3» времен войны за национальную независимость. Он признал существование в Тизи-Узу и Беджаие ряда араговорящих зон, которые «имеют право» отказаться от вхождения в автономию. По мнению Мхенни, возможность высказать свое отношение к автономии должны иметь все без исключения жители Кабии.

Возвращаясь к истории движения за независимость Алжира, Мхенни утверждал, что с момента его развертывания в 1926 г. в нем участвовали главным образом кабилы. Они же составили основу вооруженных отрядов движения. Тем не менее кабилы вовсе не преобладали в руководящих структурах движения. Так, в 1949 г. из 14 тысяч активистов ПАН 11 тысяч были кабилы, в то же время в ЦК партии их представлял всего 1 человек. «Колониализм всегда играл на противопоставлении арабов и кабилов. То же делали и те, кто оказался у власти после достижения независимости. Их арабо-мусульманская идеология заставляла верить, что Кабия представляет собой угрозу для национального единства и монолитности арабской нации», – подчеркивал Мхенни.

Говоря о народном восстании в октябре 1988 г., вынудившем власти отказаться от однопартийной системы, Мхенни утверждал, что оно «манипулировалось властями, которые попытались свести счеты между различными кланами с помощью социального бунта».

Лидер ДАК высказался за будущее федеративное устройство Алжира, подчеркнув, что вслед за Кабией такой же путь к автономии могут проделать другие регионы страны. Согласно его данным, к

началу ноября 2001 г. ДАК обзавелось временными структурами на местах и шло к своему первому съезду. До его созыва сторонники Движения планировали выступить с Манифестом за автономию. Они не исключали проведения соответствующего референдума в случае, если к достижению автономии не приведет переговорный процесс с центральными властями.

В начале января 2002 г. лидер ДАК Ф.Мхенни обратился с письмом в Комитет ООН по социально-экономическим и культурным правам автохтонных народов, в котором предложил этой структуре потребовать от Алжира «полного уважения международных конвенций с тем, чтобы обеспечить приоритет международного права над национальным».

По оценке лидера ДАК, Кабилия требует «с 5 июня 2001 г. предоставить ей статус широкой автономии по отношению к центральным властям», поскольку этот регион «живет в условиях репрессий почти 40 лет». Подобная ситуация, отметил Мхенни, «противоречит всем международным конвенциям, ратифицированным Алжиром».

Согласно другой оценке Мхенни, Алжир уже в течение 10 лет живет в условиях «постоянного траура». Основная причина этого – насилие со стороны «исламистов и государства». Лидер ДАК подчеркивал, что Кабилия является жертвой отрицания ее идентичной и лингвистической специфичности, а также экономического саботажа со стороны властей.

Второе лицо в ДАК Абдеслям Абденнур утверждал: «Сосуществование между кабилами и арабами невозможно. У нас нет никаких родственных связей с арабами. Ничего общего. У нас нет ни общей идентичности, ни одной культуры, ни общего взгляда на положение вещей. Арабы не воспринимают современный мир. Они руководствуются обскурантистскими идеями, основанными на исламе, который они практикуют в его наиболее догматичной форме, в то время как кабилы продвигают идеи гуманизма».

Лидер ДАК всецело поддерживал акции КСДКК. По его мнению, «все действия Совета ведут к автономии Кабилии», а значит, отвечают интересам его Движения (6). В декабре 2002 г. он заявил о готовности вести переговоры с КСДКК по перспективам берберского движения. «Если действия КСДКК будут отвечать нашим чаяниям, мы согласимся, чтобы Совет возглавил борьбу. Но если мы увидим, что Совет отказывается от борьбы, ДАК возьмет всю ответственность на себя и призовет население (Кабилии) к широкомасштабным акциям. Говоря это, мы вновь повторяем, что выступаем за единство действий кабилов», – говорил он (96).

ДАК, как и абсолютное большинство берберских общественно-политических организаций, призвало к бойкоту выборов в местные органы власти (октябрь 2002 г.). Одновременно Движение резко осудило ФСС, принявший решение участвовать в плебисците. По мне-

нию Ф.Мхенни, «позиция ФСС была самоубийственной и одновременно антикабийской». В то же время он исключил возможность «столкновения между кабиями» (88, 01.09.2002).

После того, как в Кабии были фактически сорваны выборы в местные органы власти, проводившиеся в Алжире 10 октября 2002 г., Ф.Мхенни выступил за формирование «новой системы местных органов власти в Кабии». По его мнению, основой подобной системы должны были стать «коммунальные комитеты», в составе делегированных представителей деревенских комитетов. Бюджеты коммунальных комитетов предполагалось создать путем ежемесячного взимания 10 динаров с каждого жителя коммуны. По сути дела, речь шла о полном и окончательном вытеснении государственных местных органов власти. По оценке Мхенни, «автономная Кабия сделает более счастливым Алжир и всю Африку».

После выборов Ф.Мхенни выступил с заявлением, согласно которому «только референдум в Кабии по вопросу о региональной автономии, проведение которого необходимо осуществить максимум в течение 1 года, позволит разрешить кризис и, кроме того, гарантировать стабильность для всей страны». При этом у лидера ДАК не было никаких иллюзий относительно трудности достижения поставленной цели, поскольку «остальные регионы приняли исламо-баасистскую идеологию, а Кабия – нет» (82, 17.10.2002).

В начале 2003 г. Ф.Мхенни обвинил алжирские власти в упертости во имя сохранения существовавшего статус-кво, которое ведет страну к хаосу. Он называл алжирских лидеров, запятнавших себя пролитием крови в Кабии, «объективными союзниками У.бен Ладена и его камикадзе». «Мы хотели бы привлечь внимание Запада к тому, что этот режим является частью того мира, который получил название государств-изгоев», – утверждал он (82, 31.12.2002).

ДАК выступает против самого понятия «Союз арабского Магриба (САМ)», поскольку, по взглядам идеологов Движения, этот Союз построен на расистских принципах. Из него исключены другие группы населения региона. По взглядам идеологов ДАК, «этот экстремизм поддерживается теми, кто находится у власти, а именно – исламо-баасистами, отвергающими всех тех, кто не разделяет их идеологию» (82, 15.07.2001). «В настоящее время существуют два Магриба. Первый Магриб – народный, многоэтнический, где всегда сосуществовали и жили вместе разные народы. Второй Магриб – политический, который базируется на идеологии национальной исключительности и который не признает другие составляющие многоэтнического Магриба. Эта исключительность проявляется через насилие со стороны различных исламистских движений, которые являют собой лишь видимую часть айсберга», – утверждают идеологи ДАК.

В отличие от арабо-исламских официальных властей Алжира, взявших для себя в качестве модели пример некоторых стран Маш-

рика, Мхенни всегда заявлял, что для него образцом является западное общество и культивируемые им ценности (96).

Примечательна фигура лидера автономистов. В 2002 г. ему исполнился 51 год. Первоначально известность Мхенни принесла не политика, а его творчество. Он начал петь под гитару и писать тексты песен в 1971 г. Изначально его творчество было весьма политизированным. По словам самого Мхенни, если для большинства людей пение есть чисто культурный акт, для него оно является прежде всего действием политическим. Его творчество быстро стало мешать властям. Уже в 1984 г. ему были запрещены публичные выступления, а также выезд за границу. В 1989 г. сразу после создания ОКД Мхенни принял решение сменить гитару на политику и в последовавшие затем годы проделал путь от рядового партийного активиста до лидера автономистов. Тем не менее он не отказался полностью от творчества.

В начале сентября 2002 г. Мхенни – его берберский артистический псевдоним Имула – выпустил диск под названием «За Кабилию». Как и все творчество певца, эта работа очень политизирована. В песнях утверждается, что берберы подвергаются «лингвистической, культурной и этнической сегрегации». «Мы пережили апартеид, который практиковали наши правящие элиты за редким исключением в угоду арабо-ис-ламистам». В 1994 г., когда исламисты похитили его коллегу по творчеству Лунеса Матуба, именно Мхенни составил известное коммюнике с требованием освободить певца, пригрозив исламистам в противном случае развязать против них тотальную войну. В том же году волею случая он оказался на борту именно того самолета, который угнали воздушные пираты из ВИГ, в намерения которых входил взрыв авиалайнера над Парижем. Как отмечает сам певец, автономистские настроения возникли у него под влиянием гибели его коллеги – Л.Матуба.

Необходимо отметить, что автономистские настроения в Кабилии родились отнюдь не с появлением ДАК, а намного раньше. Просто в последние 15 лет они получили мощный импульс в связи с неспособностью традиционных проберберских партий обеспечить эффективное участие кабиллов в политической жизни страны.

Удивительно то, что в целом пока мало людей пошло за Мхенни. Тем не менее свою определенную роль ДАК сыграло – одно его появление во многом воспрепятствовало КСДКК распространить свое влияние за пределы Кабилии. Тем не менее в долгосрочной перспективе автономистские настроения имеют определенную перспективу, особенно в случае, если власти ничего не предпримут для решения проблем региона.

На политической арене Алжира практически с момента легализации многопартийности в 1989 г. представлены несколько проберберских партий. Наиболее влиятельными из них являются Фронт социалистических сил (ФСС) и Объединение за культуру и демократию (ОКД).

ФСС относит себя к демократическому полюсу. Фронт был основан еще в 1963 г. Хосином Аит Ахмедом в качестве военно-политического движения с задачей вооруженной борьбы против режима А.бен Беллы. В 1989 г. был легализован как политическая партия. Относит себя к левому крылу, является участником Социалистического Интернационала.

ФСС достаточно удачно выступил на первых многопартийных парламентских выборах, проводившихся в декабре 1991 г. Тогда в ходе 1-го тура голосования победу одержал ИФС. За исламистов проголосовали 3,2 млн. человек, и они получили 186 мест в Национальной народной ассамблее (ННА). Несовершенство алжирского избирательного законодательства того периода привело к тому, что занявший второе место ФСС получил всего 26 мандатов, хотя за него проголосовали 1,6 млн. избирателей (10, с.20). Второй тур выборов не состоялся из-за драматических событий, связанных с отстранением от власти Шадли Бенджедида и приходом к руководству страной Высшего государственного совета (ВГС).

В ННА созыва 1997 г. Фронт имел 19 мест. Парламентские выборы 2002 г. он бойкотировал. Председатель – Хосин Аит Ахмед. Проживает в эмиграции в Швейцарии. Первый секретарь – Али Кербуа. Глава парламентской фракции – Мустафа Бухадеф.

Объявив своей целью борьбу за «чистую» демократию, ФСС, начиная с момента прихода Высшего государственного совета (ВГС) к власти в январе 1992 г., по ряду внутриапжирских проблем нередко занимал позиции, близкие или совпадающие с точкой зрения запрещенного ИФС. Руководство Фронта неоднократно выступало за поиск путей выхода Алжира из кризиса через переговоры с привлечением к ним лидеров ИФС. ФСС осудил приход к власти ВГС, назвав отстранение Бенджедида «политикой свершившихся фактов». «Настоящим государственным переворотом, если не переворотом по форме, то по существу», назвал отставку Ш.Бенджедида генсек ФСС Х.Аит Ахмед. Столь же негативной была реакция Фронта и на последующие действия властей. В распространенном 23 января 1992 г. коммюнике ФСС отказался признать «законность любого органа, связанного с Высшим советом национальной безопасности». В документе подчеркивалось, что позиция этой партии сводится к «двойному отказу от республики интегрисов и от полицейского государства» (10, с.20).

По мнению лидеров партии, «путь к согласию и гражданскому миру должен проходить через возвращение к законному избирательному процессу» (48, с.146). Понятно, что последнее означало фактическое узаконивание победы ИФС на парламентских выборах. Именно по инициативе Х.Аит Ахмеда через неделю после прерывания избирательного процесса была созвана встреча лидеров ФСС, ИФС и ФНО, которые осудили происшедший «государственный переворот».

В марте 1992 г. ФСС пошел еще дальше. Он осудил решение властей распустить ИФС. Некоторое время спустя ФСС выступил с пред-

ложением «сделать 5 июля (день независимости – прим. авт.) днем национального примирения между народом и историей, между гражданином и солдатом, между реальными силами общества» (48, с.165). Понятно, что под последними подразумевались ИФС и ФСС.

В том же месяце исполком ФСС выступил с заявлением, в котором призвал сформировать переходное правительство, состоящее из «неподкупных» людей. В документе подчеркивалось, что, «прикрываясь репрессиями и чрезвычайным положением, власти стремятся обрести законность и предать забвению прерванный демократический процесс». Позднее ФСС принял в штыки инициативу М.Будиафа, предложившего создать так называемое Национальное патриотическое объединение (НПО), замышлявшееся как инструмент объединения сил, поддержавших ВГС. Требования, содержащиеся в заявлении ФСС, во многом совпадали с позицией ИФС того времени. Так, в нем выражалось мнение, что власти, пользуясь чрезвычайным положением, «стремятся задушить демократическую оппозицию и всю политическую жизнь в стране» (10, с.21).

Независимая алжирская пресса неоднократно резко критиковала лидера ФСС, называя его «исполнителем и проводником исламо-интергистской стратегии», превратившимся в рупор лидера ИФС Аббаса Мадани – «духовного отца» терроризма (75, 04.09.1997).

ФСС находился в устойчивой оппозиции к властям вне зависимости от того, кто занимал верхнюю ступень иерархии власти. При этом Фронт выступал за «чистую» демократию, не видя, что она может позволить прийти к власти ее злейшим врагам – исламистам. В частности, весной 1998 г. лидер партии Х.Аит Ахмед заявил, что вопреки утверждениям правящего в АНДР режима, Алжир не находится на переходном этапе к демократии. Напротив, проходящий в нем процесс «нормализации» осуществляется как тоталитарный.

Х.Аит Ахмед негативно отзывался о курсе алжирского руководства на вооружение населения в связи с кампанией террора, развязанной радикальными исламистами. По его мнению, «милитаризация общества является предтечей всеобщей гражданской войны, обрекающей противостоящие группировки на самоуничтожение». Раздача оружия населению, считал лидер ФСС, стала признанием поражения государства.

Вопреки активному участию двух легальных исламистских партий умеренного толка в политической жизни страны, Х.Аит Ахмед считал необходимым «включение исламистского течения в политическую схему Алжира». Под этим течением он подразумевал запрещенный ИФС, положивший начало кровопролитию в Алжире. В качестве пути выхода страны из кризиса он предлагал созвать национальную конференцию с участием «всех политических сил, отвергающих насилие», намеренно забывая при этом, что все действовавшие ранее и действующие в настоящее время в Алжире группировки религиозных

экстремистов вышли из ИФС. По его мнению, «только алжирский режим препятствует проведению подобной конференции».

Х.Аит Ахмед прозорливо не исключил возможности распространения волны радикального исламизма за пределы Алжира, в частности, в соседние страны и в Европу (87, 03.03.98).

Сразу после состоявшегося осенью 1998 г. решения президента Л.Зеруаля провести досрочные президентские выборы ФСС объявил, что участие в этом мероприятии «не является для него приоритетом». Заявивший об этом национальный секретарь ФСС Самир Буакуир подчеркнул, что своей главной целью Фронт считает подписание «национального пакта» с участием «всех политических сил» с тем, чтобы найти путь вывода Алжира из кризиса. Тогда же представитель ФСС выразил мнение, что текущая ситуация в Алжире требует «прежде всего отмены чрезвычайного положения» и «восстановления мира». Он указал на невозможность проведения выборов «в обстановке кризиса, войны, ограничения свобод». С.Буакуир высказался за проведение президентских выборов не в апреле 1999 г., а после запланированного на лето того же года саммита ОАЕ. Мотивируя эту позицию, он указал на необходимость придать «динамику процессу примирения» и «вновь мобилизовать силы труда». По мнению представителя ФСС, экономика Алжира в тот момент являла собой «экономику войны, неспособную создавать богатства». Он утверждал, что экономический подъем страны невозможен в условиях отсутствия внутреннего мира.

С.Буакуир опроверг информацию, согласно которой руководство партии якобы предложило проживавшему за рубежом лидеру ФСС Х.Аит Ахмеду выступить в качестве «кандидата национального примирения». В то же время он признал, что некие представители властных институтов высказывали в тот период пожелания, чтобы Х.Аит Ахмед вернулся на родину.

Однако уже в декабре руководство ФСС заявило, что не исключает ситуации, когда Х.Аит Ахмед будет баллотироваться в качестве кандидата на высший государственный пост. Тогда Фронт рассматривал следующие варианты: прибегнуть к активному бойкоту, воздержаться, принять участие в выборах с выставлением кандидатуры Х.Аит Ахмеда либо поддержать другую кандидатуру. Тогда же Фронт вновь подтвердил свою позицию, согласно которой необходимо «восстановить мир и достичь национального примирения» с участием в этом процессе всех сил, которые «отвергают терроризм и насилие». Как и ранее, под этой формулой подразумевалось подключение ко всем внутриалжирским процессам запрещенного ИФС, несущего львиную долю ответственности за развязывание продолжавшегося к тому времени почти 7 лет вооруженного противостояния между алжирскими властями и исламистами (71, 14.12.98).

2 февраля 1999 г. в Алжир после 7-летней добровольной эмиграции возвратился лидер ФСС Х.Аит Ахмед. В первом же заявле-

нии он утверждал, что Алжир «станет первой арабской, африканской и средиземноморской страной, в которой будет взращен настоящий плюрализм – плюрализм в средствах массовой информации, плюрализм политический и языковой». Лидер ФСС подчеркнул, что целью его возвращения в Алжир является «не сведение счетов», а «реабилитация политики» на манер того, как было сделано в Испании в эпоху перехода от франкистского режима к демократии. «Без политического плюрализма не может быть демократии», – отметил он. Сразу же стало ясно, что главной целью возвращения лидера ФСС было выставление его кандидатуры на предстоявших тогда досрочных президентских выборах. Уже через несколько дней после прибытия Х.Аит Ахмеда в Алжир делегаты чрезвычайного съезда ФСС назвали его кандидатом от этой партии на досрочных президентских выборах.

С первых дней предвыборной гонки Х.Аит Ахмед в публичных заявлениях утверждал, что исход избирательной игры рискует стать известным заранее. Он настаивал на том, чтобы администрация и армия оставались «нейтральными» в процессе подготовки и проведения президентских выборов. Представляя анализ ситуации в Алжире и основные пункты своей программы, Х.Аит Ахмед подчеркивал, что главными своими целями видит «вывод страны из кризиса и восстановление мира», «постепенную передачу власти от армии гражданским лицам». «Мы выступаем против как военной диктатуры, так и религиозной теократии», – утверждал он. Как правило, на предвыборных митингах лидер ФСС выступал поочередно на трех языках – французском, арабском и берберском.

Другим пунктом его программы стало «переворачивание страницы смерти» в АНДР путем содействия «диалогу со всеми, кто отвергает насилие». Он утверждал, что досрочные президентские выборы представляют собой «новую историческую возможность» разорвать «цепь ужасных бед», поразивших страну после «семи лет гражданской войны». По мнению Х.Аит Ахмеда, ставка на силу в вооруженном противоборстве с исламистами показала свою «неэффективность». Поэтому он выступил за «всеобъемлющее политическое решение», отмену чрезвычайного положения, освобождение всех политзаключенных, «не замешанных в преступлениях, связанных с пролитием крови». Его программа по данным вопросам была фактически направлена на реабилитацию запрещенного ИФС, и она совпадала с программами других претендентов на пост президента от исламистских движений. В то же время Х.Аит Ахмед всегда выступал против того, чтобы монополия нахождения в оппозиции принадлежала исламистам.

Другим объектом критики со стороны претендента была «политико-финансовая мафия». По оценке лидера ФСС, в Алжире того периода «действует не рыночная экономика, а мафиозная». «Ультралибе-

ральный интегрзм, наложенный на тоталитарные технологии, приводит к мафиозной экономике. Идет возвращение к монополии на частном уровне», – утверждал он (73, 21.03.1999).

За день до выборов Х.Аит Ахмед вошел в группу «отказников». Ее составили 6 претендентов на пост президента, снявших свои кандидатуры в знак протеста против покровительства, которое, как они полагали, оказывали власти седьмому претенденту – А.Бутефлике.

В июне 1999 г. А.Джеддаи осудил алжирские власти за то, что они скрыли содержание соглашения, заключенного с ИАС – боевым крылом ИФС. «Мы не знаем содержания проекта закона, ни его авторов, ни обстоятельства его подготовки. Тем более мы не знаем намерений одних и других... Пока соглашение остается закрытым для общества, политическое урегулирование не является жизнеспособным», – заявил он (71, 16.06.1999).

Осенью 1997 года ИАС объявила перемирие в вооруженном противостоянии с властями, которое стало следствием тайной договоренности между исламистами и представителями военно-политического руководства. Позднее ИАС заявила о полном прекращении вооруженной борьбы и признании над собой власти государства.

А.Джеддаи высказался за придание гласности содержания соглашения между властями и ИАС, заключенного «за спиной общества». Одновременно он высказал сомнение в том, что это соглашение является «идеалом примирения». «Предпринятый ИАС и армией демарш, с точки зрения ФСС, является лишь маневром, призванным скрыть ответственность тех и других за это кровавое десятилетие», – заявил А.Джеддаи. В таком виде, подчеркнул он, соглашение представляет собой «прецедент, поощряющий насилие, целью которого является достижение политического статуса».

В июле 1999 г. Национальный секретариат ФСС принял решение о переносе 3-го очередного съезда партии с ноября на первый квартал 2000 г. Полунамеками партийного руководства это решение связывалось с состоянием здоровья лидера партии. Однако оно во многом стало следствием внутреннего кризиса, в результате которого из национального секретариата был выведен ряд видных фигур, в частности экс-министр образования Али Рашиди. Последний тут же обвинил партийный аппарат в сговоре с исламистами. Тем не менее к тому времени ФСС сделал важный шаг в своем организационном становлении. Было объявлено, что ячейки партии действовали во всех 48 вилайях страны. Кроме того, федерация национальных ячеек действовала в Европе. Тем самым эта партия вырвалась из уготованного ей властями «гетто» в Кабилии.

В апреле 2000 г. в связи с 1-й годовщиной нахождения у власти в Алжире А.Бутефлики ФСС подверг резкой критике итоги его деятельности на посту президента страны. В ходе состоявшейся 29 апреля в Алжире пресс-конференции представители руководства ФСС утверждали, что проводимая главой государства политика представляет собой «настоящую стратегию по восстановлению диктатуры в тени чрезвычайного положения», действовавшего в ряде районов страны. По мнению ФСС, находясь «вне народного контроля», принимающие решения лица «продолжали политику расхищения и разбазаривания национальных богатств». Как отметил Фронт, «противоречивые действия исполнительной власти являются отражением борьбы кланов вокруг чисто материальных интересов, в том числе по вопросу о разделе (нефтяной) ренты».

Партия Х.Аит Ахмеда утверждала, что тупик, в котором оказался Алжир, связан с провалом стратегии восстановления гражданского согласия, проводившейся президентом. Подтверждение тому – продолжение актов насилия в стране. Это «позволяет принимающим решения лицам бесконечно продлевать чрезвычайное положение» с

тем, чтобы «сохранять тоталитарную систему». ФСС осудил объявленную президентом амнистию ряду категорий участников исламистских бандформирований, указав, что она «узаконила насилие».

В августе 2000 г. первый секретарь ФСС А.Кербуа огласил свой новый программный лозунг. Он выступил за создание силы, альтернативной властям и исламистам, которых он олицетворял с «полицией государства и интегристской республикой» (77, 19.08.2000).

И позднее ФСС не раз призывал алжирское общество разобраться с тем, куда уходят национальные богатства страны. Как заявил 1 октября 2000 г. глава парламентской фракции ФСС Мустафа Бухадеф, Алжир к тому времени потерял большинство прав собственности на свои находящиеся в эксплуатации нефтяные поля. Он утверждал, что его партия «располагает достоверной информацией по данному вопросу». Тем не менее он не стал раскрывать ее детали, ограничившись фразой о том, что ФСС «обратился к главе правительства по данной проблеме, однако тот не ответил на этот запрос».

Комментируя состоявшуюся незадолго до этого отставку бывшего главы правительства АНДР Ахмеда Бенбитура, представитель ФСС заметил: «Когда премьер обвиняет президента в нарушении конституции, должен немедленно собираться парламент. Однако это не было сделано». По его мнению, нарушение данной процедуры свидетельствует об «отсутствии правового государства» в Алжире.

М.Бухадеф поставил под сомнение заявление нового главы правительства Алжира Али Бенфлиса об успехе политики «гражданского согласия». Он выразил мнение, что «демонстрируемый властями энтузиазм не имеет ничего общего с реалиями». «Алжирцы продолжают умирать», – напомнил он.

Представитель ФСС вновь настойчиво потребовал от властей раскрыть положения загадочного секретного соглашения между алжирской армией и ИАС, на основании которого было распушено боевое крыло ИФС.

В мае 2001 г. ФСС направил руководству Алжира меморандум, в котором предложил ряд мер по выводу страны из кризиса, в котором она оказалась после «черной весны». Как объявил 13 мая первый секретарь ФСС Али Кербуа, документ был адресован президенту Бутефлике, начальнику генерального штаба Национальной народной армии генералу Мохаммеду Ламари и главе алжирского разведывательного сообщения генералу Мохаммеду Медиену (последний назывался в меморандуме вторым человеком среди тех, кто принимает в Алжире решения).

В меморандуме отмечалось, что на алжирских властях лежит «вся полнота ответственности» за череду кризисов, которые потрясли страну со времени достижения независимости. В нем подчеркивалось, что сменявшие друг друга правительства имели только одну цель – «любыми путями помешать какой-либо демократической альтернативе и сделать невозможным какое-либо политическое решение кризиса».

В документе ФСС указал на необходимость «срочного принятия» следующих мер: сформировать Учредительное собрание в качестве законодательного органа, «открыть политическое и информационное поля, в частности телевидение», отменить чрезвычайное положение и другие меры исключительного характера, признать берберский язык тамазиг в качестве второго национального и официального языка, немедленно отказаться от принятия проекта нового уголовного кодекса, предусматривающего ряд мер по ограничению свободы прессы, остановить приватизацию и отменить законодательные акты, обуславливавшие этот процесс, «остановить расхищение национального достояния», под которым в первую очередь подразумевались углеводороды, предать суду всех тех, кто нес ответственность за подобное расхищение в ходе приватизации. После принятия этих мер предлагалось установить переходный период, в ходе которого путем диалога между властями и основными политическими силами разработать Политическую хартию. Предусматривалось также пригласить международные комиссии, которые должны были изучить вопросы о пытках, внесудебных преследованиях и судьбе без вести пропавших.

По мнению ФСС, после трагических событий «черной весны» Алжир оказался «на решающем повороте» в его истории.

Бутефлика никак не отреагировал на меморандум ФСС. Что касается генерала Ламари, то он дал понять, что затронутые в документе проблемы не входят в сферу компетенции вооруженных сил и касаются исключительно политиков.

В начале февраля 2002 г. ФСС удалось собрать на митинг в Сиди-Аиш до 4 тыс. сторонников. Один этот факт позволил лидерам Фронта утверждать, что он сумел сохранить свои позиции в Кабилии после трагических событий «черной весны». Одновременно первый секретарь ФСС Ахмед Джеддаи дал понять, что эта организация останется в оппозиции алжирским властям, дистанцируясь при этом как от радикалов, так и диалогистов. Особенно резкой критике власти подверглись в связи с общей ситуацией в плане безопасности в стране. По оценке Джеддаи, за 10-летие внутриапжирского противостояния Алжир потерял только убитыми 200 тысяч человек.

ФСС стал единственной берберской общественно-политической организацией, принявшей решение участвовать в выборах в местные органы власти 10 октября 2002 г. Свое решение он мотивировал стремлением избежать «чеченизации Кабилии». По мнению сторонников Х.Аит Ахмеда, при таком варианте развития событий власти могли бы организовать против Кабилии «широкомасштабную карательную экспедицию» под предлогом борьбы с нестабильностью в регионе (94). Исходя из этой же логики, ФСС обвинил автономиста Ф.Мхенни в том, что им якобы манипулируют власти. Такой же критике подвергся и КСДКК. По мнению ФСС, в этой структуре отсутствовала демократическая система выборности, равно как и представительное руководство.

ФСС неоднократно выступал за международное вмешательство в события в Алжире. Во-первых, он считает необходимым учреждение независимой от властей международной комиссии по расследованию событий, связанных с внутриафриканским конфликтом между властями этой страны и религиозными экстремистами. Во-вторых, Фронт настаивал на направлении в страну комиссии Евросоюза, которой предлагалось бы провести расследование событий «черной весны», а также наблюдателей ООН (94).

Начало 2003 г. ознаменовалось для ФСС серьезным кризисом, охватившим как аппарат, так и низовые ячейки партии. В последних числах февраля был созван на чрезвычайное заседание Национальный совет ФСС. Его участникам было представлено послание председателя партии Х.Аит Ахмеда. В нем объявлялось об отставке занимавшего пост первого секретаря партии Ахмеда Джеддаи и его команды. На это место был рекомендован Джуди Маамери. Как представляется, перемены в руководстве ФСС были обусловлены тем, что команда Джеддаи не смогла сколько-нибудь действенным образом повлиять на события «черной весны», в ходе которых эта партия в значительной степени потеряла свои позиции в Кабилии, всегда считавшейся ее вотчиной. Как выяснилось, ошибкой было и решение партии пойти на выборы в местные органы власти осенью 2002 г. в то время, как большинство населения Кабилии бойкотировало их. Кабилю не простили ФСС и пикировку с влиятельным КСДКК, многих руководителей которого социалисты обвинили в «самопровозглашенности» и «действиях по указке властей» (82, 01.03.2003).

Объединение за культуру и демократию (ОКД) также относится к демократическому полюсу. Днем рождения партии считается 9 февраля 1989 г., когда соответствующее решение было принято на собрании 105 ее соучредителей. Все они были активистами БКД. Выступает за светский характер алжирского общества. Председатель – Саид Саади. Уже первая акция партии, проведенная 25 января 1990 г., показала большую степень влияния ОКД в массах. Демонстрация в столице с требованием ввести преподавание берберского языка по всей стране и не допустить «установления любого государства теократического типа» собрала 100 тыс. человек. Зимой 1991 г. ОКД была среди тех политических сил, которые поддерживали действия военных, не допустивших прихода к власти ИФС. В 1994 г. в разгар исламистского террора ОКД призывало алжирцев к вооруженному сопротивлению.

По итогам первых альтернативных президентских выборов (1995 г.) Саади занял 3-е место, получив более 1 млн. голосов. Тогда 7 млн. голосов получил победитель Ламин Зеруаль, 3 млн. – лидер числящейся умеренной исламистской партии ХАМАС Махфуз Нахнах. Результат лидера ОКД продемонстрировал, что эта партия в тот период выдвинулась на второе место по своей значимости после исламистов. И не зря С.Саади заявил после объявления итогов голосования, что чувствует

себя «моральным победителем этих выборов». Будучи формальным союзником Зеруаля в плане антиисламистских позиций, он первым среди бывших кандидатов поздравил своего оппонента (11, с.51).

14–15 сентября 1996 г. в Алжире состоялась Конференция национального согласия. По замыслу ее организаторов, она была призвана определить пути выхода страны из кризиса, связанного с вооруженным противостоянием алжирских властей и религиозных экстремистов. ОКД за несколько дней до конференции объявила о своем отказе участвовать в форуме. Она обвинила некие «закулисные группы» в искажении согласованных ранее документов, которые планировалось вынести на обсуждение участников конференции. Эти документы не устроили ОКД, так как они, по мнению руководства партии, не предусматривали четкого запрета на использование религии в политических целях и не учитывали требования партии придать статус государственного берберскому языку тамазиг.

С декабря 1999 г. по май 2001 г. ОКД входило в правительственную коалицию. В ННА созыва 1997 г. имело 19 мест. Парламентские выборы в 2002 г. бойкотировало.

В 1997 г. ОКД приветствовало перемирие, объявленное вооруженным крылом ИФС – ИАС. «Каждая замолчавшая винтовка увеличивает шансы на мир» в Алжире, заявил тогда глава ОКД.

В начале февраля 1998 г. ОКД резко осудило инициированные в некоторых странах попытки послать в Алжир комиссию по изучению обстановки в АНДР. По оценке партии, эти действия были нацелены на реабилитацию запрещенного ИФС. «Мы отвергаем ситуацию, когда попытки направить комиссию по расследованию устремлены на реабилитацию одной политической партии», – заявил С.Саади, выступивший в Алжире на пресс-конференции, посвященной 9-й годовщине создания ОКД. Обращаясь к зарубежным инициаторам направления в Алжир всевозможных комиссий, он потребовал от них «раньше изучить, как функционируют террористические организации, которые сеют смерть в Алжире».

В период с 26 по 28 февраля 1998 г. в Алжире прошел 2-й съезд ОКД. На форуме присутствовали 1256 делегатов, представлявших все 48 вилай (провинций) Алжира. Среди участников съезда были достаточно широко представлены женщины (176 человек), а также лица с высшим образованием (46% делегатов). Решением съезда бывший генеральный секретарь ОКД С.Саади занял впервые введенный пост председателя этой партии. Согласно изменениям, внесенным в ходе работы форума в устав партии, председатель ОКД должен избираться в два тура путем тайного голосования. Однако в данном случае с целью «экономии времени» было решено сделать исключение и проголосовать простым поднятием рук. Срок полномочий председателя ОКД – 4 года. Голосование проводилось на безальтернативной основе. С.Саади был избран единогласно, что подтвердило

его высокий авторитет и влияние в партии. Пост генерального секретаря ОКД с тех пор считается упраздненным.

Решено было также учредить три поста назначаемых вице-председателей партии. Им поручалась часть функций, ранее исполнявшихся генсеком. Амара Бенюнес, Хосин Ниа и Халиджа Мессауди стали соответственно 1-м, 2-м и 3-м вице-председателями ОКД. По состоянию на середину 2002 г. не было данных, сохранила ли Х.Мессауди за собой этот пост, поскольку с весны 2001 г. она постепенно начала отходить от ОКД.

Съезд избрал Национальный совет партии из 240 человек. 19 депутатов ОКД в ННА вошли в Нацсовет «автоматически». Согласно новому уставу партии, 1-й вице-председатель сформировал из числа членов Нацсовета исполком партии в составе 14 человек, каждый из которых стал национальным секретарем ОКД.

Делегаты съезда подтвердили «республиканский и демократический» характер ОКД. Как утверждал представитель по печати форума А.Бенюнес, в многочисленных выступлениях прозвучало требование к руководству ОКД в очередной раз подтвердить светский характер партии, ее приверженность принципам «идентичности (берберской), соблюдения прав человека, равенства полов, свободы прессы, социальной справедливости, рыночной экономики, а также республиканским институтам».

На съезде в качестве приглашенных присутствовали, в частности, председатель партии Национальный республиканский альянс, бывший глава МИД Алжира и член Высшего государственного совета Реда Малек, а также генеральный секретарь партии «Ат-Тахадди» (наследница Партии социалистического авангарда) Хашеми Шериф. Эти партии, как и ОКД, выступают за светское будущее Алжира и всегда критиковали алжирские власти за их альянс с умеренными исламистами.

ОКД подвергло резкой критике алжирские власти за их стремление ввести в действие начиная с 5 июля 1998 г. закон о всеобщей арабизации. «Этот закон вводится не для того, чтобы содействовать развитию арабского языка, а чтобы подавить французский и берберский языки, – утверждал в этой связи С.Саади. – Действующие власти больше боятся демократических партий, нежели исламистов. Как результат – они подавляют всех тех, кто противится галопирующей «суданизации» Алжира. Исламисты способствуют ускорению этого процесса, убивая людей, которые им мешают, а власти делают то же самое, обрекая их на нищету. Все это может привести к национальной катастрофе» (91, 29.06.98).

В начале февраля 1999 г. ОКД первым из партий оппозиции приняло решение бойкотировать досрочные президентские выборы. По оценке С.Саади, наблюдавшаяся в то время политическая ситуация в Алжире напоминала ту, которая была в стране в 1991 г.

В 1991 г. в Алжире отмечался быстрый рост влияния ИФС, который едва не пришел к власти по результатам проведенного 26 декабря 1-го тура парламентских выборов.

В 1999 г. среди претендентов на высший государственный пост в Алжире баллотировалось несколько кандидатов, являвшихся либо сторонниками ИФС, либо представлявших легальные исламистские партии.

По оценке С.Саади, досрочные президентские выборы являлись «2-м туром выборов 1991 года». По его мнению, только противостояние кандидата-исламиста и кандидата-националиста могло бы позволить Алжиру сделать «настоящий качественный скачок» вперед. Однако «патриотические, демократические и республиканские силы» не смогли выставить единого кандидата. В итоге, отмечал С.Саади, «все без исключения соискатели президентского поста добиваются опеки армии и поддержки исламистов». Он полагал, что основной причиной этого является отсутствие у властей «четкой стратегии развития страны». Это происходило потому, что некие «сферы власти» реально участвовали в выработке политических решений, однако отказывались взять на себя прямое управление страной. В результате «исламизм продвигается вперед».

С.Саади высказал озабоченность тем, что «режим презирует демократическое течение, которое рассматривается как опасность для его стабильности». Он подверг критике власти за постепенное расширение представительства исламистов в правительстве страны.

В состав кабинета министров Алжира того периода входили представители трех партий – Национального демократического объединения, Фронта национального освобождения и исламистского Движения общества мира (ДОМ – экс-ХАМАС).

По мнению лидера ОКД, определенная часть алжирских руководителей, в том числе и в армии, «сегодня убеждена в необходимости перекройки политической сцены вокруг исламистов и консерваторов». Особенность выборов он видел в том, что «кандидат режима (А.Бутефлика – прим. авт.) заключил альянс с исламистами еще до голосования». «Шадли (Бенджедид – прим. авт.) и Хамруш легализовали исламистские партии, в том числе и ИФС. Зеруаль ввел их в правительство. Бутефлика (один из кандидатов в президенты – прим. авт.) продолжает этот курс, и более того, обращается к ним за поддержкой, – подчеркнул он. – Все происходит так, как будто руководители из-за отсутствия убеждений не могут осуществлять законную власть без исламизма». «Мы живем в пораженном проказой государстве, которое теряет свои институты», – полагал лидер ОКД. Он предупредил, что в таких условиях открывается простор для демагогии и поиска внешних врагов, что выразилось в «поддержании напряженности в отношениях с двумя нашими великими соседями» – Марокко и Францией (82, 11.02.1999).

Позднее, поясняя принятое ОКД решение об активном бойкоте выборов, С.Саади указал, что оно означает «активное участие» партии в

предвыборной кампании. По его словам, ОКД выступает против «ряда политических деятелей», которые утверждают, что «реабилитация ИФС является главным условием выживания и стабильности страны». «Именно политический ислам утопил Алжир в крови. Любая уступка, сделанная исламистам, еще больше усложнит драму, переживаемую страной», – заявил тогда С.Саади. Он утверждал, что решение его партии о бойкоте выборов разделяется «большинством» алжирцев.

С.Саади подчеркнул, что ОКД выступает не против тех людей, которые поддерживают запрещенный ИФС, а против «использования институтов государства в интересах этого проекта (возрождения Фронта)». Отметив, что ОКД принимало участие во всех выборах, проведенных после введения многопартийности в Алжире, он указал, что главная цель бойкота предстоящего голосования – добиться его переноса на более поздний срок (73, 25.02.1999).

По итогам президентских выборов в Алжире победу одержал А.Бутефлика. В провинциях Тизи-Узу и Беджаия, где традиционно сильно влияние ОКД, в выборах, по официальным данным, приняло участие не больше 6% избирателей.

Главным итогом прошедших 15 апреля 1999 г. досрочных президентских выборов в Алжире С.Саади назвал то, что «впервые со времени достижения независимости алжирцы отвергли всех политиков, ранее занимавшихся управлением страной». Итогами выборов не смогли воспользоваться равнявшиеся к власти исламисты.

Отметив сложную ситуацию, сложившуюся вокруг выборов в связи с отказом баллотироваться на них шести конкурентов А.Бутефлики, С.Саади выразил мнение, что страна входит в «фазу политической неопределенности» на фоне «кризиса легитимности». Он полагал, что сопровождавшие выборы злоупотребления негативным образом скажутся на имидже А.Бутефлики как внутри страны, так и за ее пределами.

Лидер ОКД не исключил тогда, что президент во внешнем мире окажется в изоляции, и ошибся.

Говоря о провалившейся в целом попытке шестерки «отказников» организовать марши протеста своих сторонников на следующий день после выборов, С.Саади подчеркнул, что за исключением ФСС и его лидера Х.Аит Ахмеда, другие кандидаты не имели «ни политической смелости, ни необходимых структур». «Даже ИФС, сумевший в определенной мере восстановиться через комитеты в поддержку Ахмеда Талеба Ибрагими, не имеет достаточной возможности для того, чтобы повести за собой население», – считал тогда лидер ОКД.

В мае 1999 г. ОКД отвергло возможность своего участия в правительстве АНДР, которое планировалось сформировать вместо кабинета Смаила Хамдани после запланированного на июль саммита Организации африканского единства. С точки зрения ОКД, основные направления политической программы А.Бутефлики оставляли мало шансов на такое участие. Главный из вопросов, который ставила в

этой связи партия С.Саади – кто будет ее партнерами в гипотетической правительственной коалиции, базой которой могут быть только «республиканские и демократические» принципы. В целом в глазах ОКД присутствие исламистов как в правительстве Хамдани, так и в коалиции, которую предполагалось сформировать вокруг Бутефлики, исключало участие в кабинете министров представителей этой партии (77, 12.05.99).

Два месяца спустя лидер ОКД С.Саади высказался в поддержку идеи создания в Алжире правительства «национального объединения с участием всех демократических партий». Тем не менее он отметил, что «абсолютно ничего не знает относительно намерений Бутефлики по поводу формирования правительства». Как подчеркнул С.Саади, ОКД «выступает в поддержку создания правительства национального объединения с участием всех демократических партий при условии достижения согласия относительно его главных задач».

Ранее ОКД регулярно критиковало алжирские власти за их альянс с исламистами из ДОМ, представители которого к тому времени уже два года входили в состав правительства АНДР.

В отличие от подавляющего большинства действующих в Алжире политических партий ОКД имеет отчетливый светский характер. Партия выступает за внесение таких изменений в конституцию, которые лишили бы ислам статуса официальной религии.

В апреле 2000 г. в связи с 20-й годовщиной «берберской весны» ОКД объявило, что придание берберскому языку тамазиг статуса национального наравне с арабским остается одной из главных его целей. В распространенном в Алжире коммюнике ОКД подчеркивалось, что события 20-летней давности «останутся сильнейшим свидетельством стремления (берберов) восстановить культуру амазигов в стране». В нем отмечалось, что за прошедшее время берберам удалось добиться реализации значительной части своих требований. В частности, в регионах с преимущественно берберским населением в школах начали преподавать язык тамазиг, берберы получили доступ к СМИ, берберизм наравне с арабизмом и исламом названы в действующей конституции Алжира в качестве трех основ нации. Тем не менее берберский язык пока не имеет равных прав с арабским. В документе была дана положительная оценка наблюдавшейся тогда тенденции на консолидацию ранее раздробленного БКД.

В августе 2000 г., несмотря на формальное участие в работе правительства АНДР, ОКД неоднозначно оценило действия президента и кабинета министров. «Действия президента не находят ожидаемого продолжения на внутриалжирской сцене... Что касается правительства, то главными недостатками его работы являются отсутствие энергичности и единства». Так полагал председатель ОКД С.Саади. Он изложил свою точку зрения на внешнюю и внутреннюю политику Алжира в инструктивном письме, опубликованном в электронном ежемесячном журнале ОКД.

Лидер ОКД полагал, что в тот момент, когда президент А.Бутефлика перестанет заниматься делами Организации африканского единства (в течение предыдущего года он являлся действующим председателем ОАЕ – прим. авт.), он сделает практические шаги для того, чтобы реализовать свое стремление «модернизировать государство». С.Саади положительно оценил работу, проделанную Бутефликой на международной арене. «Ошибаются те, кто говорит, что проделанная им (президентом) внешнеполитическая работа по возвращению нашей страны на соответствующее ей место ни к чему не привела», – писал он. Одновременно выражалось мнение, что единственной «теневой зоной» алжирской внешней политики остался Магриб. При этом подчеркивалось, что сложные отношения между Марокко и Алжиром в политической сфере никак не сказались на торгово-экономических отношениях между ними. Одновременно С.Саади выразил в целом доверие и внутренней политике президента, признавая при этом ее «реальную недостаточность».

По мнению С.Саади, в 2000 г. «начался 2-й этап» правления Бутефлика, примерно совпадающий со вторым годом его пребывания на посту главы государства. Он полагал, что этот 2-й акт является «менее зрелищным», нежели 1-й, венцом которого стали реализация закона о гражданском согласии и разоружение ИАС. Однако для алжирцев 2-й этап является «более решающим, поскольку он касается их повседневной жизни».

Лидер ОКД вновь высказался за скорейший пересмотр действующей конституции с тем, чтобы «упразднить гибридный парламентский режим, при котором президентская власть строит карикатурный парламентаризм» (7).

В январе 2001 г. прервал молчание лидер ОКД Саид Саади, до этого после вхождения его партии в правительственную коалицию почти около года не выступавший в СМИ. Он обрушился на А.Бутефлику с резкой критикой со страниц газеты «Суар д'Альжери». В частности, С.Саади утверждал, что «стратегия системного кризиса», которую использовал президент, может привести к «институциональному кризису». «Манера управления государством без консультаций и информирования не может не ставить проблему», – подчеркнул он, обвинив Бутефлику в «бонапартистских замашках». Другие обвинения со стороны ОКД в адрес президента: «промедления в проведении ответственной политики», «стагнация», «злоупотребления», «управление государственными СМИ в духе 70-х годов», «провал закона о гражданском согласии», «возвращение вопроса кто убивал кого?», а также «предоставление дополнительных преимуществ консерваторам и исламистам». Достаточно зловеще прозвучало предупреждение С.Саади о том, что «опасность исламизма до сих пор не отодвинута» (86, 26.01.2001).

1 мая 2001 г., несколько дней спустя после начала «черной весны», ОКД объявило о выходе из правившей в Алжире правитель-

ственной коалиции. Решение было принято единогласно на чрезвычайном заседании Национального совета ОКД. Как заявил лидер ОКД С.Саади, этим шагом его партия выразила «протест против применения силами безопасности боевых патронов против безоружных манифестантов». Несмотря на то, что ОКД было представлено в правительстве Алжира всего двумя министрами – общественных работ и транспорта, – присутствие этой партии в составе коалиции обеспечивало кабинету ощутимую поддержку со стороны берберского населения. Кроме того, эта партия представляла в правительстве так называемое демократическое крыло. С ее уходом из кабинета в нем остались консервативные (ФНО и НДО) и исламистская (ДОМ) партии.

Сразу после выхода из правительственной коалиции ОКД предложило «мировую» ФСС с тем, чтобы «использовать все шансы для развития демократической динамики». Со своей стороны партия Х.Аит Ахмеда, в течение многих лет выступавшая за «глобальное политическое решение» алжирского кризиса, дипломатично отвергло это предложение.

Несмотря на быстро принятое решение о выходе из кабинета министров, метания руководства ОКД не остались незамеченными населением Кабилии. В результате ОКД в значительной мере утратило свои позиции в этом регионе.

Несколько дней спустя на состоявшейся в Алжире пресс-конференции С.Саади назвал взрыв в Кабилии «национальной трагедией» для страны. Он обвинил руководство Алжира в том, что в этих событиях единственным приоритетом для властей было «спасение режима». «В течение шести дней плохо подготовленные и обученные, охваченные паникой войска стреляли по толпе с использованием боевых патронов. Это – не ошибка. Это – решение ответить террором на социальные требования», – заявил он.

Программа ОКД – Пакт национального переустройства Алжира – обнародована в июле 2001 г. Партия выступает за налаживание национального диалога, организацию переходного процесса, разрыв с прежними методами руководства и строительство «демократического и социального государства». Базовая идея – исключение из диалога каких-либо исламистских партий. ОКД считает, что переустройство страны можно вести только на базе союза политических сил, выступающих за республиканское будущее Алжира и уважающих 9 основных принципов. Среди них – сменяемость власти, отказ от использования силы либо применения полувоенных организаций, отказ от каких-либо связей с «террористическими и расистскими организациями», запрет на использование мест отправления культа в политических целях и другие. Действующие власти Алжира характеризуются как «погрязшие в архаизме и отвергающие любую демократическую перспективу в Алжире». В этом же документе выражается поддержка требований КСДКК, изложенных в «Платформе Эль-Ксар». В то же

время в нем отвергается позиция автономистов, поскольку «невозможно создать цветущий оазис в океане агрессии» (77, 27.10.2001).

Одновременно ОКД объявила, что Пакт национального переустройства страны открыт для присоединения к нему других политических партий, согласных с изложенными в нем принципами.

Предлагаемый ОКД переходный период должен проходить под наблюдением специальной миссии ООН. В то же время из этого процесса следует исключить заангажированные неправительственные организации, которые, руководствуясь идеями «чистой» демократии, своими действиями нередко играли на руку исламистам. Структуры переходного периода определятся национальной конференцией демократических сил. Их появлению должна предшествовать отставка главы государства, правительства и других выборных структур.

В целом ОКД предлагает для переходного периода пять структур.

Исполнительный комитет переходного периода – коллегиальный орган управления страной по примеру Высшего государственного совета, правившего в Алжире в период с 1992 по 1994 гг. Переходный совет возьмет на себя функции парламента. Именно он утвердит состав Исполнительного комитета, подотчетного Переходному совету. Три другие структуры – переходное правительство, комиссия по реформам и комиссия по борьбе с коррупцией.

По мнению ОКД, армия в переходный период должна заниматься исключительно возложенными на нее по конституции функциями. Одновременно планируется ликвидировать политическую полицию.

На предлагаемый переходный период ОКД отводит 18 месяцев, после чего в стране должны пройти всеобщие демократические выборы.

Незадолго до публикации Пакта первый вице-президент ОКД Джамель Ферджалла назвал те партии, которые эта организация рассматривала в качестве потенциальных союзников. Это – Демократическое и социальное движение (бывшая Компартия), Демократический фронт, Национальный республиканский альянс и, возможно, ФСС. Главные требования к возможным партнерам – разрыв с исламом и режимом (94, 14.06.2001).

В мае 2003 г. Национальный совет ОКД подверг резкой критике произведенную тогда рокировку на вершине исполнительной власти – лидер ФНО премьер-министр Алжира Али Бенфлис был отправлен в отставку решением президента страны. Освободившийся пост занял руководитель другой национал-консервативной партии – НДО – Ахмед Уяхья. «Самой большой жертвой этой войны позиций являются молодые люди. Им остается только либо иммигрировать, либо выражать свое недовольство существующим положением вещей на улице – единственной трибуне их социального самовыражения», – отмечалось в коммюнике ОКД (82, 10.05.2003). «Эта борьба в высших кругах власти ведется за победу на президентских выборах 2004 г. на фоне экономической и социальной регрессии», – говорилось в до-

кументе. В нем делался прогноз, что «раздираемый противоречиями режим не сможет быть альтернативой самому себе».

Под влиянием ОКД находится фракция БКД – Национальная координация. К ОКД близок Исад Ребрад – крупнейший алжирский промышленник. Рашид Наили и Адель Сайяд – авторы вышедшей в 2000 г. книги «Алжирские миллиардеры» поставили его во главе списка наиболее влиятельных алжирских бизнесменов. Капитал И.Ребрада вложен в металлургию, пищевую промышленность, торговлю автомобилями, СМИ.

Иногда ФСС и ОКД похоже реагировали на события в Алжире, но чаще случалось наоборот. Так, задолго до открывшейся 25 января 1994 г. «Конференции национального согласия» обе партии заявили об отказе участвовать в форуме. В повестку дня конференции алжирское руководство вынесло проект создания политических структур Алжира на предложенный ВГС 3-летний переходный период.

Разница в подходах ОКД и ФСС к алжирским проблемам в очередной раз наиболее наглядно проявилась в июле 1998 г., когда представители этих партий в ходе состоявшихся в Алжире встреч с информационной миссией ООН изложили диаметрально противоположные точки зрения на обстановку в стране.

Как сообщил лидер ОКД С.Саади, на встрече с членами миссии его делегация выразила мнение, что ответ на вопрос «кто кого убивает в Алжире» уже давно решен большинством алжирцев. Делегация указала на опасность бытующих в некоторых западных странах точек зрения на исламизм как возможную альтернативу существующему режиму. ОКД осудила те гуманитарные организации, которые занялись политикой и попытались снять вину с исламистов за массовые убийства мирного населения, в ответственности за которые они признались сами.

В свою очередь первый секретарь ФСС А.Джеддаи заявил по завершении встречи с миссией ООН, что его партия вновь указала на необходимость направления в Алжир международной миссии с задачей провести расследование случаев «массовых нарушений прав человека в стране». С точки зрения ФСС, эта же миссия должна взять на себя «посредничество в алжирском конфликте» с тем, чтобы «прекратить пролитие крови и начать диалог».

А.Джеддаи указал, что ФСС представила «точные факты» относительно «участия разных сил в актах насилия». Понятно, что подобная постановка вопроса подразумевала возможное участие неких алжирских госструктур в организации некоторых из массовых убийств мирного населения, потрясших страну в 1997–1998 гг. С точки зрения этой партии, происшедшие структурные изменения в алжирской экономике привели к ее «мафиозному развитию», выгоды от которого получают «все действующие лица, выступающие источниками насилия».

Затем две партии вновь разошлись по отношению к выборам в местные органы власти, состоявшимся 10 октября 2002 г. Незадолго

до выборов ФСС фактически подорвал берберский фронт, оставшийся до этого единым в течение 18 месяцев. В отличие от подавляющего большинства берберских общественно-политических организаций, бойкотировавших выборы, ФСС принял решение участвовать в них. Со своей стороны лидер ДАК Ф.Мхенни назвал подобную позицию ФСС «самоубийственной и антикабийской».

Похоже, что накануне выборов что-то изменилось в отношениях между ФСС и властями. Так, если активисты ФСС вели предвыборную кампанию под защитой полицейских, то ОКД не могла, как правило, проводить собрания своих сторонников из-за регулярных запретов властей.

В целом борьба между ФСС и ОКД во многом ослабила берберское движение, поскольку партийная междоусобица позволяла властям манипулировать в своих интересах то одной, то другой партией и таким образом успешно нейтрализовать их.

Неспособность ФСС и ОКД канализировать берберское движение на решение конкретных задач привела к тому, что в 2003 г. диссиденты из этих двух партий, причисляющие себя к «демократам, модернистам и прагматикам», начали работу по созданию партии «нового типа». Инициаторами этой идеи выступили бывший вице-президент ОКД Амара Бенюнес и бывший депутат ННА от ФСС Хамид Уазар. Их поддержал один из лидеров «берберской весны» 1980 года Арески Аббут.

Особое место среди общественно-политических организаций алжирских амазигов занимает Берберское культурное движение (БКД), объединяющее свыше 200 различных ассоциаций. БКД возникло в 1980 г. на волне, поднятой берберским движением в ходе событий, получивших название «берберская весна». Главной декларируемой целью БКД является признание тамазиг национальным и официальным языком, причем добиваться этого оно намерено сугубо мирными путями.

В БКД одно время различали три фракции: БКД-Национальное объединение, близкое к ОКД, БКД-Национальная координация и взаимодействующее с ФСС БКД-Национальные комиссии. Выделение фракций произошло в 1989 г., когда в Алжире была разрешена многопартийность. Во многом раскол в БКД был вызван действиями руководства ОКД, объявившего о «смерти» своего прародителя. Одновременно ОКД провозгласило себя единственным правопреемником БКД и глашатаем идентификационных требований берберов. Тем не менее уже в июле 1989 г. несколько сотен берберских активистов самой разной политической ориентации, а также независимые, на встрече в университете в Тизи-Узу объявили, что БКД является автономным в принятии решений.

В 1992 и 1993 годах ФСС и ОКД предприняли несколько попыток поставить БКД под свой исключительный контроль. Они делали это с учетом огромных возможностей БКД по мобилизации людей, о которых эти партии могли только мечтать. В этой работе больше преуспел ФСС. Более того, этой организации, представлявшей себя главным

поборником «чистой» демократии в Алжире, удалось на одно время привлечь БКД на защиту самых ярых противников берберов – исламистов из ИФС. Более того, именно ФСС позднее повел пропагандистскую кампанию в Кабилии против антитеррористической борьбы и против создания комитетов самообороны, позднее трансформировавшихся в отряды «патриотов» – вооруженных властями бойцов отрядов местной самообороны. Подобная линия буквально вынудила ОКД дистанцироваться от БКД фракцию БКД-Национальная координация. БКД-Национальные комиссии пошло за ФСС. Главным «яблоком раздора» между двумя фракциями стало отношение к ИФС и проблеме терроризма. Обе сразу же вступили в ожесточенную междоусобицу за преобладание в Кабилии. Когда после года бойкота занятий в учебных заведениях в 1995 г. БКД-Национальная координация попыталось вернуть учащихся за парты, этому тут же воспротивилось БКД-Национальные комиссии.

Пик противоречий между фракциями пришелся на 1994–1995 гг. (канун парламентских выборов), после чего разногласия между ними стали постепенно сглаживаться. Объединительный процесс стартовал в 1996 г., когда все общественно-политические берберские организации единым фронтом выступили за бойкот референдума о пересмотре конституции. Во многом это стало возможным благодаря вызреванию в БКД понимания необходимости единения рядов при сохранении диверсификации и разнообразия мнений. Первым совместным шагом трех течений стала совместная декларация от 23 июня 1998 г., осуждавшая введение в действие начиная с 5 июля того же года закона о всеобщем применении арабского языка. Далее юнионистская динамика способствовала выработке Манифеста культурных и лингвистических требований берберов, переданного в ООН в 1998 г. К 2000 г. можно было говорить о достижении определенного единства Движения. Однако все попытки созвать объединительный съезд вплоть до момента завершения данной работы (май 2003 г.) по ряду причин не увенчались успехом. Возможно, это связано с тем, что один из лидеров юнионистов Ф.Мхенни не скрывал своих намерений создать на базе БКД берберскую политическую партию нового типа при одновременном заключении «хартии о ненападении» внутри движения (73, 29.01.2000).

Лидером фракции БКД-Национальное объединение одно время был Ферхат Мхенни. До 19 октября 2001 г. он занимал пост председателя Национального бюро фракции. В тот день национальное бюро БКД-НО, собравшееся на экстренное заседание, вывело его из состава руководства фракции. Это случилось после того, как Мхенни возглавил Движение за автономию Кабилии (ДАК) и выступил с письменным воззванием «За свободную Кабилию». Затем руководящую инстанцию фракции возглавила Рахма. Эти изменения были вызваны скорее всего чисто внутренней борьбой за лидерство, поскольку БКД-Национальное объедине-

ние никогда не высказывалось против самой идеи автономии Кабилии. Одной из видных фигур во фракции является М'хенд Амаруш.

Что касается Ф.Мхенни, то в период, предшествовавший созданию ДАК, он сблизился с ФСС. Это произошло на базе общности взглядов на место женщин в алжирском обществе, светскость и демократию.

В БКД-Национальная координация одним из лидеров является Эль-Хади ульд Али. Эта фракция выделилась в 1993 г. Позднее ее лидеры были уличены в проведении соглашательской политики. Это, в частности, выразилось в совместном проведении с официальным Высшим комиссариатом по делам берберов в декабре 1999 г. в Типазе Форума ассоциаций амазигов. В начале 2000 г. Национальная координация еще дальше отошла от постепенно радикализировавшегося БКД, трансформировавшись в организацию Национальная координация ассоциаций амазигов (НКАА) (77, 23.01.2000). В то же время в самом БКД шел сложный юнионистский процесс, постоянно сталкивавшийся с попытками сторонников тех или иных партий возглавить берберское движение.

В руководстве БКД-Национальная координация видными фигурами являются национальный секретарь ОКД по связям с прессой Али Брахими и депутат муниципального совета провинции Тизи-Узу по спискам ОКД Мулуд Лунауси (77, 01.04.2000).

В рамках БКД действует Женское движение, которое достаточно часто представляет Хаджира Убашир.

В апреле 1999 г. накануне досрочных президентских выборов БКД присоединилось к общественно-политическим организациям страны, бойкотировавшим это мероприятие. «После глубокого изучения программ кандидатов БКД констатирует, что все они ведут в тупик в части, касающейся требования Движения относительно придания статуса национального и официального берберскому языку тамазиг», – подчеркивалось в заявлении организации. Документ подписали все три фракции БКД – Национальная координация, Национальные комиссии и Национальное объединение. К нему также примкнуло Культурное движение шенуи (КДШ).

В распространенном в июне 1999 г. заявлении БКД – Национальная координация подчеркнуло, что видит своими целями защиту демократических свобод, республиканского характера алжирского государства, берберского культурного наследия, борьбу против терроризма и за права женщин.

В начале марта 2000 г. БКД выступило с заявлением, согласно которому оно ожидало от президента А.Бутефлики, что в новой конституции страны, принятие которой путем общенационального референдума намечалось на ближайшие месяцы, берберский язык тамазиг получит статус общенационального наравне с арабским. Это требование БКД в очередной раз было выражено в ходе состоявшейся в Алжире пресс-конференции руководства Движения. БКД негативно отнеслось к возможности вынесения вопроса о статусе тамазиг на отдельный общена-

циональный референдум, посвященный исключительно данной проблеме. Одновременно было объявлено о намерении Движения, «объединяющего берберов из регионов М'Заба, Ореса, Кабилии, а также туарегов», представить меморандум с требованием о придании языку тамазиг статуса официального в канцелярию президента (82, 07.03.2000).

По убеждению одного из лидеров БКД Мулуда Лунауси, в настоящее время, в условиях существования «централизованного якобинского государства-нации» бессмысленно требовать придания языку тамазиг статуса официального наравне с арабским. Само выдвижение этого требования он считает бессмысленным. По его мнению, сначала необходимо изменить природу алжирского государства, сделав его децентрализованным (92, 19.04.2000). В целом главным программным требованием БКД является придание алжирскому государству федеративного характера, поскольку существующая система, на взгляд лидеров Движения, несовместима с чаяниями берберов и велениями времени (77, 14.04.2001).

В то же время БКД одобрило проведение ряда реформ (юстиции, образовательной системы), инициированных Бутефликой, поскольку расценило их как меры, которые могли бы способствовать достижению целей берберов, облегчить путь к ним. В международном плане БКД поддерживает идею строительства единого Магриба, видя в нем единственное образование, способное сохранить берберскую идентичность. Еще в 1994 г. БКД выступило инициатором разработки Магрибской платформы культурных и лингвистических прав амазигов.

Однако БКД не пошло за Ф.Мхенни. В апреле 2000 г., когда отмечалась 20-я годовщина «берберской весны», было объявлено об объединении БКД-Национальная координация и БКД-Национальная комиссия (часть активистов) в Объединенное БКД (ОБКД). Президентом ОБКД стал Эль-Хади ульд Али, национальным секретарем – А.Брахими. Последний, в частности, заявил тогда, что «нет больше БКД-ОКД или БКД ФСС, есть только аполитичный ОБКД». «ОБКД не является политической партией, которая стремится захватить власть. Мы останемся силой, которая выдвигает предложения, а наши позиции известны», – утверждал он (88, 26.04.2000).

В начале апреля 2001 г. БКД-Национальное объединение выступило с декларацией, в которой в очередной раз напомнило руководству страны о необходимости официального признания берберского языка в его «идентификационном, культурном и лингвистическом триптихе». Подобный шаг, которого ждали берберы от властей, был назван «политическим долгом и социальной необходимостью». В то же время подчеркивалось намерение руководства фракции сохранить ее «мирный характер» (77, 08.04. 2001).

К этому времени в БКД образовался новый «водораздел». С одной его стороны оказалось ОБКД, с другой – БКД-Национальные комиссии, БКД-Национальное объединение и Фонд им.Лунеса Матуба. Если первое движение выступало за региональное придание статуса офи-

циального берберскому языку тамазиг, остальные требовали признания языка на национальном уровне.

В целом можно констатировать, что со времени достижения независимости в 1962 году Алжир с достаточно регулярными интервалами сталкивался с подъемом берберского движения. Всякий раз алжирским властям предъявлялись культурно-идентификационные требования, связанные с признанием берберских языка и культуры. Частично берберское движение достигло своих целей: в конституции Алжира 1996 года отмечено, что национальная идентичность базируется на «арабизме, исламе и берберизме». Тем не менее проблема в целом далека от решения. Актуальным остается требование придать тамазиг статус национального и официального языка. Берберское движение, вопреки имеющимся внутри него противоречиям, то и дело выступает с угрозами прибегнуть к более радикальным методам борьбы для достижения своих целей. Активность этого движения во многом определяется интересами кабильской буржуазии.

При всей многоликости берберского движения в Алжире наиболее активной его составляющей были и есть кабилы. Этот регион всегда был более «продвинутым» по сравнению с другими областями Алжира. С началом колониальной эпохи Кабилия стала последней, куда вошли захватчики. В бесконечной череде антиколониальных восстаний их эпицентром всегда был этот регион. После достижения независимости Кабилия первой начала борьбу за свободу и демократию.

Еще один вывод, вытекающий из событий в Кабилии начала нового столетия, достаточно парадоксален: нерешенность берберской проблемы выгодна обеим сторонам, втянутым в конфликт, то есть самим властям и лидерам берберского движения. Первым выгодно существующее статус-кво, поскольку оно создает ситуацию, за которой остается незамеченной ожесточенная борьба кланов на верхушке властной пирамиды. Здесь уместно напомнить, что в некоторых из кланов берберы по происхождению играют заглавные роли. Само существование КСДЖК создает для властей идеальные условия для маневра и манипулирования берберским движением.

Оно также позволяет Бутефлике решать одну из задач, стоящих перед ним – дискредитировать оппозиционные политические партии и их лидеров, способных составить ему конкуренцию.

Что касается амазигов, то существующая ситуация выгодна прежде всего отдельным представителям берберской финансово-промышленной буржуазии, поскольку она дает ей в руки определенные рычаги воздействия на власти. В то же время подобная ситуация представляется более опасной для властей, поскольку они рискуют лишиться поддержки берберов – одного из столпов режима наряду с армией в борьбе с радикальным исламизмом.

Можно даже утверждать, что со времени создания Североафриканской Звезды в 1926 г. и вплоть до настоящего времени лица, принимающие в Алжире решения, вместо того, чтобы решать проблемы, связанные с бер-

берами, использовали их нерешенность в политических целях, имея в виду в качестве желаемой цели легитимизацию своих действий и власти.

4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРУКТУРЫ БЕРБЕРОВ

В 90-е годы XX столетия параллельно с ростом национального самосознания берберов на местах начался процесс формирования их международных структур. Наиболее влиятельной организацией стал созданный по инициативе алжирских берберов Всемирный конгресс амазигов (ВКА).

ВКА был основан 4 сентября 1995 г. во Франции как первая транснациональная организация, выступающая за признание национальных прав берберов – их языка, культуры, самобытности – в странах Северной Африки и Сахеля. Он провозгласил себя независимым от государств и каких-либо политических партий. В качестве основной цели ВКА было объявлено объединение всех берберских национальных движений и доведение их требований до международных организаций и, в частности, ООН.

Основателями ВКА выступили около 100 активистов берберских движений, представлявших 36 организаций из Марокко, Алжира, Ливии, Мавритании, Нигера, Мали, а также диаспору в Европе и Америке.

В руководящую совещательную структуру ВКА – Федеральный совет – до 1-го съезда входили 32 человека, представлявших четыре берберских национальных организации, в том числе Канарскую ассоциацию за развитие и защиту культуры амазиг. Текущее руководство ВКА осуществляло Всемирное бюро из 11 человек. В рамках ВКА были сформированы пять комиссий, которые готовили к съезду дискуссии по следующим направлениям: язык и культура берберов, берберский вопрос в международных отношениях, финансовое положение берберских культурно-просветительных организаций, история народа амазиг, социально-экономические вопросы существования берберских общин.

1-й съезд ВКА состоялся в период с 28 августа по 2 сентября 1997 г. на Канарских островах.

В работе форума на Канарах приняли участие, по разным данным, от 200 до 300 делегатов. Они представляли национальные культурно-просветительные организации берберов из Алжира, Буркина-Фасо, Мали, Марокко, Нигера, с Канарских островов. На съезд были также приглашены ведущие ученые из числа берберов, видные деятели берберской культуры. До 60 человек представляли берберскую диаспору в Европе и Америке. На съезд прибыли также отдельные представители берберского населения из Туниса и Ливии.

Самую многочисленную делегацию на форум направили марокканские берберы. В ее состав вошли представители 19 организаций, в том числе от партий НД, ННД, а также ДСД, всего – 70 человек.

Значительный разброс в оценке числа участников съезда связан, скорее всего, с тем, что на Канары из-за проблем материального свойства смогли прибыть всего несколько делегатов из Алжира вместо ожидавшихся почти 100 человек.

Как указывалось некоторыми делегатами съезда перед его открытием, одной из задач форума должно было стать «придание нового дыхания борьбе против насильственной ассимиляции амазигов». Провозглашалось, что активисты берберского культурно-просветительного движения будут добиваться, чтобы государства, на территории которых проживают амазиги, признали их особую идентичность и прекратили заявлять о своей исключительной «приверженности арабо-исламским ценностям».

В распространенном в Лас-Пальмасе накануне открытия съезда коммюнике ВКА указывалось, что целью встречи на Канарах является оценка состояния культуры, языка и истории берберов, а также выработка путей внедрения соответствующих вопросов в национальные общеобразовательные программы. Делегаты съезда заявляли о необходимости «разорвать барьеры, которые изолируют культуру и язык амазигов». Они также намеревались призвать международное сообщество признать самобытность берберов.

Выступая на церемонии открытия съезда, председатель ВКА алжирец Мабрук Феркал подчеркнул, что «впервые берберы собрались вместе на своей земле». Он опроверг существующие подозрения о том, что ВКА якобы подогревает раскольнические настроения среди берберов и подтвердил, что основная цель ВКА – добиться признания идентификационной специфичности берберов в странах их проживания.

Понятно, что объявленная программа не могла вызвать особого восторга у властей стран региона, с опаской следящих за ростом национального самосознания берберов. В отдельных странах, например, в Алжире, берберский фактор в последнее время даже рассматривается некоторыми кругами как угроза стабильности существующему режиму наравне с радикальным исламом.

Подобные опасения подтверждают и политологи из базирующегося в Каире Центра стратегических исследований «Аль-Ахрам». По их мнению, уже в не очень отдаленной перспективе рост национального самосознания берберов может даже привести в регионе к войнам нового типа – этническим.

Поэтому неудивительно, что тайно или явно, но официальные власти ряда стран попытались помешать работе форума и выработке его участниками общих подходов к проблемам берберского движения. Тем более, что сделать это было нетрудно путем искусного раздувания противоречий между умеренными деятелями, выступающими исключительно за культурную автономию берберов в рамках существующих государств, и радикалами. Наглядным свидетельством подспудной борьбы за умы берберов стал жест марокканской делегации, покинув-

шей зал заседаний съезда накануне закрытия форума. Формальным объяснением этого шага стали «разногласия между различными организациями марокканских берберов», представленных на форуме.

Практически не было ни одного вопроса, по которому не столкнулись бы интересы национальных организаций берберов. Больше всего это проявилось, когда приходилось решать, что важнее: общее (берберское) или особенное (национальное). Показательно, что представители диаспоры показали себя более горячими поборниками идей защиты самобытности берберов, чем североафриканские участники форума.

Очень долго депутаты не могли избрать преемника М.Феркала. Они с трудом избрали Федеральный совет, в который первоначально планировалось включить 10 алжирцев, 10 марокканцев, 10 представителей диаспоры, 4 выходца с Канарских островов, три туарега и два ливийца. Именно в связи с выборами в Федеральный совет возник кризис в марокканской делегации, спровоцированный требованием организации «Тамайнут» предоставить 4 места из 10 выходцам из региона Суса. В связи с конфликтом между марокканцами, вспыхнувшим между двумя наиболее влиятельными фигурами в берберском движении – Узином Ахерданом (ННД) и Хасаном Ид Белькасемом, было решено сформировать Федеральный совет без марокканцев. Выборы Всемирного бюро и председателя ВКА (им стал представитель Канарских о-вов писатель Антонио Феликс Мартин Хурминес) также проходили уже в отсутствие марокканцев.

Тем не менее депутатам съезда удалось принять несколько важных резолюций. Две из них, в частности, требовали предоставления «права на самоопределение» туарегам Мали и Нигера, а также канарским берберам, еще две призывали Марокко и Алжир признать тамазиг в качестве «официального языка» наравне с арабским.

В целом необходимо отметить, что замышлявшегося накануне съезда объединения берберов не произошло. Однако он подтвердил существующую тенденцию, указывающую на неизбежность «берберского пробуждения». Это подтвердили события, происшедшие в период между двумя съездами ВКА. Они показали, что ВКА не смог остаться вне политики. Ряд деятелей ВКА сразу же сделал ставку на превращение этой структуры в элемент политической борьбы против «государств-наций Магриба» (87, 26.07.2000). Это не осталось незамеченным в столицах стран региона. Раскол в ВКА, проходивший под зловещим аккомпанемент официальной прессы, вынудил председателя освободить по-тихому свое место.

Первоначально ВКА не раз подтверждал свой неполитический характер. В мае 1998 г. президент ВКА А.Хурминес призвал правительство Марокко признать культуру и язык амазиг и ввести обучение берберскому языку в школах страны. В ходе визита в Марокко он отметил, что «четыре года спустя после заявления короля Хасана II о

необходимости преподавания языка тамазиг в начальной школе можно констатировать отсутствие конкретных дел по реализации этой меры». А.Хурминес подчеркнул, что все требования ВКА исходят из «целиком мирной» концепции, направленной на обеспечение гарантий культурного плюрализма в странах, где живут амазиги. Целью ВКА, утверждал он, является реальное, а не «фольклорное» признание идентичности берберов.

В январе 1999 г. Хурминес отказался от поста главы ВКА. Федеральный совет избрал преемником Хурминеса алжирца Мабрука Феркала.

Несмотря на внутренние противоречия, ВКА сумел выступить с резким заявлением накануне вступления в силу 5 июля 1998 года в Алжире закона о всеобщем применении арабского языка. В распространенном через прессу коммюнике ВКА назвал этот закон «антидемократическим», «несущим опасность для страны, которая уже серьезно пострадала (от исламистского террора)». «Этот закон, порожденный арабo-исламистской идеологией, от которой страдает сегодня Алжир, направлен на ускорение и интенсификацию процесса арабизации и одновременное и окончательное уничтожение языка тамазиг, берберской идентичности и культуры», — отмечалось в коммюнике (5, 09.06.1998).

Неудачей завершились все попытки провести одно из заседаний Федерального совета ВКА на «земле амазигов» — т.е. в одной из стран региона. Так, планировавшееся на 29–30 апреля 2000 г. заседание совета в Марокко было фактически сорвано марокканскими властями, отказавшимися выдать въездные визы алжирским берберам, несмотря на то, что соответствующие досье были вовремя представлены в марокканское консульство в Алжире (87, 12.05.2000).

В июле 1999 г. стало известно о самороспуске ВКА. Такое решение было принято на состоявшемся в Париже заседании Федерального совета ВКА. Самороспуску Конгресса способствовали по меньшей мере две причины. Во-первых, ряд национальных организаций обвинил Всемирное бюро ВКА — высшую руководящую структуру организации — в том, что она якобы не выполнила поставленных перед ней задач. Во-вторых, к этому привели противоречия между двумя ведущими национальными составляющими ВКА — организациями алжирских и марокканских берберов. Алжирские берберы хотели видеть в ВКА организацию, открыто оппозиционную существующим в странах Северной Африки режимам, в то время как марокканские берберы занимали более умеренные позиции. Была и еще одна причина, вытекавшая из предыдущей и связанная со стремлением марокканских проберберских партий с подачи официального Рабата поставить во главе ВКА представителя Марокко (73, 05.07.1999). Тем не менее ВКА не умер, а лишь реорганизовался, фактически расколовшись на две организации — радикальную и умеренную, — каждая из которых стала впоследствии претендовать на это название. Раскол в ВКА стал

следствием усилий некоторых режимов, пытавшихся во что бы то ни стало не допустить радикализации берберского движения и иметь возможность манипулировать им в своих политических целях.

Согласно одной из версий, которая требует подтверждения, раскол ВКА на радикальную и умеренную составляющие был отражением подспудной борьбы за представительство между организациями алжирских и марокканских берберов. Целью этих маневров, призванных сделать из ВКА «карманную» организацию, было «сориентировать организацию согласно инструкциям, разработанным королевским дворцом» (73, 03.07.1999).

В период с 7 по 9 августа 2000 г. в Брюсселе прошел 2-й съезд ВКА.

Судя по скудным сообщениям марокканской печати, сам факт проведения этого форума организационно оформил раскол берберского движения в целом на радикальное и умеренное. Представители первого крыла собрались в Брюсселе. По оценке марокканской «Либерасьон», которая едва ли может быть в данном вопросе беспристрастной, их платформой стал «политический экстремизм» (87, 16.08.2000). В повестку дня 2-го съезда были включены, в частности, вопросы «национального освобождения амазигов» и «достижения ими настоящего суверенитета». По итогам съезда Всемирное бюро ВКА из 7 человек вновь возглавил М.Феркал, которого поддержало большинство берберских организаций тамазги и диаспоры (85, 13.01.2000).

Брюссельский съезд признал несовместимыми работу в ВКА и членство в какой-либо административной структуре, равно как и в политической партии. «Любое физическое лицо, занимающее стратегический пост либо в администрации, либо в правительстве, либо в парламентских структурах, не может быть принято в ВКА. В случае, если член ВКА или представитель одной из входящих в него ассоциаций сталкивается с предложением занять один из указанных выше постов, он должен отказаться от членства в ВКА», – говорилось в резолюции съезда (77, 21.08.2000). Участники форума в Брюсселе нашли очень резкие слова и для умеренных. «По-прежнему на земле амазигов правящие режимы при содействии тех, кто отказался от своих свобод, попирают культурные, политические, исторические права берберов», – отмечалось в документе. В нем выражалась полная поддержка любых форм борьбы за «национальное освобождение» берберов. Впервые в документе ВКА прозвучали и антиимпериалистические нотки. «Борьба амазигов вписывается в обширное мировое движение сопротивления глобализации, которая отрицает культурную идентичность», – говорилось в документе. Двумя отдельными резолюциями ВКА утвердил тамазиг своим официальным языком, а также свое знамя. Последнее представляет собой три горизонтальные полосы голубого, зеленого и желтого цветов (сверху вниз). Посредине – одна из букв берберского алфавита (напоминает русскую «ж») красного цвета.

В то же время «организации и персоналии, враждебные линии на политизацию ВКА», еще годом ранее провели т.н. Лионский конгресс. Его организаторами выступили бывшие участники Всемирного бюро, выведенные из его состава Федеральным советом ВКА (77, 12.08.99). Заседание Федерального совета, на котором принималось соответствующее решение, прошло в период с 26 по 27 июня 1999 г. в г. Кре-тейль (Франция). По мнению «диссидентов», целью берберов должна быть исключительно защита их культурно-языковой самобытности. Лионский конгресс собрал под свои знамена «наиболее представительные» берберские организации. Понятно, что под этим термином, использованным «Либерасьон», имелись прежде всего ввиду партии и организации, не ставящие под сомнение устои правящих в настоящее время в регионе режимов. В Лионе было избрано параллельное Всемирное бюро, тут же получившее поддержку официальной прессы. По марокканской версии, в созыве Лионского конгресса и расколе ВКА большую роль сыграли организации марокканских берберов «Тилелли» (базируется в Гулимиме) и «Тидерт» (Эр-Рашидия) (87, 05.07.2000). В то же время в алжирских СМИ указывалось, что «Тилелли» якобы осудила мероприятие в Лионе (77, 15.08.1999).

Участники Лионского съезда избрали Федеральный совет. В его состав вошли по 10 представителей от Алжира и Марокко. 4 человека представляли туарегов, 3 – Канарские о-ва и 2 – ливийцев. Одновременно были учреждены посты 3 вице-президентов. Своими первыми целями Лионский съезд назвал организацию международного colloquium по проблеме стандартизации берберского языка, а также проведение культурного фестиваля молодежи имазигенов (87, 23.08.1999).

В дальнейшем для облегчения изложения в случае, когда речь идет об умеренной составляющей, будет использоваться аббревиатура ВКА-У, и ВКА-Р – в случае радикальной составляющей.

По итогам Лионского съезда президентом ВКА-У стал Рашид Раха – испанец марокканского происхождения, проживающий в Мелилье (87, 23.08.99). Из личной встречи с Р.Раха, состоявшейся в Марокко, автор этой работы вынес впечатление, что этот человек не мог не пользоваться определенным покровительством марокканских властей (мероприятие с его участием проходило в столице в зале министерства культуры), что в какой-то мере подтверждает слова, сказанные в адрес Рахи его оппонентами по ВКА.

Своей главной целью Лионская структура сразу же объявила воздействие на умы берберов через СМИ. Другая цель – проведение работы по стандартизации берберского языка. В отличие от ВКА-Р в новой структуре были учреждены три поста вице-председателей. Один из них занял также марокканец, глава ассоциации «Тамайнут» Хасан Ид Белькасем. Дабы придать себе определенный международный «вес», Всемирное бюро ВКА-У направило открытые письма президенту Алжира Абдельазизу Бутефлике и королю Марокко Мохаммеду VI (3, 23.12.1999).

В частности, в письме, адресованном главе АНДР, указывалось, что несмотря на присоединение Алжира к Всеобщей декларации прав человека в этой стране до сих пор «отрицаются права и чаяния» алжирских берберов – «ваших миллионов поруганных сограждан». В нем отмечалось, что берберский язык тамазиг остается в неравном положении с арабским. По мнению авторов письма, действия государства и администрации направлены на «регионализацию берберской идентичности».

В документе приводились примеры, когда изучение тамазиг в школах стремятся ограничить одной Кабилией, когда запрещаются плакаты на тамазиг вне Кабии. Все это, считали авторы письма, противоречит декларируемому президентом намерению «покончить с табу» и открыть Алжир для истинной и всеобщей демократии. Они предлагали «окончательно порвать с исторической несправедливостью» в отношении места берберской идентичности в Алжире. «Прелюдией» к этому должно стать официальное признание национально-го статуса языка тамазиг.

В письме к марокканскому монарху указывалось на наличие «длящейся веками очевидной несправедливости, которая становится все больше и больше нетерпимой и которая заключается в отрицании права марокканцев выражать их берберскую идентичность». В нем подчеркивалось, что Марокко является самой берберской страной в тамазга. В документе утверждалось, что «вплоть до настоящего времени единственным ответом на стремление людей свободно жить в своем культурном пространстве были запреты и репрессии». С нотками сарказма авторы письма рассматривали действующий запрет на использование берберских имен для новорожденных.

Авторы письма предупредили, что существующее положение вещей «опасно для единства страны и недостойно Марокко, стремящегося стать в ряд современных наций». Они предложили придать берберскому языку статус официального и национального.

Между двумя фракциями берберского движения сразу же установились отношения «гражданской войны» или «войны коммунике». Всемирное бюро во главе с Феркалом тут же обвинило своего лионского двойника в том, что им «манипулируют», а сам Раха якобы состоит на содержании испанских спецслужб. Насколько справедливы подобные обвинения – сказать трудно. Берберские организации марокканского юго-востока отвергли эти обвинения. Попытки наладить диалог между двумя Всемирными бюро провалились (87, 26.06.2000). Со своей стороны Р.Раха обвинил нескольких организаторов съезда в Брюсселе в том, что они якобы пользуются поддержкой бывшего министра внутренних дел Марокко Дриса Басри. «Они связаны с политической формацией, родившейся в 50-е годы в недрах МВД (Марокко). Эти люди пытаются внести раскол между амазигами», – утверждал Раха (83, 20.07.2002).

В конце 1999 г. Р.Раха попытался монополизировать название ВКА, подав в административный суд на параллельную организацию, которая фактически являлась наследницей первоначального Конгресса. Он добивался запрета для сторонников Феркала использовать название ВКА, а также обязать Феркала выплатить символический штраф в 1 франк. Однако французское правосудие решило иначе. Тем самым оно фактически признало законность для ВКА-Р использования названия ВКА и соответственно незаконность ВКА-У. В свою очередь сторонники Р.Рахи попытались использовать определенную двойственность и необязательность вердикта, объявив, что решение вынесено в их пользу. Они же утверждали, что участниками лионской встречи якобы были до 75% берберских организаций. Соответствующая публикация без подписи тут же появилась в марокканском еженедельнике «Репортер» (85, 20.01.2000).

В начале мая 2001 г. ВКА весьма резко отреагировал на заявление президента Бутефлики, последовавшее после трагических событий «черной весны» в Кабилии. В коммюнике ВКА выражалось мнение, что алжирские власти в лице главы АНДР не дали какого-либо конкретного ответа на требования берберов, выдвинутые в ходе волнений в Кабилии, когда в результате применения оружия силами безопасности погибло до 100 человек. В документе выражалось удивление, что реакция Бутефлики на кровавые события в провинциях Тизи-Узу и Беджая последовала лишь через 12 дней после начала выступлений берберской молодежи. «Его молчание с момента первого пролития крови в Кабилии – выражение безразличия и даже презрения, культивируемого главой государства по отношению к населению, – отмечалось в документе. – Продолжая поездки за границу, как если бы ничего не произошло, он только поощрил к дальнейшему продолжению преступлений, совершавшихся репрессивными силами против кабилской молодежи».

В коммюнике подчеркивалось, что «используя в выступлении 30 апреля классический арабский язык, недоступный значительной части алжирцев, в том числе арабговорящих, он (Бутефлика) подтвердил дистанцию, поддерживаемую между властями и народом, а также его приверженность арабо-баасистской идеологии». В коммюнике отмечалось, что в выступлении главы государства не прозвучало ни осуждения убийств молодежи, ни обещаний наказать виновных трагедии. В нем также не нашлось места для какой-либо реакции на требования берберов относительно признания их культурной самобытности.

В заключение авторы документа пришли к жесткому выводу о том, что трагические события в Кабилии, где силы безопасности применили оружие против народа, который они призваны защищать, «показали неспособность алжирских властей урегулировать кризисы» (5).

Накануне проводившейся в Дурбане (ЮАР) под эгидой ООН Всемирной конференции против расизма ВКА распространил два коммюнике, в которых дал свою оценку ситуации с берберской проблемой в странах Северной Африки.

В первом коммюнике, посвященном итогам рассмотрения берберского вопроса на прошедшей в период с 23 по 27 июля в Женеве 19-й сессии Рабочей группы ООН по автохтонным народам указывалось, что трагические события в Кабилии являлись «скрытым актом геноцида». По данным ВКА, в результате применения жандармами стрелкового оружия погибли свыше 100 человек, а не 60, как было объявлено официальными алжирскими властями. По мнению Конгресса, столь масштабное применение силы было обусловлено тем, что алжирские берберы «не перестают выдвигать требования, связанные с их свободами, экономическими и социальными правами, а также с их культурно-лингвистическими запросами».

В документе содержался «стандартный» набор утверждений. «Амазиги всегда отвергали их насильственную ассимиляцию арабами», – подчеркивалось, в частности, в коммюнике. В нем осуждалось «преступное отношение» североафриканских государств к берберам. В документе напоминалось, что аналогичную политику по отношению к туарегам проводят власти Мали и Нигера. Авторы документа указали, что виновные в убийстве «тысяч туарегов» остались безнаказанными. Они утверждали, что марокканские власти «систематически запрещают какую-либо деятельность берберских ассоциаций, в Тунисе и Ливии власти, полагал ВКА, не терпят ни малейшего самовыражения амазигов. В этой связи ВКА осудил нарушения фундаментальных прав амазигов и выразил солидарность с «мирной борьбой» берберских движений.

Второе коммюнике посвящалось состоявшейся 2 августа в Брюсселе встрече между делегацией ВКА и Еврокомиссией. В документе отмечалось, что в ходе встречи представители ЕС были проинформированы о ситуации с берберским вопросом вообще и о событиях в Кабилии, в частности. Участники встречи обсудили меры, которые планирует предпринять ЕС, чтобы «заставить североафриканские государства, в частности, Алжир, уважать международные конвенции, касающиеся прав человека, а также немедленно прекратить покушения на фундаментальные права амазигов». Представители ВКА настаивали на том, чтобы ЕС обусловил любого рода экономическое сотрудничество с Алжиром «уважением последним принципов демократии и прав человека».

Относительно объявленного незадолго до этого намерения марокканского монарха учредить Королевский институт берберской культуры ВКА отметил, что эта мера должна быть конкретизирована в законодательном порядке. «Только придание статуса национального и

официального берберскому языку тамазиг позволит реально гарантировать права берберов», – утверждалось в документе.

ВКА-Р был представлен на прошедшей в период с 31 августа по 7 сентября 2001 г. в Дурбане (ЮАР) Всемирной конференции против расизма, проводившейся под эгидой ООН. Правда, из-за финансовых проблем в состав делегации вместо 10 было включено всего 7 человек. Декларация конгресса прозвучала резким диссонансом заявлениям представителей официальных властей стран североафриканского региона, на словах критиковавших расизм и утверждавших, что у них в этом плане нет никаких проблем. В декларации, в частности, утверждалось, что власти североафриканских государств проводят политику геноцида по отношению к автохтонному населению, т.е. к берберам. «Арабо-исламизм алжирского, марокканского, тунисского и ливийского государств навязывает им (берберам) единственный язык – арабский, единственную религию – ислам. Продолжается ассимиляция берберов, фальсификация истории, насильственная маргинализация бербероговорящих регионов», – отмечалось в документе. Его авторы утверждали, что государства Северной Африки «ежедневно практикуют то, что можно назвать по меньшей мере политикой апартеида по отношению к памяти, истории, политическим, экономическим, социальным, культурным и лингвистическим правам амазигов».

В декларации констатировалось, что все заявления короля Марокко Мохаммеда VI в части, касающейся берберов, остались лишь на уровне «символических знаков». На деле «с начала 2001 г. систематически запрещалась любая деятельность берберских культурно-просветительных организаций». Авторы документа подчеркивали, что «недавняя реформа системы образования носит отчетливый расистский характер, поскольку она определяет изучение языка тамазиг в начальной школе как средство для улучшения понимания арабского языка, рассматриваемого как единственный язык цивилизации».

В отношении Алжира в декларации ВКА утверждалось, что власти этой страны «готовы пойти на широкомасштабное преступление с тем, чтобы сохранить несправедливую ситуацию, сохраняющуюся последние 40 лет».

В заключение авторы декларации осудили североафриканские государства за проводимую ими политику «сегрегации и дискриминации в отношении амазигов». Сложившуюся в них за постколониальные годы практику ВКА назвал «ситуацией внутренней колонизации» при том, что берберы являли собой наиболее активный слой магрибинских обществ в период борьбы за независимость.

В ходе конференции в Дурбане ВКА распространил также коммюнике, осуждающее аресты, которым подверглись незадолго до этого активисты ряда социально-просветительных берберских организаций в Эррашидии и Гульмине. По данным ВКА, против них были выдвинуты обвинения в «подготовке восстания в этом регионе». После освобождения

дения им была запрещена любая общественно-политическая деятельность. В противном случае активистам грозило обвинение в «измене». По мнению ВКА, этой акцией марокканские власти преследовали две цели: запугать активистов берберского движения и заранее оправдать себя за их аресты в случае, если в этом будет необходимость. Тем самым они «в очередной раз продемонстрировали тоталитарную и репрессивную природу марокканского государства» (5, 12.09.2001).

В выступлении представителя ВКА в Дурбане слова резкой критики были адресованы в адрес Мали и Нигера, где «туареги подверглись диким репрессиям, унесшим жизни тысяч человек в начале 90-х годов». Подчеркивалось также, что за эти репрессии два упомянутых государства не понесли никакого наказания. Резкой критике подвергались Триполи и Тунис. «Тунисский и ливийский режимы запрещают любую форму самовыражения берберской идентичности, — отмечалось в выступлении. — Берберский язык звучит только в семейном кругу. Не допускается ни малейшего выступления на этом языке с публичными речами. Запрещены все культурные берберские организации. Активисты берберского движения, артисты и поэты подвергаются террору со стороны полиции, они должны отказаться от какого-либо самовыражения на берберском языке, если не хотят попасть в тюрьму, ссылку или погибнуть».

В отношении Марокко утверждалось, что 60% населения этой страны являются бербероговорящими. Там «панарабистское меньшинство удерживает в своих руках политическую и экономическую власть и навязывает свою диктатуру берберскому большинству». Подчеркивалось, что с начала 2001 г. любая деятельность берберских культурологических организаций «систематически запрещалась».

Наиболее резкая критика была высказана в адрес Алжира, что понятно в связи с «черной весной» 2001 г.

В заявлении представителя ВКА содержалась резкая критика выступлений официальных представителей североафриканских государств. «Мы присутствуем здесь на настоящей трагикомедии, поскольку эти режимы продолжают нарушать права своих граждан и подданных и делают это даже в дни, когда проходит эта конференция, — отмечал он. — Они демонстрируют здесь терпимость и дружеское расположение по отношению к своим народам и одновременно презируют эти ценности. Это недопустимо, неприемлемо, непростительно, и мы осуждаем подобные действия».

Ситуация, складывающаяся во всех без исключения странах Северной Африки, была названа в Дурбане как «внутренняя колонизация».

Осенью 2001 г. в Алжире побывал генеральный секретарь ВКА-Р Абделькасем Лунес. Его пресс-конференция, проведенная 30 сентября в Беджаие, стала, по сути, отчетом о деятельности Конгресса по «оказанию помощи алжирскому народу», который событиями в Кабилии продемонстрировал всему миру «образец народного восстания».

против несправедливости и угнетения» (82, 01.10.2001). В частности, он сообщил, что представители ВКА были приняты всеми группами Европарламента. С его слов, последние пообещали действовать с тем, чтобы «заставить уважать права человека и демократию в Алжире». Голос ВКА был услышан не только в Европарламенте. По данным А.Лунеса, его организация намеревалась принять активное участие в ходе планировавшихся на 12 ноября 2001 г. в Женеве слушаний в Комиссии ООН по правам человека по кабильской проблеме. Другой стороной, которую должны были заслушать в Женеве, было алжирское государство.

19 декабря 2001 г., когда в Брюсселе должно было состояться подписание соглашения об ассоциации между Алжиром и Евросоюзом, ВКА-Р организовал достаточно мощную манифестацию представителей берберских ассоциаций Франции и Бельгии. Представители манифестантов были приняты главным советником председателя Еврокомиссии Романо Проди. Ему было заявлено, что подписание соглашения в условиях, когда алжирские власти пролили кровь в Кабилии, «может только усилить эту кровавую диктатуру» (5). За два дня до этого ВКА призвал Еврокомиссию вообще не парафировать соглашение об ассоциации между Евросоюзом и Алжиром, что предполагалось сделать в ходе визита президента Бутефлики в Брюссель. В заявлении ВКА напоминалось, что проект соглашения об ассоциации между ЕС и АНДР содержал пункт, обязывавший алжирское государство уважать права человека. Авторы документа утверждали, что Кабилия к тому времени уже 8 месяцев жила в условиях «всеобщего восстания» против произвола властей и отрицания последними берберской идентичности. Поскольку восстание в Кабилии продолжалось, а требования берберов оставались невыполненными, ВКА полагал, что не могло быть и речи о соглашении между ЕС и «властями – убийцами».

ВКА-У высказался за пересмотр политики регионализации, проводимой властями Марокко. В качестве первого шага предлагалось пересмотреть географическую нарезку регионов с тем, чтобы их границы отвечали не избирательным механизмам (деление по численности проживающего населения), а соответствовали социально-культурным особенностям живущих там людей (83, 20.07.2002).

20 апреля 2000 г. по случаю отмечавшейся в тот день в Алжире 20-й годовщины «берберской весны» ВКА-У потребовал от президента АНДР объявить 20 апреля праздничным днем – «национальным днем амазигов». Это требование прозвучало на пресс-конференции председателя ВКА Р.Рахи, состоявшейся днем ранее в Тизи-Узу.

В заявлении Р.Рахи отмечалось, что 20 лет спустя после массовых выступлений берберов в защиту их культурной самобытности берберский язык тамазиг по-прежнему сталкивается с многочисленными проблемами. Такая ситуация, по его мнению, является отражением «политической воли государства ограничить распространение

тамазиг в Алжире». По оценке Р.Рахи, через пять лет после введения в школьные программы в провинциях с преимущественно берберским населением языка тамазиг в качестве самостоятельного предмета его преподавание по-прежнему осуществлялось на уровне эксперимента. Глава ВКА подчеркнул, что «признание берберской идентичности является жизненно необходимым условием» для продолжения процесса демократизации Алжира.

В коммюнике, распространенном в Париже 10 декабря 2001 г. по случаю отмечавшегося в тот день Всемирного дня прав человека, была представлена общая оценка «состояния прав, или, скорее, нарушений прав и фундаментальных свобод берберского народа в странах Северной Африки».

В документе констатировалось, что в Алжире 2001 г. был, «без сомнения, самым драматичным годом для амазигов этой страны и, в частности, для жителей региона Кабилии». Этот район «подвергся редким по жестокости репрессиям» в течение «черной весны», когда в результате «слепых репрессий» от пуля погибли до 100 человек, более 3 тысяч получили ранения. Из числа последних свыше половины стали калеками. Признается, что после этих событий берберское движение и все его акции возглавил «демократически назначенный» КСДКК. Выработанная им «платформа Эль-Ксар» не была принята алжирскими властями.

В коммюнике отмечалось, что алжирские власти использовали «самые грязные методы» с тем, чтобы ответить на требования берберов, которые они сами признали «законными» в коммюнике от 3 октября 2001 г. В частности, разжигалась вражда между арабо- и бербероговорящими алжирцами, государство отказалось от выполнения своих функций в берберских районах, включая обеспечение безопасности. Власти никоим образом не отреагировали на выводы, содержащиеся в докладе комиссии М.Иссада, занимавшейся расследованием причин «черной весны».

В Марокко, по оценке ВКА, продолжалось «царствование парадокса». Он заключается в том, что «в стране, где берберы составляют численное большинство, на деле они находятся на положении национального меньшинства». «Берберы Марокко живут под гнетом панарабистского меньшинства, которое обладает монополией на политическую и экономическую власть и которое ведет политику на деберберизацию страны», – констатировалось в документе. При этом в адрес марокканских властей выдвигалось обвинение в оказании «административно-юридического давления» на активистов берберского движения.

Что касается других регионов компактного проживания берберов, то в них, отмечалось в коммюнике, «не наблюдалось никакого позитивного изменения ситуации». В Нигере и Мали власти этих стран не выполняли взятые на себя обязательства после прекращения туарегами вооруженной борьбы. Под угрозой оказалась сама их жизнь. Подобная

ситуация, полагал ВКА, требовала вмешательства мирового сообщества. В Ливии и Тунисе «вообще нельзя говорить о правах человека применительно к бербероговорящей части общества». На Канарских островах испанские власти проводят «дискриминационную политику» по отношению к коренным жителям, особенно в вопросах трудоустройства.

ВКА в очередной раз обратился с призывом к международным организациям вынудить правительства североафриканских стран уважать принятые на себя обязательства в части, касающейся прав человека. Он обязался «отныне систематически использовать все возможности, существующие на международном уровне с тем, чтобы знакомить мировое общественное мнение с нарушениями прав берберов и добиться применения предусмотренных международным законодательством санкций против ответственных за это лиц».

В заключение в коммюнике утверждалось, что североафриканские государства «ежедневно практикуют политику апартеида по отношению к памяти, истории, политическим, экономическим, социальным, культурным и лингвистическим правам амазигов» (5, 01.09.2001).

В следующем по времени коммюнике, приуроченном к отмечавшемуся 12 января 2002 г. первому дню нового, 2952 года по берберскому календарю, ВКА-У обратился к берберской диаспоре с призывом проявить «активную солидарность с гражданским сопротивлением в Кабилии» (5).

13 марта 2002 г. президент Бутефлика выступил с посланием к нации, в котором дал несколько обещаний относительно удовлетворения некоторых требований берберов. На это заявление немедленно отреагировал ВКА-У. В декларации Конгресса содержалась резкая критика главы государства, который удосужился высказаться по «берберскому вопросу» лишь почти год спустя после трагических событий в Кабилии весной 2001 г. В документе констатировалось, что алжирские власти потерпели полный провал в реализации их «кабийской политики». По мнению авторов документа, власти сами загнали себя в тупик и теперь не знают, как из него выбраться. Они утверждали, что выступление президента стало еще одной акцией, «лишенной какого-либо смысла и каких-либо конкретных решений». Оно содержало лишь обещания, которые, как уже неоднократно демонстрировали алжирские власти, они совсем не собирались выполнять. В документе напоминалось, что в свое время Бутефлика обещал выполнить рекомендации комиссии М.Иссада, но он пальцем о палец не ударил, чтобы сделать это. По мнению ВКА, выступление Бутефлика было вызвано заботой во что бы то ни стало привести берберов на парламентские выборы 30 мая (5).

В конце марта 2002 г., когда алжирские власти вместо обещанных несколькими днями ранее перемен в отношении к берберскому вопросу провели широкомасштабные аресты среди активистов КСДКК, ВКА-У выступил с заявлением, в котором назвал эти действия «объявлением войны Кабилии». Другим определением, употребленным в связи с дей-

ствиями властей, стало слово «провокация». По мнению ВКА, этими арестами власти сами подталкивали отчаявшихся жителей Кабилии к бунту с тем, чтобы потом было легче оправдать репрессии против них. Одновременно ВКА заявил о солидарности с КСДКК и потребовал немедленного выполнения следующих 4 требований:

1. немедленно освободить всех арестованных;
2. немедленно прекратить карательные набеги «полицейских эскадронов»;
3. арестовать всех убийц и тех, кто руководил ими;
4. полностью удовлетворить «законные» требования, содержащиеся в «Платформе Эль-Ксар».

В период с 12 по 13 апреля 2002 г. в Агадире (Марокко) прошла очередная сессия Федерального совета ВКА-У. В повестке дня был один вопрос – «серьезная ситуация, преобладающая в странах тамазги» (Северной Африки) в части, касающейся положения берберов. В связи со сложной ситуацией в алжирской Кабилии участники сессии подтвердили солидарность ВКА с КСДКК. Они обратились «ко всем демократическим странам мира и международным организациям с просьбой незамедлительно ввести экономические и дипломатические санкции против алжирского правительства». Они констатировали, что в Марокко «амазиги по-прежнему подвергаются репрессиям и экономически подталкиваются к обнищанию». В этой стране, по мнению участников сессии, «панарабистское меньшинство обладает монополией на экономическую и политическую власть, навязывает арабо-исламистскую идеологию бербероговорящему большинству, идентичность которого скрывается и отрицается». Констатировалось, что вопреки официальным заявлениям, «в стране продолжается процесс арабизации, а тамазиг остается исключенным из всех областей политической жизни».

Участники сессии отметили, что решение Мохаммеда VI учредить королевский институт берберской культуры на самом деле было тут же им самим дискредитировано назначением в руководство института лиц, известных своими «панарабистскими, антиберберскими взглядами». Сам акт об учреждении института был назван простым маневром властей, направленным на «торможение и раскол берберского движения, размах которого не перестает расширяться». На сессии подчеркивалось, что под особо жесткий контроль властей попало Культурное движение амазигов-студентов, которое, как понятно, может радикализироваться заметно быстрее других берберских общественных организаций. Констатировалось, что в ряде регионов Марокко, в частности в юго-восточных и южных провинциях, марокканские власти приступили к активной экспроприации земель берберов, объявляя их государственными, а затем перепродавая.

Сессия ВКА рекомендовала марокканским берберам бойкотировать любые выборы «вплоть до установления в Марокко правового государства и полного признания берберской идентичности страны».

При рассмотрении ситуации в Мали и Нигере сессия ВКА констатировала, что власти этих стран не выполнили экономических статей мирных соглашений, подписанных с туарегским Сопротивлением. Остались безнаказанными виновные в убийствах тысяч туарегов в 90-е годы XX века. Такие государственные деятели Мали, как Амаду Тумани Туре и Альфа Умар Конаре, «ответственные за эти убийства, представляются сегодня как образцы африканской демократии». В Агадире ВКА вновь заявил о своей принципиальной позиции в поддержку требований туарегов о самоопределении.

Что касается Туниса, то, по оценке ВКА, там проживает «несколько сотен тысяч» амазигов. Диктату властей они могут противопоставить только «молчаливое сопротивление», поскольку говорить на родном языке они могут только у себя дома.

По оценке ВКА, такой же «лингвистический геноцид» практикует и Ливия, где вообще не соблюдается право амазигов на создание собственных ассоциаций. Использование берберского языка даже в быту чревато в этой стране «смертью, тюрьмой или насильственной ссылкой».

30 мая 2002 г. в Алжире состоялись парламентские выборы. Задолго до дня голосования берберские общественно-политические организации страны призвали своих сторонников бойкотировать голосование. Не остался в стороне и ВКА-У. За неделю до выборов он распространил призыв ко всем алжирцам бойкотировать «избирательный маскарад», организованный «коррупцированной диктатурой».

В июне 2002 г. ВКА в открытом письме премьер-министру Марокко А.Юсуфи подверг критике кампанию шельмования берберов в некоторых марокканских СМИ. В документе, отмечалось, что в ответ на активизацию требований берберов признать их культурную самобытность, «враги амазигов – близкие к власти баасисты – мобилизовались и разработали стратегию, направленную на дискредитацию берберского движения и изоляцию его активистов». В письме отмечалось, что первый шаг в реализации данной стратегии сделал директор королевского кабинета, опубликовавший антиберберскую статью в базирующейся в Лондоне арабоязычной газете «Аш-Шарк аль-Аусат». Затем последовали другие публикации в марокканской прессе. В них активисты берберского движения обвинялись в сотрудничестве с иностранными спецслужбами, само движение сравнивалось с сионизмом и расценивалось как экстремистское. В «арабо-исламистских кругах» развернулось движение за подписание петиции, которая формально направлена против расизма и дискриминации, а на самом деле – «несправедливым и провоцирующим образом направлена против активистов находящегося на подъеме берберского движения». Как отмечалось в письме, петицию подписали, в частности, министр национального образования и министр по правам человека.

В этой связи ВКА предложило рассмотреть «проект современного общества, уходящего своими корнями к многовековой цивилизации амазигов, которое противостояло бы теократическим и ретроградным идеалам некоторых экономических и политических властных кругов». В письме подчеркивалось, что «все, чего требуют берберы, – так это действенного равенства в правах». В нем утверждалось, что «именно амазиги, составляющие подавляющее большинство населения Марокко, являются жертвами расизма и дискриминации, и эта ситуация длится веками». Авторы письма обвинили власти в том, что они поставили «все материальные, людские и финансовые ресурсы государства на службу арабизму и исламизму».

В письме предлагалось рассмотреть план из 10 пунктов по борьбе против расизма и дискриминации. В частности, в основном законе страны предлагалось записать, что «марокканская идентичность базируется в первую очередь на берберском субстрате, на который затем наложили отпечаток арабская, еврейская, французская и испанская цивилизации».

Одно из предложений касалось отмены законодательных и административных норм, дискриминационных по отношению к берберам. В частности, речь шла об отмене нормативных актов, запрещающих давать детям берберские имена при рождении, ограничивающих деятельность культурно-просветительных организаций. ВКА предлагал переработать содержание учебников истории с тем, чтобы «восстановить историческую правду». Одно из предложений касалось разработки программ социально-экономического развития регионов, где проживают берберы и которые являются одними из самых бедных в стране.

План предлагалось принять к немедленной реализации. В качестве контрольно-наблюдательного органа назывался Верховный комиссариат ООН по правам человека.

Накануне отмечавшегося в Алжире 5 июля 2002 г. 40-летия провозглашения независимости ВКА-У опубликовал приуроченное к этой дате коммюнике, в котором подверг резкой критике алжирские власти и за нежелание развязать кабильский «узел», и за общее состояние дел в стране. В документе констатировалось, что система управления страной несколько не отличается от колониальной, которую она сменила в 1962 г. «Власть имеет тоталитарный, насильственный характер. Она монополизировала национальные богатства и прибегает к любым формам репрессий с тем, чтобы сохранить свои привилегии. Все более широкие слои населения впадают в нищету. Народный бунт становится самым обычным выражением недовольства», – писали авторы документа. Напомнив, что высшим проявлением этого недовольства стали события в Кабилии, они приветствовали создание Международного уголовного суда (МУС). В коммюнике содержится обязательство ВКА прибегнуть к помощи МУС с тем, чтобы при-

влечь к ответственности виновных в гибели людей в ходе «черной весны» в апреле – мае 2001 г.

В период с 29 по 31 августа 2002 г. в г.Рубе во Франции состоялся 3-й очередной съезд ВКА. Он предложил национальным организациям новую стратегию действий, которая должна базироваться на разных формах лоббирования с конечной целью добиться реализации основных ценностей берберов, главными из которых провозглашались «светскость, равенство прав мужчин и женщин, региональная децентрализация через создание автономных регионов» (79, 19.04.2002). Его участники обсуждали 4 основных вопроса, касавшихся «борьбы и сопротивления амазигов, прав человека в части, относящейся к берберам, идентификационных критериев амазигов, стратегии на ближайшее будущее» (5). Представители алжирских берберов не смогли прибыть в Рубе, поскольку им было отказано во французских визах. Тем не менее их голос прозвучал на конгрессе благодаря современным средствам связи. По итогам съезда были обновлены Федеральный совет и Всемирное бюро ВКА. В бюро вошли президент Белькасем Лунес, вице-президенты от Марокко – Мохаммед Ханден, от Алжира – Мохаммед Си Белькасем, от туарегов – Абдулахи Аттайюб, от Канарских островов Джеймс Саенс, генеральный секретарь Кадиджа Бульмедарат, заместитель генерального секретаря Моханд Урамдан Касер, казначей Ахсен Бозин, заместитель казначея Саид Земуш.

Главным итогом съезда стала выработка новой стратегии, нацеленной на достижение одной из целей ВКА – принудить власти принять демократические конституции, которые определяли бы тамазиг в качестве национального и официального языка и которые бы уважали права амазигов.

С ВКА тесно взаимодействуют следующие берберские организации: Ассоциация берберской культуры (Париж, Франция), Ассоциация «Амазиг» (Гренобль, Франция), Ассоциация кабильских таксистов Парижа, Ассоциация «Амазиг» (Сен-Дени, Франция), Берберская культурная ассоциация Кабилии (Монтпелье, Франция), Центр «Амазиг» (Монреаль), Ассоциация друзей Фонда им.Лунеса Матуба (Страсбург), Ассоциация «Таферка» (Монреаль), Ассоциация берберов-юристов Франции (Париж), Ассоциация «Тамазга» (Франция), Международная ассоциация «Тифинаг» (Франция), Культурная ассоциация «Амуггер» (Франция), Берберское культурное движение – иммиграция (Франция) и другие.

Ряд берберских структур, имеющих международный характер, действует в странах Европы. Одной из наиболее влиятельных является Федерация культурных берберских ассоциаций Франции (ФКБАФ). По состоянию на начало 2003 г. она объединяла 22 организации. Наиболее громко Федерация заявила о себе накануне состоявшегося в период со 2 по 4 марта 2003 г. визита в Алжир президента Франции Жака Ширака. В распространенном в этой связи коммюнике

ФКБАФ резко осудила алжирское руководство за то, что оно представляет Алжир как исключительно арабо-мусульманскую страну. «Алжирские власти придают своей стране исключительно арабо-мусульманский имидж. Франкофоны и берберофоны, другие слои и культуры этой такой богатой в культурном отношении нации для нее находятся на положении нежелательных», – отмечалось в документе.

В июне 1998 г. общественные организации берберов, проживающих в ряде стран Европы, провели в Париже учредительный съезд Европейской федерации ассоциаций амазигов (ЕФАА). Как отмечалось в коммюнике съезда, новая международная организация берберов ставит перед собой в качестве основной цели борьбу за «социальные, лингвистические и культурные права берберской общины в Европе».

ЕФАА заявила о намерении участвовать в процессе налаживания сотрудничества между северным и южным берегами Средиземноморья, содействовать через «берберское измерение» признанию прав человека, детей и национальных меньшинств в странах, где имеются общины амазигов. Федерация провозгласила свой полный отказ от какой-либо «политической или конфессиональной деятельности». В документе, подписанном председателем административного совета ЕФАА Маликой Сидус, отмечалось, что в Федерацию вошли берберские ассоциации из Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Испании, Великобритании и Швеции.

В одном из первых коммюнике, распространенных сразу после учредительного съезда, ЕФАА выразила свою озабоченность ситуацией, сложившейся вокруг прав берберского населения в Северной Африке. В частности, Федерация осудила запрет на использование алжирскими берберами языка тамазиг, вводившийся начиная с 5 июля 1998 г. в связи с вступлением в силу в Алжире закона о всеобщей арабизации.

ЕФАА выступила также против «введенного начиная с 1996 г. запрета для марокканских амазигов давать берберские имена своим детям». По мнению Федерации, эти две меры являлись «вопиющими нарушениями прав человека, направленными на разрушение культурной и языковой идентичности амазигов». ЕФАА подчеркнула, что действия властей двух стран противоречат основополагающим документам в области прав человека, ратифицированным Алжиром и Рабатом, и выступила с требованием отмены этих решений.

В целом пока международные берберские структуры стараются, как правило, не вмешиваться во внутренние дела североафриканских стран, видя в качестве своей ближайшей задачи признание берберского языка в качестве второго официального и национального. В случае, если эта задача не будет решена из-за сопротивления властей, эти структуры могут стать тыловой базой, источником финансирования для быстро радикализирующихся национальных движений.

5. РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА, ИСТОРИОГРАФИЯ

Уже в первые века после завоевания Северной Африки арабами ислам стал одним из инструментов подавления и эксплуатации местного (берберского) населения. Как считал М.В.Чураков, следовавший классическим канонам учения о классовой борьбе, ислам как идеология ускорил развитие феодальных отношений, упрочил их господство и был основой союза арабской и берберской знати. Углубление классовой дифференциации, обострение противоречий между феодальными группировками, в процессе преодоления которых арабская знать вытесняла берберов с командных постов, вызывали нарастающее сопротивление неравноправным, насильственным формам союза (27, с.12), что в конечном итоге привело к подъему движения хариджитов.

Ислам является одним из важнейших социопсихологических факторов, формирующих поведенческий тип широких слоев населения североафриканских стран с берберской составляющей. В них в силу исторических особенностей развития произошло явное отдаление светской интеллектуальной элиты, в которой широко представлены берберы, от ислама. Да и сам ислам, который практикуют берберы, разнится от «правильного» ислама. Как отмечает Ю.М.Кобищанов, «в Алжире и Марокко горные берберские этносы Атласа и Антиатласа отличаются от населяющих равнины арабов своими социальными обычаями, нормами обычного права, особенностями ритуала и пр.». Господство общинного права в сфере владения землей и другим имуществом, отрицание права женщин на владение землей, моногамия, своеобразные брачные, семейные и судебные обычаи, сакрализация племенных базаров – вот характерные черты берберского народного ислама, восходящие к доисламским верованиям берберов (15, с.21).

Наблюдаемый в настоящее время подъем берберского движения в Алжире во многом был спровоцирован действиями властей этой страны и правившей партии ФНО, которые своей национал-исламистской политикой фактически раскололи алжирское общество. Эту ошибку признавали даже некоторые представители правящей верхушки. Так, еще в 1973 г. Ахмед Талеб Ибрагими (на рубеже XX–XXI веков он станет одним из лидеров «умеренных» алжирских исламистов) писал: «Читая все, что было написано относительно арабов и берберов в Алжире, невольно отдаешь себе отчет в том, что была проделана огромная закулисная работа с целью расколоть алжирский народ. Исторической ошибкой является выдвигание, в частности, лозунга о том, что алжирская нация состоит из арабов и берберов» (82, 15.07.2001).

Берберы всегда поддерживали алжирский (а не панарабский, как исламисты) национализм и даже такие «импортные», по мнению исламистов, идеологии, как прозападный либерализм и даже марксизм в разных его толкованиях (16, с.152). Определенным ответом им, как отмечает М.А.Сапронова, стало появление в конституционном процессе тенденции на большую исламизацию текстов основных законов, в частности, через конституционное закрепление полномочий новых органов власти типа Высших исламских советов (25, с.20).

Как в Алжире, так и в меньшей степени – в Марокко государство традиционно не могло быть гарантом соблюдения тех правил, которые оно само устанавливало. Так, в феврале 1997 г. в Алжире незадолго до парламентских выборов был принят новый закон о партиях, запрещавший использование религии и других институтов алжирской нации в политических целях. Однако как исламистские, так и проберберские партии смогли моментально мимикрировать в новых условиях, внося косметические и ничего не значащие изменения в свои программы.

Формально лидеры берберского движения не выступают против ислама, который, по их взглядам, вместе с арабским и французским языками является неотъемлемой составляющей культурного наследия нации. Тем не менее многие активисты движения постепенно меняют свое отношение к исламу, который они связывают с исламизмом.

Антиисламские настроения среди берберов во многом связаны с женщинами. Представительницы прекрасной половины человечества всегда имели в берберских семьях огромное влияние, несоизмеримое с положением женщин в арабских семьях. И берберок никак не могла удовлетворить участь существ второго сорта, уготованная им Кораном. Огромное влияние на рост самосознания берберов оказал певец Л.Матуб. В одной из своих песен он вспомнил времена, когда Кабилия правила королева – ситуация, немыслимая среди арабов.

Параллельно с ростом национального самосознания берберов многие из них начинают менять свое отношение и к привнесенной к ним извне религии – исламу. Так, в Алжире представители официального ислама были вынуждены признать, что западные религиозные миссионеры, в том числе протестантские, наиболее активно работают и соответственно имеют лучшие шансы на успех в Кабилии.

Исторически берберы фрондировали по отношению к классическому исламу, выбирая особые его формы. Это проявилось в свое время в восстании хариджитов. В настоящее время их последователи ибадиты живут достаточно компактно в районе алжирской долины Мзаб и города Гардая. Их численность составляет до 100 тысяч человек (74, 24.04.2001).

Традиционно выражая недовольство политикой центральных властей, Кабилия оказала яростное сопротивление и нашествию интегризма. Несмотря на победное шествие по Алжиру в начале 90-х годов, ИФС не смог закрепиться в этом регионе. На состоявшихся в июне

1990 г. выборах в местные органы власти свыше 60% мест в муниципалитетах Кабилии завоевали представители ОҚД, в то время как в других районах страны подавляющее большинство местных органов власти было захвачено исламистами. На парламентских выборах 1991 г. ИФС, одержав общую победу, ничего не смог добиться в Кабилии. Места в парламенте от этого региона либо были завоеваны представителями ФСС, либо за них во втором – так и не состоявшемся туре голосования – должны были бороться представители ФСС и ОҚД. Несколько месяцев спустя, когда страну охватила волна исламистского террора, Кабия стала одним из островков относительно спокойствия и местом, где укрылись многие алжирцы.

Когда же вооруженные группы исламистов попытались проникнуть в Кабию, они тут же столкнулись с ожесточенным сопротивлением местного населения. Сначала берберы организовались в «комитеты бдительности», которые затем трансформировались в «группы законной самообороны», бойцы которых в конечном итоге были вооружены государством.

Тем не менее если деревни Кабилии благодаря своим защитникам смогли избежать массовых расправ над мирным населением, некоторые горно-лесистые районы этого региона со временем стали оплотами СГПД Хасана Хаттаба.

Ранее, еще в 1990 г., именно в Кабилии в лесных массивах Сиди Али-Бунаб и Мизрана местные органы власти, оказавшиеся после выборов под контролем исламистов, начали строить десятки бетонных казематов, готовя будущие базовые лагеря вооруженных отрядов, прародителем которых выступит впоследствии ИФС. В них оборудовались полевые госпитали, склады оружия, боеприпасов, продовольствия – исламисты готовились к большой войне. Именно лагерь в Сиди Али-Бунаб послужит позже штаб-квартирой практически всех главарей ВИГ, за исключением Антара Зуабри (13, с.4). Причем последнему пришлось сделать это вынужденно: место оказалось занято бывшим «эмиром» ВИГ во 2-й зоне Х.Хаттабом, порвавшим с породившей его организацией и создавшим СГПД. Именно в Кабилии примерно в 1995 г., когда формирования Хаттаба еще состояли в ВИГ, его сподвижники предприняли попытку образования Исламского движения амазиг. Однако эта затея с треском провалилась (91, 19.12.1999).

Другие исламистские партии так же, как и ИФС, не смогли закрепиться в Кабилии. Так, на выборах в местные органы власти в октябре 1997 г. Движение общества мира и Движение «Ан-Нахда» не смогли отобрать ни одного места у ФСС и ОҚД в коммунальных и провинциальных ассамблеях.

С началом кампании исламистского террора в 1992 г. Кабия по сути дела оказалась между двух огней. Ей необходимо было выбирать между властями, которые традиционно подавляли берберское движение, и исламистами. Последние же всегда считали Кабию

главным препятствием на пути реализации своей главной цели – создания исламского государства.

В то же время было бы ошибкой согласиться с теми, кто приписывает какую-то исключительную роль Кабилии в борьбе с исламизмом. Достаточно вспомнить, что руководителем первой вооруженной исламистской организации – действовавшего в Алжире в 80-е годы Вооруженного исламского движения – был кабил по происхождению Мустафа Буали. Именно его организация направила первых добровольцев в Афганистан для участия в войне против прежнего Кабульского режима и советских войск. Из Кабилии и в последующем вышли многие полевые командиры исламистов. Кабилами были несколько влиятельных членов Маджлис-аш-Шура ИФС, в том числе лидер влиятельной фракции «джазаара» Лунес Белькасем (Мохаммед Саид). На проводившихся с 1990 г. выборах исламисты из ИФС если и не занимали в Кабилии одно из первых трех мест, стабильно удерживавшихся ФСС, ОКД и ФНО, они прочно обосновались на 4-м месте впереди тридцати других партий. Совсем неспроста некоторые районы провинции Тизи-Узу остаются излюбленным убежищем для той же СГПД. С учетом переживаемого Алжиром уже не один год общего системного кризиса, можно даже констатировать, что исламизм в его наиболее радикальных формах находится в Алжире на самых выгодных позициях для того, чтобы привлекать на свою сторону молодежь вообще и берберскую молодежь, в частности, поскольку молодые алжирцы в своем большинстве не видят других политически организованных форм, способных хоть как то ответить на их запросы. Исламизм предстает для них в качестве единственной альтернативы существующему порядку вещей (40, с.16), тем более что культ погибших «шахидов» – берберов может привлечь некоторых представителей кабийской молодежи на сторону исламистов.

В Марокко ярые противники признания культурной идентичности берберов – официальный ислам в лице улемов и исламисты. Их представители не могут и не хотят понять, что «марокканская идентичность не должна рассматриваться только в узком понимании», т.е. исключительно арабском. Как считают относительно независимые наблюдатели, «если ошибочно говорить об этнических группах (в отношении берберов), еще более опасно отвергать различные особенности, под влиянием которых сформировалась марокканская идентичность. Вопрос о тамазиг в настоящее время ставится только как культурологический. Подобная постановка полностью адаптирована к марокканским реалиям. Но любые идеи о (марокканской) идентичности, исключаящие ее берберскую составляющую и сводящиеся к одному только арабизму, несут в себе опасность. Опасность раскола нации». Но эту опасность не хотят видеть указанные группы. Тем самым они провоцируют подъем берберского радикализма (17, с.31).

Структуры официального ислама в странах региона фактически смыкаются с исламистами в вопросе об отношении к берберскому

движению. Летом 2001 г. в алжирской провинции Саида имамы некоторых мечетей начали читать проповеди, в которых подстрекали верующих к насильственным действиям против берберов. Последние обвинялись служителями культа в том, что они своими требованиями придания берберскому языку тамазиг статуса второго национального наравне с арабским якобы «наносит вред языку Корана». На основании этого обвинения имамы утверждали, в частности, что тамазигу никогда не найдется места в алжирской конституции. Подобные проповеди, разжигавшие ксенофобию и расовую сегрегацию, были прочитаны в 6 из 24 мечетей Саиды (88, 22.07.2002). Часть верующих, шокированная такими действиями имамов, потребовала от них представить копии проповедей. Их удивлению не было предела, когда они увидели, что соответствующие тексты были заверены печатью провинциального управления по делам религии. В районе мечети «Аль-Атик» до 100 мусульман устроили митинг, в ходе которого потребовали прекратить чтение подстрекательских проповедей. Они подписали письмо в адрес министра по делам религии, в котором заявили протест против использования мечетей в политических целях.

Как известно, в условиях Алжира в компетенцию структур официального ислама входит назначение имамов, контроль за их деятельностью, а также текстами читаемых ими проповедей.

В провинции Саида руководитель провинциального управления по делам религии в свое время возглавлял отделение запрещенного ИФС в городе Фергуг (провинция Маскара), а затем перешел в легальную исламистскую партию Движение «Ан-Нахда».

В Алжире исламистские партии вне зависимости от того, были они представлены в правительстве или парламенте, традиционно поддерживали меры властей по подавлению берберского движения. В августе 2001 г. они отвергли предварительные выводы комиссии М.Иссада о причинах берберского «взрыва» в Кабилии. В ряде заявлений представители входивших в правительственную коалицию ДОМ и Движения «Ан-Нахда», а также представленного в парламенте Движения за национальное обновление (ДНО) выступили с утверждениями, согласно которым у истоков массовых выступлений берберов, начавшихся в конце апреля 2001 г., якобы стояли проберберские партии. Они обвинили Иссада в «предвзятости».

В частности, лидер ДОМ Махфуз Нахнах назвал доклад комиссии Иссада «потворствующим» участникам выступлений берберов. Он в очередной раз предупредил тех, кто «хочет продолжения кризиса», указав на партии республиканско-демократического блока. По его мнению, доклад комиссии Иссада мог сыграть роль детонатора в развитии кризиса.

В свою очередь глава ДНО Абдалла Джабалла утверждал, что в связи с событиями в Кабилии «алжирский народ противостоит беспрецедентному в его истории кризису». По его мнению, под угрозой оказались «национальные константы», среди которых числятся ислам

и арабизм. Исламисты всегда заявляли, что главную угрозу этим «константам» создает возможное придание статуса второго официального наравне с арабским берберскому языку тамазиг.

Вне зависимости от партийной принадлежности исламисты в один голос предлагали президенту Бутефлике срочно принять комплекс мер, направленных на срыв «иностранного заговора». Среди них, в частности, всеобщая амнистия участников исламистских бандформирований, освобождение главарей запрещенного ИФС А.Мадани и А.Бельхаджа, снятие ограничений на свободу проповедей, неукоснительное следование закону об обязательном применении арабского языка.

В свою очередь алжирские власти всякий раз, когда они сталкивались с необходимостью каким-то образом ответить на требования берберов, разыгрывали исламистскую «карту». В подобных случаях для них стало привычкой утверждать, что приоритетной задачей является борьба с исламизмом, после победы над которым можно вернуться к решению берберской проблемы (82, 19.04.2001).

8 апреля 2002 г., когда ННА проголосовала за признание берберского языка в качестве второго национального, депутаты от исламистских партий, равно как от ФНО и НДО, не скрывали своего убеждения в том, что официальное признание тамазиг никоим образом не должно перейти в практическую плоскость. Оно должно ограничиться лишь символической записью в конституции, считали представители этих партий (94, 22.07.2002).

Берберки традиционно возглавляли движение алжирских женщин за свои права, попавшие в эпоху всевластия ФНО национал-консервативными кругами. Они же оказались на переднем крае борьбы против исламизма. «Даже если однажды я буду убита, я никогда добровольно не надену хиджаб (традиционная женская одежда в мусульманских странах). Возможно, именно эти слова, сказанные 17-летней алжирской школьницей Катией Бенгана, стоили ей жизни. Она была убита исламистами 28 марта 1994 г. возле своего дома. Катия и еще одна девушка – Амель Занун, погибшая от рук исламистов в 1997 году, – стали символами борьбы алжирских женщин против религиозных экстремистов. В апреле 1999 г. матерям погибших были вручены «Премии сопротивления женщин против интегризма», впервые учрежденные Алжирским объединением женщин – демократов (АОЖД).

Как отмечалось в распространенном в Алжире коммюнике АОЖД, вручение премий происходило «в момент, когда раздались голоса тех, кто хочет превратить палачей в жертвы, отказывая в праве на правосудие тысячам мужчин, детей и женщин, ставших жертвами варварского интегризма». Их лауреаты «пали в борьбе за демократию и знания». Эти премии – «память тем, кто в расцвете сил был убит, изнасилован, обезглавлен». Они – «дань уважения тем, кто не склонил головы..., отверг фатальность интегризма... и продолжает строить Алжир своей мечты».

Катия Бенгана родилась в 1977 г. в алжирском пригороде Мефтах. Она не подчинилась фетве (религиозному предписанию) исламистов, запретивших девушкам посещать учебные заведения и обязавших их носить хиджаб.

Здесь же нельзя не остановиться на своеобразной и неповторимой культуре алжирских берберов. По их убеждению, война за национальное освобождение имела своей целью строительство плюралистического Алжира. На деле получилось иначе. С достижением независимости истинная алжирская идентичность была отодвинута в угоду идеологии и политике. В результате Алжир стал называться арабской страной, а главным результатом алжирской революции явилась арабизация страны. Алжирская культура уступила свое место импортной. Государство встало на службу арабо-исламской идеологии. «В настоящее время необходимо отправляться в западные столицы с тем, чтобы послушать алжирскую музыку, прочитать роман алжирского писателя или познакомиться с алжирским кинематографом, – утверждают активисты берберского движения. – Алжирская песня, литература, театр, кино, искусство лучше защищены в западных столицах, нежели в Алжире. Пример тому – Идир, Халед, Лунес Матуб или шеб Мами (все – певцы в алжирском народном стиле «раи»)» (82, 15.07.2001).

Если отношение берберов к исламу можно назвать особым, то к смыкающемуся с ним панарабизму они относятся однозначно отрицательно. Их можно понять. Согласно идеологам панарабизма, его объявленная цель – уничтожение того, что эти идеологи называют «мешающими меньшинствами, которые одним своим существованием подрывают единство арабской нации» (1).

Непримирение панарабизма берберами еще больше усилилось после событий 11 сентября 2001 г. Отрицательное отношение европейцев и американцев к арабо-исламскому миру вынудило берберов чаще подчеркивать свою особую идентичность. И не случайно сразу после трагедии в США представители берберского движения посетили американское посольство в Рабате с тем, чтобы выразить свои соболезнования, резко осудить все формы терроризма, а также раскритиковать содержание религиозного образования в общеобразовательных системах исламских стран. Как считает представитель АМРЕК Ахмед Ассид, «содержание религиозного образования может только способствовать религиозному и интеллектуальному экстремизму провоцировать неприятие немусульман». «Мы убеждены, что это образование напрямую приводит к насилию и терроризму», – отмечает он (79, 19.04.2002).

Примечательно, что Голландия, Франция и Бельгия после 11 сентября 2001 г. озаботились проблемой религиозного образования и арабского языка среди иммигрантов из стран Магриба, вдруг поняв, что школы являются идеальным трамплином для последующего насаждения экстремизма. Именно поэтому в качестве альтернативы арабскому они начали все шире использовать тамазиг.

Важное место в борьбе за отстаивание интересов амазигов играет берберская пресса. Ее появление в Марокко и Алжире пришлось на вторую половину 90-х годов. Так, с января 1999 г. в Марокко стал выходить еженедельник «Тамазиг». В редакционной статье первого номера издания, выпускаемого на французском, берберском и арабском языках, оно обязалось содействовать развитию берберской культуры «во всех ее проявлениях». Газета объявила себя открытой для всех политических течений без какого-либо исключения. Коллектив еженедельника взялся придать информации о марокканских берберах «соответствующее ей место» на национальном и международном уровнях. С первого же номера «Тамазиг» выступил против политических течений, пользующихся репутацией враждебно настроенных по отношению к берберской культуре. Речь, в частности, шла о правонационалистической Партии Истикляль и исламистском движении «Аль-Адль валь-Ихсан».

Одним из лидеров бербероязычной прессы Алжира стал журнал «Изуран» («Корни»). Активно выступая за признание культурной самобытности амазигов, журнал прежде всего занимается просветительской работой. Своей главной задачей он считает воспитание поколения молодых амазигов, не заставших «берберскую весну» 1980 г. «Изуран» ежемесячно посвящает 12 страниц берберскому языку, а также сообщает основные новости общины амазигов. Последний 20-страничный раздел публикуется на французском языке, поскольку тамазиг доступен не всем его читателям.

Важную роль в подъеме самосознания амазигов сыграла берберская творческая интеллигенция.

Современная берберская культура накладывает свой специфичный отпечаток на марокканскую культуру вообще. Богатейшая и разнотипная берберская культура существует и активно борется за выход из небытия, несмотря на отчаянные попытки противодействия со стороны официальных властей. По оценке еженедельника «Монд амазиг», «на искусство амазигов наложено эмбарго со стороны профильного министерства, равно как официальных и так называемых независимых СМИ» (83, 20.07.2002).

«Гвоздем» 1997 г. в марокканских видеоклубах стали полукустарные фильмы всевозможных жанров на тамазиге. Эти ленты по сути дела спасли сеть видеоклубов, начавшую было умирать с появлением на марокканском рынке сравнительно доступных спутниковых антенн. Производством этих фильмов, завоевавших неожиданную популярность, занимается марокканская компания «Буссивизьен».

Эта компания всегда чутко улавливала конъюнктуру марокканского рынка. В 60–70-е годы она преуспела в продаже пластинок. Затем, в 80-е годы быстро переключилась на распространение аудиокассет. Поняв проблематичность конкуренции с западными производителями видеофильмов, она нашла свою нишу на рынке видеопродукции, занявшись производством и прокатом видеофильмов на берберском

языке. Компания учла веяния времени, связанные с подъемом берберского национального самосознания и отыскала «своего» покупателя везде, где живут большие общины амазигов – в Марокко, Алжире, Франции и Бельгии.

Понятно, что вкладывая пусть и сравнительно небольшие деньги в производство видеофильмов на берберском языке, хозяин компании Милуд Буссиф здорово рисковал. Однако риск оправдал себя. Теперь публика с нетерпением ждет каждый новый фильм. Это ожидание тем более объяснимо, что создатели полукустарно снимаемых лент, начав с социальных фильмов, теперь не ограничиваются в выборе жанров. В частности, лента «Кобыла с кладбища» снята с соблюдением всех канонов «ужастика». Сделаны и первые триллеры.

Фильмы «Буссивизьен», участием в которых не брезгают и известные актеры, привлекли не только берберскую аудиторию. Вот почему компания начала дублировать свою продукцию на других языках.

Современный рок и традиционные мотивы марокканских берберов. Сочетание этих двух на первый взгляд далеких слагаемых придало неповторимость творчеству музыкантов из марокканской группы «Афусс» (в переводе с берберского – «От руки»). Начав в середине 90-х годов прошлого столетия с выступлений в маленьких концертных залах, едва вмещавших несколько десятков человек, восьмерка музыкантов совершила в конце 2001 г. важный шаг, свидетельствовавший об их переходе на качественно новый уровень – они выпустили свой первый альбом, получивший название «Буйя» («Отец»).

В альбоме собраны песни, хорошо известные марокканской молодежи. Они не раз звучали на концертах в рамках ежегодно проводимого в Касабланке музыкального фестиваля «Бульвар молодых музыкантов». В них слышны несколько тем – мир и уважение жизни, счастье и горе, и, конечно, любовь. Что касается музыки, то сплав рока и берберского музыкального наследия выражается на новом уровне в неожиданной и быстрой смене интонаций – от какофонического шторма до нежного штиля. Очередным шагом к признанию группы явились состоявшиеся в конце 2001 г. концерты группы в Париже и Берси.

Заметным явлением в культурной жизни Марокко стала постановка в декабре 2001 г. на сцене крупнейшего концертного комплекса марокканской столицы – национального театра «Мохаммед V» труппой самодельных артистов из марокканского городка Изурен пьесы на берберском языке «Тиласн вайур» (в переводе с тамазиг – «Неясная Луна»).

Декорация воспроизводит типичный марокканский пейзаж – маленькая деревушка, прилепившаяся к склону горы. Спектакль начинается с очень символической сцены: луч прожектора направлен на Луну в небе над деревней. Постепенно Луна тускнеет, как бы напоминая зрителям о блестящей и древней культуре, которая может также угаснуть.

Несмотря на столь печальное аллегорическое начало, напоминающее о трудной судьбе берберской культуры и языка, в самой пьесе

нет ничего грустного. Более того, это – комедия. В ней представлена театральная версия старой берберской сказки, которая, передаваясь в поколениях, уцелела и не стерлась из человеческой памяти.

Главный герой пьесы – молодой и бедный феллах по имени Брик. Его единственное богатство – молодая жена и только что родившийся мальчик. По поводу рождения сына родственники подарили Брику барана. Брик при своей бедности – не жадный человек. Он отвел барана к пекарю и попросил его приготовить мешуи (марокканское национальное блюдо, представляющее собой зажаренного на вертеле барана – прим. авт.), чтобы угостить односельчан. Как только Брик уходит от пекаря, к нему приходит деревенский староста. Он жалуется на свою тяжелую судьбу: в деревню должен с минуты на минуту приехать каид (местный правитель), и староста не знает, чем убажить его. Пекарь предлагает угостить каида уже готовой бараниной Брика. Когда же Брик приходит за мешуи, пекарь объясняет ему, что в его отсутствие произошло чудо: услышав бление овец, уже висевший над углями баран ожил и убежал. Плут пытается убедить крестьянина, что это – добрый знак Аллаха, который будет теперь охранять новорожденного. Брик не поверил объяснению и обратился за правосудием к каиду. Сначала все складывается не в пользу Брика – у каида еще течет по усам жир барана. Однако тут в тяжбу вмешивается жена каида – властная женщина. Она сгоняет своего мужа с подушек, на которых тот сидел, и восстанавливает справедливость.

Автор пьесы Ахмед Амаль с юмором ставит вопросы, весьма актуальные для современного марокканского общества – об обучении детей берберскому языку и положении женщин. Не секрет, что традиционно в берберских семьях женщины пользовались несравненно большей свободой, нежели в арабских, и эту свободу они сумели в значительной мере отстоять.

В литературе заметным явлением стало появление на свет книги «Злобно берберский» писательницы Мины Сиф. Рожденная на Корсике в семье марокканских берберов, она воспитывалась в среде, где смешались все языки Средиземноморья. Без сомнения, именно эта среда побудила ее рассказать о жизни семьи иммигрантов из Марокко – людей, дважды лишенных своих корней, – в одном из кварталов Марселя в середине 70-х годов XX века.

Осенью 2001 г. широко известный в Алжире и за его пределами художник Али Дилем, специализирующийся в жанре политической карикатуры, за свою творческую деятельность был удостоен международной премии им. Омара Уэртилана. Эта премия учреждена алжирской газетой «Эль-Хабар». Рисунки Дилема ежедневно украшают 24-ю страницу алжирской проберберской газеты «Либерте».

Имя Дилема стало широко известным после того, как в феврале 2001 г. отдельной книгой вышел сборник его карикатур под названием «Бутеф – президент» (Абдельазиз Бутефлика – президент Алжира,

прим. авт.). Сборник стал самой покупаемой книгой в Алжире. Главные «герои» черно-белых рисунков, исполненных карандашом и тушью – конечно, президент АНДР, а также политики, генералы и исламисты, то есть основные действующие лица современного Алжира.

Дилем начал сотрудничать с «Либерте» в декабре 1995 г. За последние годы не было ни одного мало-мальски значащего события, на которое бы не отреагировал художник. Возможно, именно острый глаз и карандаш Дилема во многом обеспечили успех «Либерте». Эта газета выходит тиражом в 150 тыс. экземпляров, что совсем немало для страны с 30-миллионным населением.

Алжир, возможно, стал единственной страной в Северной Африке и на Ближнем Востоке, где благодаря творчеству Дилема и нескольких других художников прижилась как жанр политическая карикатура. В каком другом государстве возможна, например, ситуация, имевшая место в Алжире в январе 2001 г., когда в стране распространились слухи о якобы имевшей место попытке покушения на Бутефлику, подготовленной марокканскими спецслужбами. Дилем отреагировал на слухи рисунком, более чем двусмысленная надпись над которым гласила «Перестаньте будить в нас тщетные надежды».

Художник не скрывает своего разочарования президентом, от которого столько ждали при его избрании в апреле 1999 г. Так, на обложку книги Дилема помещена карикатура, изображающая президента на трибуне с высоко поднятой рукой. Его указательный и средний пальцы образуют букву V. Однако он не видит своей тени за спиной, на которой два пальца превратились в рога у Черта.

Действующие правители Алжира – не первые «жертвы» Дилема. Он начал творить «для себя» в середине 80-х годов. В 1988 г. Дилем принял участие в массовых выступлениях населения, приведших к упразднению однопартийной системы. Тогда только бегство из Алжира спасло его от ареста. По возвращении в столицу он получил диплом инженера-электронщика и одновременно прошел курс обучения на факультете изящных искусств столичного университета. Там на него обратил внимание один из преподавателей, который порекомендовал его рисунки своему другу, работавшему в газете «Алжер репюбликэн» – органе Алжирской компартии. «Стартовой» для него карикатурой стал рисунок, изобразивший диалог президента Бенджедиды с журналистом на одной из пресс-конференций. Это был первый случай, когда Дилем «прошелся» по действующему главе государства.

Важную роль в сохранении культурного наследия амазигов сыграло устное берберское творчество. Сказки, поэмы, сказания, шутки, хроники стали живыми иллюстрациями жизни народа, его социальной и культурной истории. Условия жизни берберов сложились таким образом, что именно устные свидетельства, передававшиеся от поколения к поколению через десятки веков, несмотря на их ограниченность и постепенное стирание в человеческой памяти, донесли до

нас историю этого великого народа и в значительной мере позволили сохранить ее. Тем не менее именно устный характер берберской литературы, вернее, ее сохранение в качестве таковой в течение достаточно длительного времени дало основание ряду специалистов (Анри Бассет), пользовавшихся эволюционным методом исследования, говорить о ее «примитивности» на основе общих черт – мотивов, тем и правил. Некоторые исследователи (Полетт Галан-Перне) вообще предпочитают говорить о берберских литературах, тем самым подчеркивая ее зависимость от региональных реалий.

Во многом берберам удалось сохранить свою самобытность благодаря выработанным тысячелетиями ритуалам праздников и следованию традициям. Наиболее любимый из праздников приходится на 12-й день первого месяца года по григорианскому календарю. Это – праздник первого дня Нового года по календарю амазигов.

Берберский год соответствует солнечному календарю и состоит из 365 дней, 52 недели и 12 месяцев. Согласно одной из версий, основанной на устных сказаниях, традиция его празднования восходит к 950 году до нашей эры, когда король амазигов Ченак одержал победу близ Тлемсена над войсками египетских фараонов.

В ряде регионов Алжира накануне Нового года проходят берберские карнавалы «Айрад» («Лев»). Группы ряженных ходят от дома к дому, где живут берберы. В каждом из них с их появлением начинается праздничное веселье. Оно внезапно прерывается, когда в дом заходит «Лев» – откуда и название карнавала, – который первым делом должен поприветствовать и поздравить с приближающимся праздником женщину – хранительницу очага. Обязательный канон карнавала, который продлится до полуночи, – поздравления и помощь больным и нуждающимся. Еще одно обязательное действие предновогоднего дня – генеральная уборка.

В ночь на 12 января берберские хозяйки подают на стол особые праздничные блюда, подготавливаемые специально по случаю наступления Нового года. В Алжире наиболее часто это – кускус с курицей, подаваемой в особом овощном соусе на основе так называемой кабильской фасоли. Два других праздничных угощения – шершем (сухие овощи, разогретые на пару), а также специальный хлеб. Этот хлеб – золотистого цвета и слегка сладковатый. Как правило, в него прячут – на счастье – целое яйцо. В новогоднюю ночь проводится ритуал разрезки хлеба. Действо в полной тишине совершает хранительница очага. Для самых непоседливых детей в роли пугала выступает «Ааджузет Йеннаер» («Новогодняя колдунья»). Она, согласно легенде, наказывает всех тех, кто не умеет ждать и терпеть. Празднику сопутствует сохранившийся с древности и обязательный обычай принесения в жертву петуха, откормленного зерном. Затем на стол под чай и другие горячие напитки подаются многочисленные кулинарные изделия из манки и муки. В этот период принято ходить в гос-

ти к соседям и родственникам – идет как бы соревнование на звание лучшей хозяйки. Праздничное застолье длится всю ночь и завершается к восходу солнца.

12 января 2002 г. соответствовал первому дню 2952 г. по берберскому календарю. Этот день алжирские берберы впервые отпраздновали как свой национальный праздник.

Особое место в берберском обществе занимает женщина. Она традиционно намного более свободна в своих решениях, чем арабка. Берберка не может быть сожительницей, как это возможно среди арабов, а только супругой. Сожителство не распространено, поскольку берберы считают, что супружество – единственный путь взаимоотношений мужчины и женщины. Адюльтер – крайне редкое явление в большинстве берберских регионов. В ряде мест развод настолько легок, как и свадьба. В других он также прост, но для женщин есть определенные ограничения, которые могут отсрочить повторное вступление в брак, в то время как для мужчин какие-либо табу отсутствуют. Молодые люди могут жениться сразу по достижении половой зрелости, девушки – за один – два года до этого. Инициатива развода принадлежит не только мужчине, но и женщине. В ряде берберских регионов нередко девушка сама выбирает своего суженого. Более того, именно она делает предложение родителям молодого человека. Разведенная женщина может вновь выйти замуж через три месяца после развода, за исключением случая, если она беременна. Четыре месяца требуется повременить с браком, если первый супруг скончался. Почти столько же – если он погиб на войне. В случае развода или смерти супруга женщина имеет три месяца для того, чтобы объявить о своей беременности. Незаконных детей в берберском обществе быть не может. В случае кончины родителей девочки получают в качестве наследства по половине того, что досталось мальчикам. После детей право на наследование имеют родители умерших. Завещание возможно только в случае, если оно исполнено по нормам мусульманского права. Женщина – хранительница очага в берберской семье. Она свободна в своих перемещениях и своих решениях. Она отвечает за честь семьи, образование детей, снабжение дома продуктами питания. Берберка свободна в выборе профессии и своих политических пристрастиях (43, с.259).

Ежегодно по несколько десятков тысяч человек проделывают непростой путь в маленькую алжирскую горную деревушку Айт-Хишам, чтобы присутствовать на ставшем традиционным празднике берберского ковра. Те, кто преодолевает подъем на высоту в 1200 метров, становятся зрителями красочной экспозиции, главными экспонатами которой являются великолепные многокрасочные ковры, выполненные местными мастерицами. Сложные и непонятные для несведущих комбинации простых геометрических фигур в исполнении берберских горянок имеют четкий смысл – на супружеское счастье, для достатка в доме, от сглаза и т.д. С их тайным значением гостей деревни и по-

тенциальных покупателей знакомят сами мастерицы – хранительницы секретов древнего ремесла.

История Айт-Хишам, затерявшейся в горах Кабилии, неразрывно связана с ковроткачеством. Оно стало главным занятием и источником доходов для ее жителей. В этой деревне еще с 1892 года действует школа, в которой искусству самовыражения в причудливо связанных комбинациях тысяч квадратов, ромбов, трапеций и кругов учат девочек из всей Кабилии. За более чем вековое существование через нее прошли многие тысячи учениц, работы которых отмечались на самых престижных салонах художественного творчества как в самом Алжире, так и за его пределами.

Еще одна старинная традиция, которую некоторые племена пронесли сквозь века – акробатика. Приезжающие в Марокко туристы могут познакомиться с мастерством представителей этой профессии в сердце Марракеша – древней марокканской столицы – на площади Джамаа аль-Фна. Как правило, исполнители наиболее рискованных головокружительных пируэтов, кульбитов и пирамид очень молоды – от 10 до 16 лет. Постарше лишь те, кто работает внизу. Почему происходит так – объяснить нетрудно. Представления проходят прямо на асфальте либо бетоне, без какой-либо страховки или матов. Поэтому там, где легкий мальчишка лишь ушибется, взрослый человек разобьется насмерть.

Народная акробатика возникла не с появлением в Марокко иностранных туристов. Она имеет многовековые корни, произрастающие из традиций жизни в пустыне, религиозных обычаев и древнего военного опыта. Так, умение строить высокие человеческие пирамиды было в свое время нужно для того, чтобы перебросить воинов через крепостные стены, серии сальто использовались бойцами в рукопашных схватках, как это делают в современных боевиках японские нинзя.

Большинство умельцев, зарабатывающих на жизнь этой рискованной профессией, имеет в своих именах частицы ульд Сиди Ахмед или ульд Сиди Муса, то есть они по сути называют себя детьми святого Сиди Ахмеда или Сиди Мусы. Они утверждают, что их дар ниспослан этим берберским марабутом, жившим в XVII веке. Мавзолей святого находится в носящей его имя деревне в регионе Тазереульта в отрогах Анти-Атласа. Вплоть до наших дней большинство акробатов родом из этого региона.

Опытные наставники начинают готовить будущих артистов в специальных группах с малолетства, примерно с 10 лет. Тренировки, как правило, проходят на природе на небольших горных речках. Слой воды служит естественным амортизатором при падениях. Сколько детей становится инвалидами в процессе учебы – никому не известно. Курс первоначального обучения длится, как правило, несколько месяцев, после чего начинаются «гастроли» – без акробатов не обходится ни один сельский праздник. При этом селянам внушается, что плата за представление гарантирует им благословение святого Сиди Ахмеда.

Берберские общественно-политические организации, равно как и частные лица, активно используют возможности глобальной сети Интернет для пропаганды богатейшего культурного наследия этого народа. В последнем случае показателен пример проживающего во Франции молодого кабийского иммигранта Стефана Аррами Мерабета. Его веб-сайт www.kabyle.com, созданный еще в 1998 г., стал одним из самых популярных среди берберской диаспоры в Европе и в странах Северной Африки. В месяц его посещают до 65 тысяч пользователей Интернета.

Сайт Мерабета предлагает главным образом информацию в области культуры. Она размещена в рубриках берберская музыка, новые книги, берберский музыкальный хит-парад. Для любителей древних традиций особый интерес представляет ежемесячно обновляемый культурный путеводитель. В частности, в нем помещен календарь праздников амазигов, сельскохозяйственный календарь туарегов, сведения о берберской символике, а также рецепты кухни амазигов. Мерабет не отстает и от политической жизни. Новостной раздел его сайта посвящен событиям в Кабилии, а также деятельности различных общественных организаций.

Еще один интересный веб-сайт – www.congres-mondial-amazigh.com – создан ВКА. На нем размещены подробнейшая историческая справка об амазигах, а также представлены рубрики «берберы сегодня», «новости из диаспоры» и «цели ВКА». Сайт регулярно публикует документы этой неполитической организации, выступающей за признание культурной самобытности берберов.

Третий по показателю посещаемости «берберский» сайт – www.mon-deberbere.com. На нем, как на двух предыдущих, размещены рубрики «культурная жизнь», «цивилизация берберов», «литература», «музыка и язык амазигов», а также «новости».

Своим сайтом www.makabylie.info обзавелось и действующее в Алжире ДАК. На сайте в виде ответов на вопросы представлена информация о причинах, приведших к созданию ДАК, его целях и путях их реализации. На нем размещены основные текущие документы автономистов, в частности, коммюнике и пресс-релизы, посвященные основным событиям в Алжире. В связи с появлением сайта его организаторы подчеркивали, что ДАК было создано 5 июня 2001 г. как «мирное и демократическое» движение «в ходе последнего по времени народного восстания» в Кабилии, более известного под названием «Черная весна». Провозглашалось, что ДАК не имеет ничего общего с политической партией, поскольку «единственной целью Движения является достижение автономии Кабилии». ДАК объявило, что не намерено ни бороться за власть, ни участвовать в ней. Движение также не намеревалось участвовать в каких бы то ни было выборах.

Объявлялось, что оно будет распущено сразу после достижения поставленной цели. ДАК назвало себя «естественным союзником» КСДКК.

Могут ли современные средства телекоммуникаций обратить легенду в быль? Опыт марокканского веб-сайта www.imilchil.com позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. Его создатель 33-летний Набиль Бенданнун некогда получил диплом Харьковского авиационного института. Не найдя себе применение в Марокко в сфере авиации, он занялся информатикой и немало преуспел на этом поприще.

Свой сайт он назвал по имени небольшой деревушки Имильхиль, затерявшейся в горах Высокого Атласа. Древняя легенда гласит, что некогда юноша и девушка из враждовавших между собой берберских племен полюбили друг друга. Однако родственники не позволили им вступить в брачный союз. Их горе было так велико, что они проплакали всю оставшуюся жизнь. Из их слез образовались два горных озера – Исли и Тисли. В настоящее время в местности между двумя озерами ежегодно после сезона сбора урожая устраивается т.н. ярмарка невест. Родители привозят туда девушек на выданье, а родственники потенциальных женихов и сами молодые люди выбирают своих суженых среди выставленного «красного товара».

Зная популярность в Марокко реальной народной ярмарки, предприимчивому Набилю с помощью Интернета лишь оставалось устроить аналогичное действо, перенеся его в виртуальную зону. Притягательность сайта и оказываемых через него платных услуг оказалась такой, что Набилю больше не понадобилось заботиться о хлебе насущном. Ежедневно его посещают несколько сотен человек.

Более того, доходы от электронной свахи позволили инженеру открыть еще один сайт, на этот раз бесплатный – сайт знакомств (79, 05.04.2001).

Еще один интересный сайт – www.tifinagh.web.ma – создал работающий на берберском языке известный марокканский писатель и поэт Лахبيب Фуад (артистический псевдоним – Есчу). К сожалению, он доступен только тем, кто знаком с тамазиг. На сайте представлена история берберского алфавита тифинаг и его региональные разновидности.

ОКД стала наиболее «продвинутой» среди берберских общественно-политических организаций по части использования Интернета. Содержимое веб-сайта партии Саида Саади – www.rcd-dz.org – регулярно обновляется один раз в месяц начиная с декабря 1999 г. ОКД активно использует возможности Интернета для пропаганды своих идей и информирования своих сторонников.

В заметно меньшей степени использует возможности глобальной информационной системы ФСС. Его сайт – www.f-f-s.com – заполнен текстами речей лидера партии Х.Аит Ахмеда, резолюциями последнего съезда, а также выступлениями первого секретаря ФСС. Однако все эти документы появляются в кибер-пространстве со значительным опозданием.

С июня 2002 г. в Алжире начала выходить франкоязычная проберберская газета «Ля депеш де Кабили». Новое издание с первого номера недвусмысленно заявило о намерении защищать интересы бербе-

ров. Газету возглавил известный политик, активист ОКД Амара Бенюнес. До мая 2001 г. он в качестве министра здравоохранения входил от ОКД в состав коалиционного правительства Алжира. Затем А.Бенюнес подал в отставку в знак протеста против репрессий, которые центральные власти обрушили на Кабилию. В редакционной статье первого номера газеты объявлялось, что она будет решительно бороться «за демократию, против тоталитарного исламизма и всех форм интегризма». «Кабилия не является и никогда не будет регионом, похожим на другие. Кроме признания своего языка Кабилия требует демократии», – подчеркивала «Ля депеш де Кабили».

Когда появились в Африке первые берберы? Сделавшая ответ на этот вопрос целью своей многолетней работы алжирская исследовательница Малика Хашид утверждает, что это событие произошло примерно 11 тысяч лет назад. Многочисленные доказательства тому она привела в вышедшей в 2001 г. книге «Первые берберы», ставшей итогом ее 20-летней исследовательской работы.

В этой книге М.Хашид представила основные контуры синтетической теории происхождения берберов «с момента их появления в последние тысячелетия предыстории вплоть до возникновения ислама». Свою книгу автор построила на основе данных исторической лингвистики, археологии и палеонтологии, почерпнутых в ходе изучения следов, оставленных древним народом, работы с хрониками додинастического Египта и эпохи фараонов, культурным наследием древних греков и римлян, а также ближневосточных народов. М.Хашид ведет свой рассказ, начиная с доисторических протоберберов и палеоберберов, и завершает его вполне современными туарегами и амазигами. Главное внимание при этом уделено социальной организации, культуре, религии, групповым отношениям между древними хозяевами Северной Африки, будь они белыми, черными или метисами.

Как подчеркивает исследовательница, Северная Африка всегда была местом встречи различных культур, для нее было характерно тесное взаимодействие многих языков и религий. Тем не менее, считает она, «нет никаких сомнений в том, что происхождение первых берберов, их культуры, их идентичности было однозначно автохтонным». В то же время не исключается внешнее происхождение отдельных групп из числа тех, кто в свое время заселил южный берег Средиземноморья. Благодаря сосуществованию и взаимодействию всех этих групп «берберизм как идентичность и культура возник на земле Северной Африки, и никак иначе». М.Хашид утверждает, что древние египтяне всего лишь унаследовали многих богов и ритуалы берберов.

Каково было истинное место берберов в истории национально-освободительного движения в Алжире? Почему и когда на многие проблемы, связанные с жизнью алжирских берберов, было наложено табу? Ответы на эти, а также на многие другие вопросы, связанные с жизнью алжирских амазигов, попытался дать алжирский историк Али

Гуэзун в вышедшей в 1999 г. в издательстве «Касба» книге «Хронология берберского движения, борьба и люди». Отдавая дань уважения смелости автора, решившегося затронуть весьма щекотливую для современного Алжира тему, алжирская газета «Аль-Ватан» отмечала, что «писать или обсуждать берберский вопрос во вчерашнем или сегодняшнем Алжире представляет собой рискованную авантюру». Автор осмелился пойти против «враждебного идеологического окружения» и «действующей идеологии», которые «именем национального единства» подменили «коллективную память» (73, 14.02.1999).

Основываясь на свидетельствах очевидцев и документах, историк без каких-либо комментариев попытался в максимальной степени объективно пролить свет на историю берберского движения в Алжире в период с 1945 до 1990 г. Особое место уделено ситуации в берберском движении накануне войны за независимость Алжира. В книге показано, какие силы внутри движения алжирских берберов действительно пошли на сотрудничество с колониальными властями, какие предпочли путь вооруженной борьбы. В ней раскрыты многочисленные подробности «берберской весны» 1980 г., когда власти силой подавили массовые выступления алжирских амазигов.

В целом вопросы религии, культуры и историографии в их берберском преломлении еще ждут своих исследователей, поскольку в странах Северной Африки работы в этой области в силу понятных причин не могут быть объективными. В данной монографии они также раскрыты достаточно фрагментарно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном берберском движении выделяются три ясно наблюдаемых течения. Первое из них можно назвать официальным берберизмом, посредством которого правящие круги североафриканских стран пытаются сохранить существующее статус-кво. Второе течение можно охарактеризовать как демократическое, поскольку его представители надеются добиться изменений в положении берберов через демократизацию властных институтов. Третье течение можно назвать экстремистским. Его адепты стараются достичь своих целей через берберский интегризм.

В современном берберском движении хронологически можно выделить три этапа. Первый приходится на период 60-х – начала 70-х годов XX столетия. Берберское движение в его современном понимании еще не сформировалось, поскольку для этого еще не сложились объективные и субъективные причины. В тот период власти Марокко были против насеризма и арабизма, и эта ориентация изначально отвергала какие-либо различия между арабами и берберами. Оппозиционные движения того периода руководствовались идеями классовой борьбы в ущерб каким-либо этническим требованиям.

Второй этап продолжался с начала 70-х до начала 90-х годов. Он характеризовался следующими основными чертами: подъемом начиная с 1973 г. идеологии формального арабизма, политическим и организационным крахом левой идеи, активизацией исламистского движения.

Третий этап стартовал в начале 90-х годов и продолжается вплоть до настоящего времени. Он связан с тем, что все больше деятельность берберских общественных организаций выходит за рамки, навязываемые им государством.

Что касается Алжира, то переживаемый Кабилией кризис неотделим от общего кризиса алжирского государства, первые признаки которого появились одновременно с рождением движения за национальное освобождение. С достижением независимости эти признаки проявлялись все более отчетливо. Главный из них связан с углублением пропасти между арабо-исламской и берберской составляющими алжирской нации, что во многом стало следствием множества ошибок, сделанных теми, кто руководил Алжиром в последние 40 лет. Отношение властей к берберам характеризуется одним понятием – «хогра», под которым подразумевается ущемление свобод берберов, произвол в их отношении, несправедливость, коррупция, неравенство, материальная и моральная нищета.

Как считает лидер ДСД Шериф эль-Хашеми, «власти, взяв на вооружение антидемократическую логику, не хотят ничего слышать; их главной заботой остается защита мафиозных интересов и компромисс с интегритами; отсюда вытекает их стремление противопоставить мирным акциям граждан насилие со стороны репрессивного аппарата государства» (39).

На общий кризис наложился кризис идентификационный, который стал спутником национального движения в его современном виде. Этот кризис возник в связи с тем, что теоретики алжирского национализма в угоду определенным политическим силам искусственно «забыли» про дуалистический характер алжирского общества. В своем развитии кризис прошел несколько этапов. Первый из них начался в 1949 г., когда одновременно с началом борьбы за национальную независимость была вновь сформулирована берберская проблема как таковая. Начало второго совпало с «берберской весной» 1980 г., когда берберское движение впервые ощутило и осознало себя как реальную силу. Третий этап начался с приходом «черной весны» 2001 г.

В целом можно сделать вывод, что алжирское государство своей односторонней политикой само способствовало росту самосознания берберов и появлению в конечном счете КСДКК как выразителя их интересов.

Определенные перспективы перед берберским движением в Алжире имеются в связи с возможностью союза с т.н. республиканцами перед президентскими выборами, которые должны пройти в 2004 году. Этими во многом естественными союзниками берберов являются Демократическое и социальное движение (бывшая компартия), Национальный республиканский альянс, а также ряд других светских партий.

На фоне событий в Алжире марокканские власти при решении берберских проблем проявили себя в общем более гибкими, выработав ряд механизмов и приемов, с помощью которых им в целом пока удается канализировать движение амазигов.

На рубеже 2002 г. развитие берберского движения достигло определенного, возможно, достаточно продолжительного по времени пика. Как будет оно развиваться дальше? Пока что есть все основания утверждать, что берберская проблема в ряде стран Северной Африки в среднесрочной перспективе имеет все шансы стать основной для этих государств. Однако станет ли она таковой – во многом будет зависеть от самих берберов, и в частности, от степени их пассионарности. Как писал С.Хакер, «без сомнения, мы находимся в решающей фазе, эволюция которой будет зависеть от позиции самих берберов. Или они настолько привязаны к своей культуре, чтобы сформулировать ряд социальных требований и выразить их юридически, или эта мобилизация и этот уровень сознания начнут стагнировать или даже деградировать, и в этом процессе язык и хрупкая культура уйдут. Посмотрите, что осталось от региональных языков во Франции. Еще

полвека назад на них говорили несколько миллионов человек. Сколько их осталось сейчас?» (36).

У противников внедрения языка тамазиг в общественную жизнь есть мощный аргумент – отсутствие в этом преимущественно устном языке единых норм. В связи с географической разобщенностью мест компактного проживания берберов их язык также оказался разорван на несколько отличающихся друг от друга диалектов.

Эту проблему прекрасно осознают активисты берберских движений в Марокко и Алжире. В частности, в апреле 2001 г. в городе Беджаия прошел Международный коллоквиум по проблемам берберского языка. В центре внимания его участников были вопросы стандартизации тамазиг, диалекты которого в настоящее время довольно значительно отличаются друг от друга в зависимости от ареалов проживания его носителей. В ходе коллоквиума были выработаны единые нормы графики, упорядочены морфологический и синтаксический аппараты языка.

Частично проблему стандартизации попытались решить авторы появившегося в начале 2002 г. «Обычного словаря ташельхита» – словаря с берберского диалекта ташельхит на французский язык, выпущенного марокканским исследовательским центром имени Тарика ибн Зияда. Эта работа филологов Абдаллы Бунфура и Абдаллы Бумальки посвящена одному из трех диалектов берберского языка, распространенных в Марокко. На ташельхите говорят жители долины Сус и северных районов Западной Сахары, а также горцы Высокого Атласа. По замыслу составителей словаря, их совместная работа должна служить двум целям. Во-первых, словарь должен стать рабочим инструментом для студентов, начинающих изучать ташельхит, относящийся к северной подгруппе берберо-ливийских языков. Во-вторых, появление книги можно рассматривать как важный этап на пути стандартизации берберского языка тамазиг, необходимость которой все больше ощущается в Марокко. В этой связи авторы предупредили, что они не претендуют на абсолютную истину, а лишь предлагают возможный вариант универсализации берберского языка с тем, чтобы амазиги вне зависимости от регионов проживания могли понимать друг друга. Они же настаивали на том, чтобы стандартный язык тамазиг вводился постепенно, без резких скачков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Manifeste Berbere, 1.03.2000, б.м.
2. Rapport de la Commition nationale de M.Issad, 29.07.2001.
3. Tamazigh, б.м., б.г.
4. www.aarchs.multimania.com
5. www.congres-mondial-amazigh.org
6. www.makabylie.com
7. www.rcd-dz.org
8. www.f-f-s.com

Литература

9. Алжир: справочник. – М.: Восточная литература, 1997.
10. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Алжир: три года на грани гражданской войны. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
11. Бабкин С.Э., Миронова Е.И. Алжир: поиск гражданского согласия. Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 14. – М.: Институт Африки РАН, 1999.
12. Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000.
13. Бабкин С.Э. Религиозный экстремизм в Алжире. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001.
14. Вирабов А.Г. Алжир: кризис власти. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001.
15. Группа авторов. Северная Африка: ислам и общество. – М.: Институт Африки РАН, 1999.
16. Группа авторов. Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. – Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Академия геополитики и безопасности, 2001.
17. Группа авторов. Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 10. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001.
18. Группа авторов. Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 13. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002.
19. Группа авторов. Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 16. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002.

20. Егорин А.З. История Ливии, XX век. – М.: ИВ РАН, 1999.
21. Жюльен Ш.-Андре. История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. – М.: Иностранная литература, 1961.
22. Комар В.И. Власть, ислам и общество в Алжире. Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 8. – М.: Институт Африки РАН, 1999.
23. Ланда Р.Г. История Алжира, XX век. – М.: ИВ РАН, 1999.
24. Матвеев В.В. Средневековая Северная Африка. – М.: Наука, 1993.
25. Сапронова М.А. Государственный строй и конституции арабских республик. – М.: МГИМО, 2003.
26. Сергеев М.С. История Марокко, XX век. М.: ИВ РАН, 2001.
27. Чураков М.В. Народное движение в Магрибе под знаменем хариджизма. – М.: Наука, 1990.
28. Algeria: unrest and impasse in Kabylia. Middle East/North Africa Report № 15. Cairo/Brussels. 10.06.2003.
29. Amoura Amar. Resume de l'histoire de l'Algerie. Raihana, Alger, 2002.
30. Basset Henri. Essai sur la litterature des Berberes. Alger, 1920.
31. Belouchi Belkassem. Portraits d'hommes politiques du Maroc. Afrique Orient, Casablanca, 2002.
32. Benatia Abderrahman. Iberie et Berberie, de la colonisation arabique au colonialisme romain. Alger, 2003.
33. Benoist-Mechin. Histoire des Alaouites. Paris: Perrin, 1994.
34. Bounfour Abdellah. Introduction a la litterature berbere. 1.La poesie. Paris: Peeters, 1999.
35. Boutbouqalt Tayeb. La guerre du Rif et la reaction de l'opinion internationale. 1921–1926. Najah El Jadida, Casablanca, 1992.
36. Chaker Salem. Berberes Aujourd'hui. Harmattan, Paris, 1998.
37. Cherbi Moh et Deslot Thierry. Les Rois Berberes de la dynastie massyle. Paris: EDIF, 2000.
38. Dalle Ignace. Maroc 1961–1999. L'esperance brisee. Maisonneuve et Larose, Taric Editions: Paris, 2001.
39. El Hachemi Cherif. La crise en Kabylie concetre de la crise nationale et son abces. Algerie: Emp.MDS, 2002.
40. El Hachemi Cherif. Le 11 septembre – un tournant majeur dans l'evolution mondiale? Algerie: Emp.MDS, 2001.
41. El Merini Abdelhak. L'armee marocaine a travers l'histoire. Dar Nachr Al Maarifa, Rabat, 2000.
42. Hassan II. La memoire d'un Roi. Entretiens avec ERic Laurent. Paris: PLON, 1993.
43. Gaid Mouloud. Les berbers dans l'histoire. De la Kahina a l'occupation turque. Tome 11. Edition Mimouni, Alger, 1995.
44. Galand-Pernet Paulette. Litteratures berberes. Des voix, des lettres. Paris: PUF, 1998.
45. Guenoun Ali. Chronologie du mouvement berbere. Un combat et des hommes. Casbah, Alger, 1999.

46. Host Georg. Histoire de l'Empereur du Maroc Mohamed Ben Abdallah. La Porte, Rabat, 1998.
47. Ihaddaden Zahir. Regard sur l'histoire de l'Algerie. At-Turath, Alger, 2002.
48. Khelladi Aissa. Le FIS a l'assaut du pouvoir. Mitidja Impression, Alger, 2002. (1-ere edition – Touati Amine, Les islamistes a l'assaut du pouvoir). Harmattan, Paris, 1995.
49. Lamchichi Abderrahim. L'Islamisme en questions. L'Harmattan, Paris, 1998.
50. Lamchichi Abderrahim. Le Maghreb face a l'islamisme. Le Maghreb entre tentations autoritaires, essor de l'islamisme et demandes democratiques. L'Harmattan, Paris, 1997.
51. L'Armee Marocaine a travers l'histoire. La Porte, Rabat, 1994.
52. Laroui Abdallah. L'histoire du Maghreb. Un essai de synthese. Casablanca: Centre Culturel Arabe, 1995.
53. Liassine Alioui. Lounes Matoub. Le testament. Auto-edition, Alger, 1999.
54. Lugan Bernard. Histoire du Maroc, Des origines a nos jours. Paris: Criterion, 1992.
55. Malti Djallal. La nouvelle guerre d'Algerie. Centre Tarik Ibn Ziad pour les etudes et la recherche. Rabat, 2001.
56. Matoub Lounes. Rebelle. Paris: Stock, 1995.
57. Matoub Nadia. Pour l'amour d'un rebelle. Paris: Robert Laffont, 2000.
58. Mechel SAid. Ce voleur qui... Recueil. DALIMEN, Alger, 2002.
59. Pando Juan. Histoire secrete d'Anoual. Temas de Hoy-Historia, Madrid, 1999.
60. Problemes de l'Algerie independante. Presse universitaires de France, Paris, 1963.
61. Sifaoui Mohamed. Mes «freres» assassins. Comment j'ai infiltre une cellule d'Al-Qaida. Le cherche midi, Paris, 2003.
62. Tamazighte dans la charte de l'education et de la formation ou la politique de la discrimination linguistique. Association marocaine de recherche et d'echange culturels. Rabat: AMREC, 1999.
63. Tozy Mohamed. Monarchie et islam politique au Maroc. Presse de sciences PO, Rabat, 1999.
64. Tuquoi Jean-Pierre. Le dernier roi. Crepuscule d'une dynastie. Grasset, Paris, 2001.
65. Yassine Abdessalam. Islamiser la modernite. Al Ofok impressions, Casablanca, 1998.
66. YB. Comme il a dit lui. Chroniques (au vitriol) d'Algerie. Edition J'ai lu, Paris, 1998.
67. Zahraoui Said. Entre l'horreur et l'espoir. 1990–1999. Chronique de la nouvelle guerre d'Algerie. Paris: Robert Laffont, 2000.
68. Zakya Daoud. Abdelkrim, Une epee d'or et de sang, Editions Segui, Paris, 1999.

Периодика

69. Аль-Иттихад аль-Иштираки, Касабланка.
70. Arabies, Paris.
71. Authentique, Alger.
72. Demain l'Algerie, Alger.
73. El-Watan, Alger.
74. Jeune Afrique, Jeune Afrique/L'Intelligent, Paris.
75. Horizons, Alger.
76. La Gazette du Maroc, Casablanca.
77. La Tribune, Alger.
78. La Verite, Casablanca.
79. La Vie economique, Casablanca.
80. Le Figaro, Paris.
81. Le Journal, Casablanca.
82. Le Matin, Alger.
83. Le Monde amazigh, Rabat.
84. Le Nouvel Afrique Asie, Paris.
85. Le Reporter, Casablanca.
86. Le Soir d'Algerie, Alger.
87. Liberation, Casablanca.
88. Liberte, Alger.
89. L'Economiste, Casablanca.
90. L'Opinion, Rabat.
91. MAP-actualite, Rabat.
92. Maroc hebdo international, Casablanca.
93. Matin du Sahara et du Maghreb, Rabat.
94. www.algeria-interface.com
95. www.Abdelkrim.nl
96. www.kabyle.com
97. www.mondeberbere.com
98. www.tifinagh.web.ma

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

**Генерал-майор Мохаммед Туати,
военный советник президента Алжира**

Четыре года нахождения у власти в Алжире президента Бутефлики показали, что ему в целом удается строить взвешенные отношения с военной верхушкой, всегда игравшей особую роль в истории этой страны. Во многом успех президента в решении этого весьма непростого вопроса был достигнут благодаря тому, что пост военного советника при главе государства достался генерал-майору Мохаммеду Туати. Этому военному дают многочисленные и самые неожиданные характеристики и клички. Одна из них – «Мозг» – говорит сама за себя. Ее, а также репутацию интеллектуала в генеральской фуражке он заработал неоднократными выступлениями в прессе с анализами политического и юридического характера.

Военная карьера М.Туати – бербера по происхождению – похожа на судьбы многих офицеров его поколения. Он начал службу во французской армии, которую покинул в 1961 г., за год до достижения Алжиром независимости. Затем долгое время служил в жандармских войсках (алжирский аналог российских внутренних войск – прим. авт.), центральных аппаратах министерства обороны и генерального штаба. Дослужившись до генерала, он оказался одним из немногих в этом высоком звании, кто рискнул выступить в прессе со своими политическими анализами. В первый раз это случилось сразу после массовых выступлений населения в октябре 1988 г. Тогда он опубликовал в газете единолично правившей партии ФНО «Эль-Муджахид» статью-размышления о конституции и отношении армии к политике. Эта публикация предшествовала отказу ФНО от однопартийного режима и введению многопартийности в 1989 г.

С 1989 по 1991 гг. руководил оперативным управлением генштаба. В период, когда алжирские военные принимали решение прервать избирательный процесс, чтобы не допустить прихода к власти ныне запрещенного ИФС, Туати занимал пост советника министра обороны генерала Халеда Неззара. Принимал активное участие в решении об отстранении от власти президента Шадли Бенджедиди. В это время в военных и политических кругах генерал заслужил репутацию идеолога «терминаторов» – тех, кто выступал и выступает за полное искоренение исламизма. Эта репутация приняла со временем несколько иной оттенок – генерал стал не исключать диалога с теми исламистами, которые относятся к «умеренным». Уже в 1993 г. он работал в составе Комиссии по национальному диалогу, призванной определить условия и рамки переходного политического процесса, в котором не исключалось участие ИФС. При этом он неоднократно встречался с находившимся в тюрьме одним из лидеров ИФС Абделькадером Ха-

шани. Возможно, подобную трансформацию взглядов генерал отразил еще в 1993 г. в статье в армейском журнале «Эль-Джейш», указав, что «... феномен исламизма представляется как новый выбор общества, а не социальная, культурная и экономическая лихорадка, управляемая с помощью искусственных средств, какими бы насильственными они ни были».

Именно М.Туати вместе с начальником генштаба генералом М.Ламари и другими военными определял контуры политической альтернативы исламизму. Он поддержал политику «гражданского согласия» Бутефлики, позволившую оставить не у дел около 6 тысяч боевиков.

Теракты в США 11 сентября 2001 г. вновь подвигли генерала выступить в прессе в трех ипостасях: военного советника главы государства, председателя ВСНБ и представителя министерства обороны при президенте. В своей статье он предложил свое видение роли Алжира в международной борьбе против терроризма.

В настоящее время генерал остается среди основных фигур, принимающих военно-политические решения в Алжире. Ныне он превратился в сторонника «умеренного» исламизма, который, по его мнению, должен стать участником политического процесса. При этом он считает, что алжирская армия должна играть такую же роль, как турецкая, т.е. выступать в качестве «гаранта конституции» (94).

По мнению бывшего алжирского премьера Абдессаляма Белаида, генерал Туати «не верит в алжирскую нацию» и связывает будущее Алжира с Францией (94).

Рашид Аиссат, специальный советник президента Алжира

Многих наблюдателей поразила та быстрота, с которой алжирские власти всего за одну неделю апреля 2002 г. инициировали и осуществили конституционную процедуру придания берберскому языку тамазиг статуса второго национального наравне с арабским. Эти стремительность и решительность тем более удивительны, если вспомнить, что незадолго до этого президент Алжира А.Бутефлика категорически отказывался сделать подобный шаг. В итоге многие наблюдатели сошлись во мнении, что при принятии соответствующего решения не последнюю роль сыграл специальный советник главы государства Рашид Аиссат. Кто он такой, этот человек, остающийся среди прочих в «тени» президента АНДР?

Его имя мало что говорит даже искушенным наблюдателям за событиями в Алжире. Известно, что Р.Аиссат – бербер. Он родился в Кабилии. Его отец Садек Аиссат входил во влиятельную Ассоциацию улемов.

Сам Р.Аиссат сделал карьеру кадрового военного. В 16 лет, когда его семья находилась в Тунисе, он вступил в Армию национального освобождения. После достижения Алжиром независимости одно время занимал пост заместителя префекта города Бужи (современная Беджаия). В 1963 г. он вновь надевает военную форму и в звании

младшего лейтенанта становится личным секретарем командующего 1-м военным округом (центральные районы страны) майора Саида Абида. Последний, согласно официальной версии, в 1967 году покончил жизнь самоубийством после неудавшейся попытки путча во главе с полковником Збири.

В 1968 г. Р.Аиссат возглавил военную школу кадетов революции (учебное заведение типа суворовского училища – прим. авт.) в Тлемсене. Затем следует учеба в военном училище в Париже. В начале 70-х годов Р.Аиссат попадает в Управление внешних сношений. Эта структура относится к службе военной разведки. В этот период службу контрразведки возглавлял Язид Зерхуни, при Бутефлике – глава МВД Алжира.

Затем в качестве сотрудника аппарата военного атташе Р.Аиссат направлялся в командировки в СССР, Великобританию, «Черную» Африку и Сирию. В последней стране у него сложились близкие отношения с Рифаатом Асадом – братом тогдашнего президента Сирии.

В середине 90-х годов в звании полковника вышел в отставку и на одно время занялся разведением скота. Тем не менее и в этот период сохранил тесные связи с военным командованием. Считается доверенным человеком генерала Абдельмаджида Шерифа – шурина Ламина Зеруаля.

Первая попытка войти в политику относится к 1991 г. Однако тогда ФНО отказался вносить имя Р.Аиссата в список своих кандидатов. На выборах 1997 г. первоначально баллотировался по спискам ОКД в родном ему Тазмальте. В итоге был вынужден выступить в качестве независимого кандидата и проиграл представителю другой проберберской партии – ФСС. В марте 1999 года незадолго до внеочередных президентских выборов вошел в предвыборный штаб А.Бутефлики. После победы последнего получил должность специального советника президента. На этом посту провалил, в частности, порученную ему миссию сформировать в Кабилии лояльные Бутефлике общественно-политические организации.

Карим Юнес – спикер Национальной народной ассамблеи

Представитель партии ФНО 54-летний Карим Юнес избран спикером Национальной народной ассамблеи (ННА) на состоявшемся 10 июня 2002 г. первом заседании нижней палаты алжирского парламента, избранной 30 мая.

ФНО завоевал абсолютное большинство мест в ННА по результатам парламентских выборов. Он получил 199 мандатов в 389-местной нижней палате.

В ходе тайного голосования в ННА за кандидатуру К.Юнеса был подан 271 голос. Его соперник представитель исламистской Партии национальной реформы Мохаммед Джахид Юнси получил 52 голоса.

К.Юнес по образованию – специалист в области литературы и иностранных языков. Долгое время работал на различных админи-

стративных должностях в организациях, близких к ФНО, в течение почти 30 лет единолично правившему в Алжире. В 1990 г. вошел в состав ЦК и политбюро Фронта. Занимал пост госсекретаря по профессиональному образованию в правительствах Ахмеда Уяхьи (1995–1998 гг.), Смаила Хамдани (1998–1999 гг.) и Ахмеда Бенбитура (1999–2000 гг.). В ушедшем в отставку после выборов 30 мая 2002 г. правительстве Али Бенфлиса он занимал пост министра профессиональной подготовки.

К.Юнес – уроженец города Беджаия, столицы Малой Кабилии.

Халида Туми-Мессауди, министр информации и культуры, официальный представитель правительства АНДР

Одной из самых ярких фигур в сформированном 17 июня 2002 г. правительстве Алжира, без сомнения, является министр информации и культуры, официальный представитель правительства Халида Туми (по мужу – Мессауди). Известная в Алжире и за его пределами борец за права женщин, берберка по происхождению, 44-летняя Х.Туми-Мессауди заняла ответственный пост представителя по печати правительства Алжира после того, как это место было вакантным в течение 4-х лет.

Родилась в 1958 г. в Сиди-Али-Муса, марабутской деревне в Кабилии. В 1977 г. получила степень бакалавра. В 19 лет поступила на математический факультет столичного университета. С 1981 г. активно участвует в женском движении. Возглавила Ассоциацию за равные права между мужчинами и женщинами, инициаторами создания которой стали троцкисты. Затем вошла в руководство Алжирской лиги по правам человека. Достаточно долгое время Х.Туми-Мессауди являлась активисткой влиятельной партии ОКД. В ней она «доросла» до поста 3-го вице-президента.

С 1990 г. Х.Туми-Мессауди возглавляет Ассоциацию за триумф прав женщин. До этого она порвала с троцкистами. В 1995 г. вместе с лидером ОКД С.Саади пыталась реализовать так и оставшийся мертвым проект формирования единого фронта алжирских демократов – Движения за республику.

В 1991 г. решительно поддержала действия Высшего совета национальной безопасности, не допустившего прихода к власти в Алжире ныне запрещенного ИФС. В этот период стала одной из главных фигур в Национальном комитете спасения Алжира. Всецело поддержала политику М.Будиафа. В этот период приняла предложение войти в состав Консультативного совета (законодательного органа переходного периода). После убийства Будиафа выступила с инициативой применения смертной казни в отношении тех исламистов, кто был приговорен в судебном порядке к высшей мере наказания. В разгар террора в период с 1993 по 1996 гг. неоднократно перемещалась между европейскими столицами в попытке противодействовать там исламистской пропаганде.

В 1997 г. по спискам ОКД была избрана в ННА, где возглавляла фракцию своей партии. С весны 2001 г. начала постепенно дистанцироваться от ОКД после того, как эта партия вышла из коалиционного правительства Алжира в знак протеста против репрессий, которые алжирские власти обрушили тогда на участников выступлений молодежи в Кабилии.

Еще до трагических событий в Кабилии Х.Туми-Мессауди была востребована президентской администрацией. В ней она заняла пост советника президента А.Бутефлики.

Пользуется репутацией блестящего полемиста, ярого противника исламистов и консерваторов. Достаточно хорошо известна международной прессе, которая иногда называет ее «Алжирской Пассионарией». В частности, ей была посвящена статья «Алжирка, которая живет стоя» во французском еженедельнике «Нувель обсерватер».

С учетом взглядов Х.Туми-Мессауди, а также того, что в коалиционном правительстве Алжира кроме технократов представлены национал-консервативные партии ФНО и НДО, а также исламистское ДОМ, можно заранее предсказать, что она столкнется с большим числом проблем на посту официального представителя кабинета министров.

Нурдин Аит Хамуда, депутат ННА (созыва 1997 г.) от ОКД, руководитель отрядов местной самообороны Кабилии

Интерес к этому человеку определяется прежде всего его второй «должностью» главы кабийских «патриотов» («патриотами» в Алжире называют бойцов отрядов местной самообороны, вооруженных властями с целью защиты населенных пунктов от набегов исламистов – прим. авт.), поскольку именно под его началом находятся легальные вооруженные отряды берберов. Аит Хамуда – сын полковника Амируша, одного из наиболее известных руководителей АНО. Родился 15 июля 1949 г. в Тассафте, горной деревушке близ Аин-Эль-Хаммама (регион Большая Кабия). В раннем детстве потерял отца и мать. Воспитывался у родственников в провинции Шлеф.

Провалив экзамены на степень бакалавра, он тем не менее получил в 1969 г. от государства в управление автобусную компанию. В 1970 г. вступает во ФНО, и его сразу же проводят в центральную администрацию единолично правившей партии. Без каких-либо определенных функций, он тем не менее составил компанию основным действующим лицам режима и вел жизнь «золотого ребенка». Сразу после «берберской весны» 1980 г. власти направляют его в Тизи-Узу с тем, чтобы наставить «заблудших» на «путь истины». В 1984 г. ФНО попытался создать в Кабилии организацию «Детей шахидов» (так в Алжире называют лиц, погибших во время войны за национальное освобождение – прим. авт.) с тем, чтобы противостоять деятельности активистов берберского движения в регионе.

На деле получилось иначе. В организацию сразу же вступили Ф.Мхенни и адвокат Мокран Аит Ларби, которые тут же сделали ее

оппозиционной режиму. Ее требованиями стали «демократические свободы, сопротивление попыткам манипулирования памятью погибших в целях легитимизации власти». Находившийся в ореоле славы своего отца, Аит Хамуда был назначен представителем по печати организации и быстро забыл о той миссии, которая ему была поручена. В феврале 1985 г. он вместе с семьей единомышленниками попытался нарушить ход семинара по истории, организованного ФНО. Нарушителей спокойствия арестовали и бросили в тюрьму, где они провели одну неделю. Этот арест сыграл решающую роль в формировании взглядов Аита Хамуды. Исключенный из ФНО, он тут же примкнул к Саиду Саади. Вместе с собой он привнес будущему лидеру ОҚД «революционную легитимность», которой тому так не хватало. Второй раз Хамуду арестовали 5 июля 1985 г. за попытку организовать празднование Дня независимости перед зданием Государственного суда безопасности. В декабре того же года он получил 11 месяцев тюрьмы. В 1989 г. выступил в роли одного из соучредителей ОҚД. В 1994 г. стал одним из идейных вождей отрядов самообороны в Кабилии и их представителем перед военными властями. В июне 1997 г. избран депутатом ННА, где благодаря радикальности своих выступлений стал одной из «звезд» алжирского парламента. Позднее, вынужденный создавать образ, «достойный отца», оказался втянут в многочисленные скандалы, в том числе и в историю, связанную с убийством Л.Матуба.

2. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Аббас Ферхат	50, 51
Аббут Арески	136
Абд аль-Крим	22, 24–31, 36
Абденнур Абдеслям	116
Абделькадер (эмир)	20, 51
Абрика Белаид	92
Абу Абдаллах	18
Адгирни Ахмед	47, 48
Азулай Андре	39
Аль-Глауи	30
Аит Амран Моханд	52, 54
Аит Ахмед Хосин	52, 53, 57, 118–123, 125, 126, 130, 133, 175
Амара Иддир	3, 18
Амаль Ахмед	169
Амезиан бен Али аль-Хаддад	
Мухаммед	21
Арехмуш Ахмед	46
Аршан Махмуд	37
Ассид Ахмед	43, 44, 166
Аттайюб Абдулахи	158
Аурид Хасан	39, 40, 45
Ахердан Махджуби	31, 36, 37
Ахердан Узин	143
Ахитус Абдалла	46
Ашехбар Шакир	37
Бага	12
Бассет Анри	171
Бей Саид	105
Белькасем Лунес	97, 158, 163
Бельмансур Абдельвахаб	45
Бельфких Абдельазиз Мезиан	34, 35, 45
Бельхадем Абдельазиз	81
Бенаисса Мохаммед	39, 40
Бен Бадис Абдельхамид	83
Бен Белла Ахмед	53, 57, 58
Бенбитур Ахмед	124, 188
Бенгана Катия	165, 166
Бенданнун Набиль	175
Бенджедид Шадли	61, 62, 119, 129, 170, 185
Бен Ладен Усама	117
Беннаи Уали	52–54

Бенфлис Али	62, 88, 96–100, 102, 108, 124, 134, 188
Бенхаму Мохаммед	37
Бенюнес Амара	128, 136, 176
Блюм Леон	30
Богуд	12
Бозин Ахмед	158
Боккус	12
Боккус I	12
Боккус II	12
Брахими Али	138, 139
Буакуир Самир	120, 121
Буали Мустафа	163
Бу Багла	21
Буда Ахмед	53
Будиаф Мохаммед	57, 59, 60, 62, 69, 81, 119, 188
Бульмедарат Кадиджа	158
Бумалька Абдалла	180
Бумедьен Хуари	57, 58, 62
Бунфур Абдалла	180
Буссиф Милуд	168
Бустила Ахмед	82
Бутефлика Абдельазиз	62, 72–74, 79–81, 87, 91, 97, 99, 100, 103, 104, 106, 107, 109, 122–125, 129–132, 138–140, 146, 148, 152, 154, 165, 169, 170, 185–187, 189
Бухадеф Мустафа	119, 124
Вирабов А.Г.	61, 181
Гайа	10
Галан-Перне Полетт	171
Гасдрубал	10
Гернадиус	15
Геродот	13
Года	12
Гулуса	11
Гуэнун Али	177
Дабагин Ламин	53
Десло Тьерри	10
Джабалла Абдалла	164
Джаут Тахар	66
Джеддаи Ахмед	122, 123, 125, 126, 135
Джуба I	12
Джуба II	12, 13

Джугурта	11, 42
Дилем Али	67, 169, 170
Егорин А.З.	9, 182
Жюльен Шарль-Андре	29, 30, 182
Заазаа Абдалла	38
Занун Амель	165
Збири Тахар	62, 187
Земуш Саид	158
Зеруаль Ламин	62–64, 126, 127, 129, 187
Зерхуни Язид	78, 82, 91, 94, 98, 108, 187
Зуабри Антар	162
Ибн Зияд Тарик	17, 32, 40, 180
Ибн Халдун	19, 31
Ибрагими Ахмед Талеб	130, 160
Ид Белькасем Хасан	46, 143, 146
Идрис II	17
Иккен Буазза	37
Иссад Моханд	80, 81, 86, 89, 91, 92, 102, 153, 154, 164
Исхак	17
Калигула	13
Каэна	15
Касер Моханд Урамдан	158
Кербуа Али	119, 124
Клеопатра	12
Кобищанов Ю.М.	7, 160
Конаре Альфа Умар	155
Косейла	15, 83
Крим Белькасем	55, 58
Лаенсар Моханд	37, 38
Лаймеш Али	52
Лалла Фатима	21
Ламари Мохаммед	62, 124, 125, 186
Ламари Смаин	62
Ланда Р.Г.	22, 51, 53, 61, 182
Лиотэ	26
Лунауси Мулуд	138, 139
Лунес Абделькасем	151, 152
Маамери Джуди	126

Майсара	16
Малек Реда	128
Маммери Мулуд	6, 54
Марк Антоний	12, 13
Масиниса	10, 11, 52
Масиниса II	12
Масиниса Гуэрмах	89
Мастиес	13
Матвеев В.В.	8, 182
Матуб Лунес	39, 60, 64, 65–71, 118, 139, 158, 161, 166, 190
Медиен Мохаммед (Тауфик)	62, 92, 124
Мезиан Мохаммед	80, 81
Мерабет Стефан Аррами	174
Мербах Касди	62
Мессауди Халиджа	128, 188
Мисипса	11
Мостанабал	11
Мохаммед VI	32, 39, 42, 45, 48, 49, 146, 148, 155
Мулай Идрис I	17
Мулай Сулейман	20, 21, 32
Мулай Хасан, Хасан II	30, 33
Мхенни Ферхат	63, 74, 99, 102, 105, 113–118, 125, 136–139, 189
Наваро Педро	19
Наили Рашид	135
Нахнах Махфуз	126, 164
Неззар Халед	62, 185
Ниа Хосин	128
Обейд Аллах	16
Оезалсес	10
Октавий	12
Октавия	12
Пандо Хуан	31
Паша Аззам	52
Петэн	26
Пигмалион	9
Помпей	12
Птолемей	13
Рамдан Аббан	55, 56
Раха Рашид	48, 146–148, 152

Рашиди Али	123
Ребрад Исад	135
Робертс Хьюг	110
Робинсон Мэри	46
Саади Саид	101, 126–133, 135, 176, 188, 190
Саенс Джеймс	158
Саид Мохаммеди	56, 163
Сайяд Адель	135
Сальхи Шауки	85
Сапронова М.А.	161, 182
Святой (Блаженный) Августин	14
Секфали Зинеддин	19
Си аль-Хадж Мухаммед Мукрани	21
Си Белькасем Мохаммед	158
Сид Али Яхья	54
Сиди Мохаммед,	29
Мохаммед бен Юсеф	
Сидус Малика	159
Сильвестре	25
Сиф Мина	269
Сифакс	10
Скипион	10
Сосус	12
Софонисб	10
Султан Ахмед	50
Такфаринас	13
Туами Абдалла	11
Туати Мохаммед	62, 105, 185, 186
Туре Амаду Тумани	155
Уазар Хамид	136
Ульд Али Эль-Хади	77, 82, 138, 139
Ульд Хамуда Амар	52, 53
Усседик Омар	52
Уфкир Мохаммед	31
Уяхья Ахмед	62, 63, 109, 134, 188
Ферджалла Джамаль	88, 134
Феркал Мабрук	142–145, 147, 148
Филали Лембарек	54
Франко	30
Фуад Лахбиб	175

Хадж Мессали	50, 52, 53, 55
Хакер Салем	75–77, 179
Халед (эмир)	51
Хамрауи Хабиб Шауки	67, 68
Ханун Луиза	106, 107
Хатиб Абд аль-Крим	34, 36
Хаттаб Хасан	99, 162
Хашед Смаил	67
Хашид Малика	4, 176
Хелиль Амар	53
Хелифати Моханд Амокрэн	53
Хиёмпсал II	12
Хурминес Антонио Феликс Мар-тин	143, 144
Цезарь	12
Чураков М.В.	8, 160, 182
Шабу Абделькадер	62
Шафик Мохаммед	40, 45
Шерби Мох	10
Шериф Хашеми	128, 179
Ширак Жак	158
Шрайби Рошди	45
Элиза	9
Эль-Мусауи Ахмед	36
Юсуфи Абдеррахман	35–37, 39, 41, 48, 156

3. СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АЗСК – Альянс за свободную Кабилию
АКП – Алжирская компартия
АМРЕК – Марокканская ассоциация поисков и культурных исследований
АНО – Армия национального освобождения
АОЖД – Алжирское объединение женщин – демократов
БКД – Берберское культурное движение
ВБД – Вооруженное берберское движение
ВГС – Высший государственный совет
ВИГ – Вооруженная исламская группа
ВКА – Всемирный конгресс амазигов
ВСА – Высший совет (по делам) амазигов
ГДА – Группа действий амазиг
ГИР – Гражданские инициативы за развитие
ДАК – Движение за автономию Кабилии
ДС – Демократический союз
ДЗД – Движение за демократию
ДНО – Движение за национальное обновление
ДОМ – Движение общества мира
ДСАМ – Демократический союз алжирского манифеста
ДСД – Демократическое и социальное движение
ДСК – Движение за свободную Кабилию
ДТДС – Движение за торжество демократических свобод
ЕФАА – Европейская федерация ассоциаций амазигов
ИФС – Исламский фронт спасения
КГЗР – Комитет граждан в защиту республики
КДА – Культурное движение амазиг
КДИ – Культурное движение имазигенов
КДИМ – Культурное движение имазигенов – Мзаб
КДШ – Культурное движение шенуи
КИБК – Королевский институт берберской культуры
КСГ – Комитет свободных граждан
КСДКК – Координационный совет деревенских комитетов Кабилии
ЛАГ – Лига арабских государств
МАИКО – Марокканская ассоциация исследований и культурных обменов
МДА – Марокканское движение амазиг
МСТ – Марокканский союз труда
МУС – Международный уголовный суд
НД – Народное движение
НДО – Национальное демократическое объединение
НКАА – Национальная координация ассоциаций амазигов
ННА – Национальная народная армия
ННА – Национальная народная ассамблея

ННД – Национальное народное движение
НОН – Национальное объединение независимых
НПО – Национальное патриотическое объединение
НРА – Национальный республиканский альянс
НСАР – Национальный совет алжирской революции
ОКД – Объединение за культуру и демократию
ПАН – Партия алжирского народа
ПИ – Партия Истикляль
ПНДД – Партия народно-демократического действия
ПОР – Партия обновления и равенства
ПСР – Партия справедливости и развития
ПТ – Партия труда
РКЕД – Революционный комитет единства и действий
САЗ – Североафриканская Звезда
САМ – Союз арабского Магриба
СГПД – Салафистская группа проповеди и джихада
СО – Специальная организация
СПТ – Социалистическая партия труда
ССНС – Социалистический союз народных сил
ФКБАФ – Федерация культурных берберских ассоциаций Франции
ФНО – Фронт национального освобождения
ФСС – Фронт социалистических сил

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ БЕРБЕРОВ	9
Берберы до вторжения арабов	9
Эпоха арабских завоеваний и берберских династий	15
Колониальный период	20
2. БЕРБЕРЫ В МАРОККО	24
Берберы в период протектората	24
После достижения независимости	32
3. БЕРБЕРЫ В АЛЖИРЕ	50
Берберы и борьба за независимость	50
40 лет борьбы	57
«Черная весна»	77
Координационный совет деревенских комитетов Кабилии	83
Общественно-политические организации алжирских кабил	112
4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРУКТУРЫ БЕРБЕРОВ	141
5. РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА, ИСТОРИОГРАФИЯ	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
БИБЛИОГРАФИЯ	181
ПРИЛОЖЕНИЯ	185

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства
в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко,
З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества
(израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономи-
ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском
Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".

- 30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
- 31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
- 32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
- 34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

- 35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
- 36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
- 37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
- 38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
- 39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
- 40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- 41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
- 42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
- 43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
- 44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
- 45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности".
Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей
(Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы
в экономике стран Северной Африки".
(Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зезв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль".
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)".
Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы
торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта
и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное со-
стояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ
РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** " Бесконечное противостояние. (Израиль и араб-
ский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. В.А.Исаев, А.О.Филоник "Кувейт: Контуры экономических пе-
ремен". (совместно с ИВ РАН)

98. О.В.Плешов "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. М.З.Ражбадинов "Радикальный исламизм в Египте". (совместно с ИВ РАН)
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Сборник.
103. "Иран и СНГ". Сборник.
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. **Ахмедов В.М.** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика".
108. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник.
109. **Юрченко В.П.** "Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы". Сборник.
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола)
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник.
114. **Уразова Е.И.**"Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ".
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru
--

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev
and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 1999**
35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State
Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab–Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)
114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

М. С. СЕРГЕЕВ

БЕРБЕРЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Подписано в печать 7.12.2003 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 13,375 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 87

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»